

LE MESSAGER

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

№ 159

II - 1990

ВЕСТНИК
РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

159

ПАРИЖ – НЬЮ-ЙОРК – МОСКВА

№ 159

II - 1990

ВЕСТНИК РХД — № 159 — VESTNIK-LE MESSAGER

Publié par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes
en collaboration avec les éditions «YMCA-Press»

*

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Алексей Киязов,
прот. Кирилл Фотиев Ю. Кублановский, О. Раевская, Н. Струве.

—
Ответственный редактор: Н.А. Струве

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Условия подписки на 1991 год (3 выпуска) :

Франция : 250 фр.

Другие страны : (*Sea Mail*) 300 фр.
(*AIR MAIL*) 360 фр.

Цена отдельного номера: 90 фр. (*без пересылки*)

Чеки выписывать на имя: «LE MESSAGER»

(Почтовый счет — CCP : № 23-601-57 U, Paris)

Издание Русского Студенческого Христианского Движения
при участии изг. «YMCA-Press»

Адрес для ПОДПИСКИ : «Le Messager», ACER,
91 rue Olivier de Serres, 75015 Paris, France

Адрес РЕДАКЦИИ : «Le Messager», c/o YMCA-PRESS,
11 rue de la Montagne-Sainte-Geneviève, 75005 Paris, F.

Directeur responsable : Nikita Struve

LE MESSAGER

ВЕСТНИК
РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

159

ПАРИЖ – НЬЮ-ЙОРК – МОСКВА

№ 159

II - 1990

Copyright © Le Messager. Paris 1990

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

От редакции

Факт возрождения и оздоровления православной Церкви в России налицо: первая с 1917 г. литургия в Успенском кремлевском соборе, первый крестный ход через всю Москву, слово патриарха Алексия на паперти Вознесенской церкви, где венчался Пушкин, о единстве двух культур, до- и послепетровской, красноречиво свидетельствуют о высвобождении Церкви из тисков государства.

Принятие нового закона в значительной мере закрепляет независимость Церкви. Но даже не эти символические торжества и не законодательные акты важны: важно то, что десятками возвращаются храмы и монастыри, что при них организуются школы, библиотеки, богадельни и другие дела милосердия; что доступ ко Христу впервые за 72 года открыт детям и подросткам.

И этот благословенный, чудодейственный, поворотный момент в истории русского православия, вместо того, чтобы возрадоваться о милости Божьей и возблагодарить за нее, некоторые, и, увы, не только инославные, но и свои, хотят использовать, чтобы внести раздор и раскол на русской земле.

Мы не будем здесь говорить о попытках Рима — извечных, начиная с крестоносцев XIII в. и кончая орденом иезуитов в XX-м, — распространить свое влияние, а если можно и власть на Россию; не будем говорить о трудном украинском вопросе, где национальные чувства слишком часто перевешивают церковные соображения, но о том, что нас, православных на Западе, близко касается.

В Соборном послании епископы “Зарубежного Синода” объявляют без обиняков, что они “не только могут, но и должны” образовать свою юрисдикцию на территории поместной русской Церкви. И это не просто намерение: известно, что они, при посещении России, рукополагают

клириков, принимают под свой омофор недовольных священников и их приходы (в Суздале и Омске).

Эту раскольничью деятельность послание карловацких епископов обосновывает на грубой исторической неправде и на богословском наивнейшем или умышленном заблуждении.

Исторически неверно, что в кровавые годы гонения большинство клириков и церковного народа не признало митр. Сергия (за что пострадало), в то время как меньшинство, идя на соглашение с безбожной властью, пользовалось неприкосновенностью и всяческими благами. Непризнававшие митр. Сергия, кто за декларацию 1927 г., кто за учреждение Синода, кто за перемещение епископов, оставались сравнительно немногочисленны, а “серианское” большинство пострадало от преследований не в меньшей мере, чем те, кто был с ним не согласен.

Историческая неправда не так страшна, ибо это всего лишь ошибка или натяжка, и, в конце-то концов, дело не в большинстве. Страшнее богословское заблуждение, ибо оно касается самой сути Церкви. Послание уверяет, что в Патриаршей Церкви благодать существует только в меру искренности священников (о иерархах не упоминается, вероятно они и при искренности неблагодатны). Подчинять благодать субъективному состоянию священнослужителя коренным образом противоречит православному учению о таинствах: такой подход либо приводит к абсурду (кто будет судить об искренности собрата), либо к крайнему протестантизму, где нет священноначалия, а только личности, наделенные индивидуальными харизмами. Считать, что русская православная Церковь неблагодатна, есть хула на Духа Святого (поэтому, м. б., послание этого прямо не говорит, а лишь подразумевает). А если она благодатна, то учинять на ее территории раскол есть величайший грех.

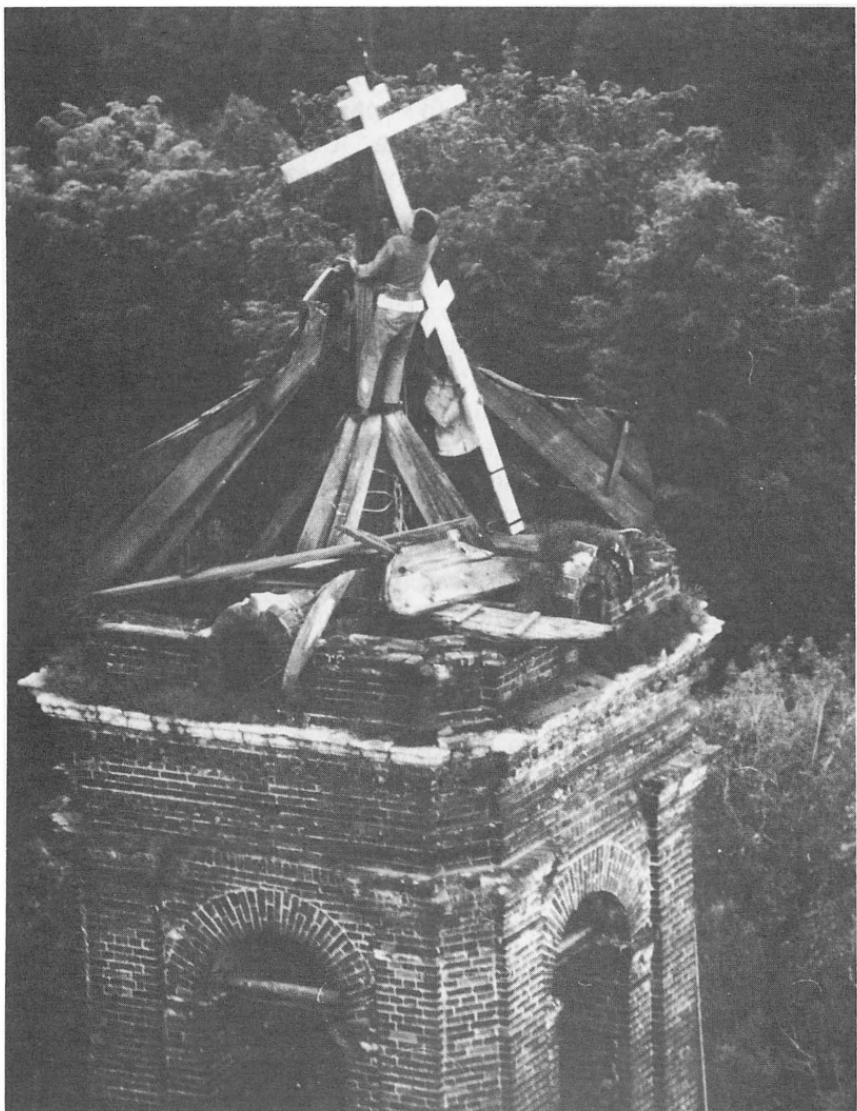
Хочется остеречь зарубежных карловацких епископов от дальнейших непоправимых шагов или слов. Остерегайтесь оценивать чистоту чужих риз. Вспомните собственный недавний путь. Беспристрастный историк отметит, что в эмиграции основная ответственность за раскол 1923–26 гг. лежала на Архиерейском Карловацком Сино-

де: достаточно было не ущемлять наизаконнейших прав митр. Евлогия, полученных им непосредственно от св. патриарха Тихона, чтобы избежать пагубного разделения. Беспристрастный историк отметит, что, притязая на права автокефальной церкви, Карловацкий Синод укрепил раскол в греческой церкви, восстановив старостильникам иерархию (что бумерангом обернулось против Синода, ибо наиболее крайние или гнилые элементы переходят теперь из Карловацкой юрисдикции к грекам старостильникам!). Беспристрастный историк отметит, что после войны ни один епископ, ни один клирик Карловацкой юрисдикции (такие, в частности, ее столпы, как еп. Нестор Анисимов, митр. Серафим Лукьянов, архиеп. Серафим Соболев и др.), попав в сферу советского влияния, не удалился на покой или в катакомбы; все они без исключения преспокойно вошли в состав Московской Патриархии или сотрудничали с ней...

Мнить себя единственным раздаятелем благодати во всем православном мире есть чудовищная претензия и пагубное самоослепление. Если Карловацкий Синод утверждается в этом горделивом заблуждении, он, уже *de facto* отъединенный от Вселенской Церкви, рискует отпасть от нее ужс не временно, а навсегда. Да не будет!

Возрождающееся православие в России нуждается в помощи всего зарубежья. И карловацкая ветвь могла бы принять в этой помощи деятельное и творческое участие, если бы не противопоставляла свою мнимую чистоту многострадальной Церкви в России, 70 лет гонимой, после войны оседланной, затем вновь гонимой и униженной, но, видит Бог, не сломленной и воскресающей к новой жизни.

Никита Струве

Колокольня храма преп. Савватия и Зосимы Соловецких в Гальянове

БОГОСЛОВИЕ - ФИЛОСОФИЯ

Монахиня ЕЛЕНА

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ (1219–1263) *

Современная Православная Церковь благовейно осуществляет евхаристическое, литургическое богослужение, таинства, проповеди, богословское обучение в духовных школах и успешную экуменическую деятельность. Однако этим не исчерпывается вся сущность христианства. Оно есть героическая, дерзновенно–смиренная вера в Бога, позволяющая человеку прикоснуться в духовно–мистическом опыте к живой Божественной Тайне Пресвятой Троицы. Христианство представляет собой также духовно–мистическое, интеллектуально обоснованное, всеобъемлющее мировоззрение, о котором святой апостол Петр в своем Первом Послании сказал, что христианин обязан каждому требующему дать отчет в своем упоминании с исчерпывающей полнотой, кротостью и благоговением. Но для этого необходимо иметь четкое осознание этого миропонимания.

Святой апостол Павел в 13 главе своего Первого Послания к коринфянам дал гениальное определение первохристианской любви, без которой немыслимо христианство (13, 1–8):

“Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал

* Лекция прочитана в ленинградских духовных школах в октябре 1988 г. Монахиня Елена — в миру Полонская, по мужу Казимирчик, выдающийся ученый–астроном.

звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякие познания и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдаю тело мое на сожжение, а любви не имею, то нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится. Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не помнит зла. Не радуется неправде, а сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся и языки умолкнут и знание упразднится... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь, но любовь из них больше.“

Между тем в последнее время эта любовь все стремительнее исчезает. Христианство ставит своей высшей целью “стяжание благодати Святого Духа”, которое должно давать вдохновение и силы в любом творчестве и труде, особенно в пастырском служении. Подлинное христианство есть жизнь в молитвенном и трудовом предстоянии перед Богом. Наконец, христианство есть высшая непревзойденная нравственная система, в которой существенную роль играет глубочайшее смирение перед Богом, как внутренняя сила человека, и скромность в сочетании с христианским достоинством перед людьми.

Все это и осуществлял в своей жизни и деятельности св. Александр Невский. Естественно, что многое, типичное для его времени, потеряло свою актуальность в нашу эпоху. Однако его мировоззрение и основные достижения в жизни и деятельности представляют неисчерпаемое богатство красоты и глубины духа, которые останутся идеалом до скончания века.

Часто наши современники переносят недостатки христиан на само христианство, что неверно. На эту тему написана прекрасная статья талантливым русским философом Н. А. Бердяевым: “О достоинстве христианства и недостоинстве христиан“.

Если настоящий доклад усилит любовь в душах присутствующих к св. Александру Невскому и вызовет желание подражать ему, то цель доклада будет достигнута. Поскольку мне известно, что среди слушателей есть

лица, начавшие осуществлять медицинское обслуживание больных, от всей души приветствуя их, желаю им больших успехов и позволю себе напомнить, что наряду с облегчением физических страданий очень важно уметь с участием выслушать больных и дать им душевное утешение с сердечной любовью.

Необходимо отметить, что существует довольно обширная литература о св. Александре Невском, среди которой, с моей точки зрения, следует выделить книгу Н. А. Клепинина “Святой благоверный великий князь Александр Невский”, основанную на летописях и документах, характеризующих образ, житие и деятельность великого князя. Следует упомянуть и труды современного автора Л. Н. Гумилева, профессора, доктора исторических наук и сына замечательного поэта Н. Гумилева, трагически погибшего в 1921 г. и оставившего богатое поэтическое наследие. Л. Н. Гумилев ставит целый ряд исторических проблем и, в частности, вопросы, касающиеся эпохи Александра Невского. Его интересует, каким образом такой сравнительно немногочисленный народ, как монголы, могли вдруг взять такую громадную власть над великой Русью. Чем это объяснить? Он ставит задачу шире — найти причину, исторически объясняющую временную власть более слабых народов над более сильными, и не находит ответа на эту проблему гуманитарными методами. Поэтому он творчески обращается к естествознанию и его методологии, в частности, создает новое понятие “этноса”. Этнос есть облик народа или оригинальный стереотип его поведения, который развивается под влиянием природных условий окружающей среды и передается путем условно-рефлекторной наследственности. Исходя из этих позиций, Л. Н. Гумилев определяет, что монголы в эпоху св. Александра были молодым этносом в стадии своего подъема, просуществовали как таковой около 60 лет, как раз во времена св. Александра, и вот этой молодостью и могучей силой подъема и объясняется их власть над Русью.

Нет возможности больше распространяться о деятельности Л. Н. Гумилева, так как тема доклада в стенах Академии преследует другую цель — дать характеристи-

стику образа, жития, деятельности и самоотверженных подвигов св. Александра ради спасения Руси.

Прежде чем приступить к изложению, необходимо дать исторический обзор и характеристику князей эпохи св. Александра, так как только на этом фоне можно реальнеее показать его гениальную государственную деятельность, с одной стороны, и его святость, мученичество и высочайшую этику, с другой.

Святой Александр был призван Господом к велико-княжескому служению в исключительно трудную историческую эпоху тяжелейшего лихолетья Руси. С севера угрожали шведы с их регулярной королевской армией; с запада тревожили непрерывные набеги Литвы, и главную опасность представляли два объединившихся при св. Александре католических ордена — Ливонский и, особенно, мощный и дисциплинированный Тевтонский, — претендовавших не только на русские земли, но и на подчинение Православия Римскому Престолу. А с востока надвигалось на Русь все возраставшее в силе могучее Монгольское царство, стремительно достигавшее в ту эпоху своего высочайшего расцвета, простиравшееся от Туркестана до границ северного Китая и азиатской пустыни Гоби.

В то же время внутри страны раскрывалась трагичная картина. Охарактеризуем кратко положение в ту эпоху трех основных центров на Руси: Киева, Суздаля и Новгорода.

Киев был некогда величественный, культурный, богатый, в нем была широта, глубина и размах; в ту пору уже начинало слагаться глубокое христианское мировоззрение и зарождалось сознание национального единства всей Русской земли. Появились величественные храмы, передовые библиотеки и школы. Киево-Печерская Лавра с ее великими святыми подвижниками и духовными направлениями творчески перерабатывала византийское православие применительно к русским условиям.

В лучших южно-русских князьях ощущалась красота христианского духа, умение охватывать широкие горизонты и свободные дали, а вместе с тем в них отражалась

былинная поэзия удали и лихого полета. В других же таилась еще буйная стихия язычества, приводившая к неизбежным столкновениям и княжеским междоусобицам, которые стремительно вели Киевскую Русь к трагической розни и гибели. В то же время непрерывные нападения кочевников разоряли хозяйство и подрывали торговлю. В результате всех этих бедствий южное население стало массами переселяться на север. Итак, к концу XII в., за два десятилетия до рождения св. Александра, Киевская Русь обеднела, запустела, и мощному врагу нетрудно было разорить ее окончательно.

Постепенное переселение южно-русского населения на север, миссионерская деятельность монашества и русских князей, наконец, благоприятные природные условия, защищавшие северные земли от южных кочевников, — все это содействовало возвышению Северной Руси. Приходившие с юга князья воздвигали здесь, на урочищах древнеязыческой Чуди, новые русские города: Ярославль, Сузdalь на реке Нерли, Владимир на Клязьме, Ростов, Переяславль и другие.

Князь Юрий Долгорукий был первым, кто понял будущее государственное значение Сузdalьской земли. Он энергично принял за ее хозяйственное устройство, за построение храмов, укреплений, городов и всемерно поощрял ее колонизацию. Дело Юрия Долгорукого усердно продолжали его сыновья и преемники — Андрей Боголюбский и дед св. Александра — Всеволод Большое Гнездо, при котором — в результате упадка Киева — возросла Сузdalь и окончательно сложилась Сузdalьская земля, куда вместе с князьями переселялись и их дружины и бояре. Хозяйственный строй жизни и государственное управление в Суздале развивались совершенно самобытными путями: они были неразрывно связаны с княжеским хозяйством. Там постепенно сложился новый великорусский тип.

Внутренние облики Киева и Суздаля существенно различны: Киев в период своего расцвета — это величие, культура и размах; Сузdalь — это малокультурная, так называемая “сермяжная” Русь, сильная своей связью с князем и землей, защищенная массивами лесов и разливами

рек от южных врагов. От Суздаля берет свое начало цельная, смиренная, убогая Русь, но и через святого Александра и его сына святого Даниила — великодержавность Москвы. Суздальский князь крепко держит в своих руках власть, ответственно сознавая, что в единстве князя и народа — сила на Руси. Но это властолюбие стало камнем преткновения между Суздalem и вольным, сильным, но строптивым Новгородом. “Господин Великий Новгород” существенно отличался и от Киева, и от Суздаля. Целый ряд причин повлиял на создание в нем особого государственного строя. Неплодотворная почва заставляла новгородцев заниматься охотой, рыболовством и торговлей. Будучи средоточием великого края, населенного энергичным и предприимчивым народом, Новгород богател трудами самого населения, без особого участия княжеской власти. Эта власть сосредотачивалась в руках крупных торговцев—бояр. Однако верховной властью было вече — собрание всех свободных новгородцев, которое направлялось “большими людьми” — боярами. Но иногда против них восставали “меньшие люди” — мелкие земледельцы и беднота, — которые ограничивали власть бояр. Это противоречие было источником частых распреи и междуусобиц. В одном только все новгородцы были едины — в отстаивании своих вольностей.

Князь был для них лишь предводителем войска во время нападения внешних врагов и судьей со строго ограниченными правами, что подтверждалось особыми договорами. Всякая попытка князя перешагнуть через эти ограничения вызывала немедленный отпор новгородцев. В мирное время новгородцы предпочитали более отдаленных киевских князей, не претендовавших на ущемление их вольностей. А во время нападения внешних врагов они обычно призывали властных, но более мужественных и ответственных суздальских князей. Отличительной чертой жизни Новгорода было усиление земского строя за счет ограничения княжеской власти в управлении Новгородской землей. Возвышение Суздаля столкнуло его с Новгородом. В Северной Руси оказалось два центра: крепкий своей княжеской властью Суздаль и богатый свободолюбивый Новгород. В обликах Суздаля и Нов-

города — глубокое различие. Новгород стал на пути Суздаля; началась постоянная борьба сузальских князей с новгородцами. Это были не междоусобицы южно-русского типа, а подлинная борьба двух сильных воль, двух упрямых стремлений. Такова была исключительно трудная историческая обстановка на Руси во времена рождения св. Александра: кругом могучие внешние враги, на юге — разрушающийся Киев, на севере — два соперничающих центра — растущий Сузdal' и свое-нравный Новгород. В таких условиях ни один гениальный государственный или политический деятель не смог бы спасти Русь. Для этого нужны были не только выдающиеся дарования св. Александра, но и его героическая вера в Бога, святость и самоотверженная любовь.

Величие св. Александра заключалось в том, что он с ранней юности осознал в предстоянии перед Богом весь глубокий трагизм своей исторической эпохи, добровольно принял, по примеру подвига Спасителя, свой крестный велиокняжеский путь и остался непоколебимо верен ему — во имя Божие — до самой безвременной кончины своей.

Таким образом, святой Александр явил в своем *Житии* и управлении Русью совершенно новый тип православной русской героической святости, подвижничества и мученичества на самом высшем государственном посту.

Глубоко постигнуть и достойно оценить его подвиги можно только через правильный анализ его эпохи и через глубокое проникновение в поставленные и самоотверженно осуществленные им религиозно-церковные, патриотические и исторические задачи.

Святой Александр — сын великого князя Ярослава Всеволодовича и блаженной Феодосии — родился 30 мая 1219 г. в Переяславле Сузальской земли. В трехлетнем возрасте он был взят из терема от любимой матери и посвящен Богу, как будущий князь Руси, посажен на коня и поручен воспитанию дядьки-боярина, который обучал его грамоте по Библии и Псалтири и развивал его физические силы, ловкость и храбрость на очень опасной охоте.

Житие св. Александра указывает на его выдающиеся способности с раннего детства. Он быстро научился читать и писать и целые часы проводил над книгами;

особенно пристрастился он к чтению и изучению Священного Писания. Он был силен, ловок, мужественен и красив. Везде он был первым — и в чтении Псалтири, и на охоте, и впоследствии на войне. Но в то же время у него была постоянная обращенность в глубину души. Он любил Бога всем пламенем своего горячего сердца, любил людей и удивительно сочетал со своим исключительным мужеством трогательное милосердие и участие к обездоленным.

Мироуспокоение княжича развивалось с раннего детства в двух направлениях, типичных для суздальских князей. С одной стороны, это была Церковь и церковная жизнь с ежедневным посещением ранней литургии, что воспитывало любовь к Церкви, к Слову Божию, к глубине и красоте богослужения, культивировало ответственность перед Богом и родиной. С другой стороны, княжич привыкался понимать связь княжеского двора со всем княжеством, готовился к ответственной власти и государственной самоотверженной деятельности.

Он вырастал замечательным суздальским князем. Основными чертами этих князей были: глубокое благочестие, любовь к красоте богослужения и церковной обстановки, возведенная страсть к храмостроительству. Каждый из них оставил по себе храм, который он любил крепкой любовью, как свое творение и как свой дар Богу.

Сузальские князья любили приходить в храм с рас- светом, сами зажигали лампады и свечи, любовались в одиночестве красотой храма и икон, проливали слезы умиления с размягченными сердцами, а выходили из храма в суровый мир властными князьями-самодержцами. Они держали землю крепкой и для многих тяжелой рукой. В войнах они умели выжидать, медлить и утомлять противника, пользуясь распутицей, разливами рек, холодами. Но, уверившись в возможности победы, они шли решительно и были беспощадны к врагам. Под их сдержанностью скрывалась большая страсть и властолюбие.

Ярослав Всеволодович был глубоко верующим, исконно благочестивым, но суровым и замкнутым, с приступами то гнева, то милосердия.

В облике св. Александра есть наследственные черты отца и предков, но он значительно перерастает во всех отношениях свой род: вместо неподвижности, медленной тяжести отца и дедов, в нем поражает легкость сердца, быстрота мысли и движений. Но от своих предков он унаследовал глубокое благочестие, серьезность взглядов и сдержанность, уменье самостоятельно переживать, решать и таить в себе свои думы и намерения. Во всей своей деятельности св. Александр воплощает лучшие традиции суздальских князей, но преображает их благоуханием своей святости. Св. Александр с раннего отрочества чувствовал исключительную ответственность за Православную Церковь и Русь перед Богом.

Ему очень рано пришлось войти в жизнь из-за переезда в детском возрасте вместе с семьей из Переяславля в буйный Новгород. Ярослав приучал сына с малолетства присутствовать на судах и бурных собраниях веча. Это была суровая школа жизни.

В 1228 г., после ряда победоносных войн с нападавшими на Новгород врагами, но крупных, бурных расхождений с новгородцами в управлении, Ярослав окончательно ушел из Новгорода и оставил двух сыновей — старшего Федора и девятилетнего Александра с их боярами для управления городом.

Вскоре начались великие бедствия: разрушительные землетрясения во время литургии в разных городах Руси, затем продолжительная засуха и страшный голод в Новгороде. Среди небывалого ожесточения сердец проявилось трогательное милосердие юного княжича Александра. Он стал заступником сирот и вдовиц, активным помощником голодающим и страждущим. По словам летописца, никто не уходил из его дома неутешенным. Это милосердие впервые привлекло многих новгородцев к молодому князю.

В 1233 г. Федор, перед самой своей свадьбой, скоропостижно скончался, и Александр в 14 лет остался один управлять Новгородом вместе с боярами. В течение трех лет Ярослав приходил многократно отражать нападения Литвы и меченосцев на Новгород. Сохранились сведения,

что Александр уже в 15-летнем возрасте принимал участие в военных походах своего отца.

Три года спустя Ярослав сделался великим князем киевским, и с этого времени св. Александр, в возрасте 17 лет, стал совершенно самостоятельным князем новгородским.

Через год начались страшные события — нашествие хана Батыя на Русь. Вступая на чужую землю, монголы обычно шли облавой, как на ханской охоте на тигра. Они двигались широкой лавиной, разрушая города и селения, а потом сходились в заранее назначенном месте для совместного сокрушительного удара. Их конница не могла идти облавами среди русских лесов, озер и рек, особенно во время разливов. Поэтому для похода на Русь Батый избрал зиму, когда болота и реки скованы льдом.

В начале 1237 г. орды Батыя двинулись сначала на Рязань, убили князя и княгиню, бояр, духовенство, чернечев и много народа, затем разрушили весь город с его святынями и направились на Владимир. Взяв город приступом, они убили сыновей великого князя Юрия — брата Ярослава, сожгли церковь, в которой погибли на хорах епископ Митрофан, вся остальная великорусская семья, масса бояр и народа, после чего разгромили весь город до основания и пошли облавой по всей суз达尔ской земле. В ожесточенной сече они убили великого князя Юрия, замутили его племянника — ростовского князя Василько, стойко отстаивавшего свою православную веру; беспощадно сожгли и разрушили ряд суз达尔ских городов, взяли Переяславль и, наконец, двинулись на Новгород. Св. Александр начал укреплять город, готовясь к его обороне, но он непоколебимо верил и горячо молился со всем духовенством и народом в соборе св. Софии о спасении Новгорода.

Вдруг в марте началась бурная весна с разливами рек, и Батый внезапно, в 100 верстах от Новгорода, повернулся на юг, и город был спасен. Затем, разбив печенегов, он вернулся в Азию.

В 1239 г. св. Александр женился на княжне Александре, дочери полоцкого князя Брячислава.

Зимой 1240 г. Батый снова вернулся на Русь, обрушился на Киев, разгромил его, затем подверг той же участи Владимир Волынский, всю Волынь и Галицкую Русь и, наконец, двинулся на Западную Европу. Но ввиду разногласий, возникших в Монгольском царстве после смерти хана Огодая, Батый принужден был вернуться из Европы через южную Русь в Азию. Вскоре вся Русь сделалась монгольским улусом, как и другие завоеванные страны, и была обложена тяжелой данью. Во всех городах были поставлены ханские наместники, а русские князья должны были получать ярлыки на княжение от ханов и ездили за ними на поклон в Орду.

Во время ожесточенной борьбы с монголами все северо-западные враги стали надвигаться на Русь.

Святой Александр обладал исключительным государственным умом и замечательным историческим предвидением в сочетании с глубочайшей верой в Бога и трезвым жизненным реализмом. Поэтому после первых наступлений Батыя он сразу — впервые в истории — правильно оценил угрозу и мощь Монгольского царства, и для него было ясно, что борьба с монголами только начинается... В то же время он понимал, что Северной Руси, и особенно Новгороду, угрожают и другие сильные враги: шведы, Литва и католическая Европа, натиски которых всегда отражались только сузdalьскими князьями. Святой Александр отдавал себе ясный отчет в существенном различии опасностей, угрожавших с Востока и Запада. Монгольское царство сокрушало Русь грандиозным размахом своих военных завоеваний, но оно не утверждало насилием своей веры и своего быта; монголы в то время отличались сравнительной веротерпимостью и война с ними не носила религиозного характера.

Между тем, западный мир меченосцев хотя и осуществлял свои завоевания в более медленном темпе и в меньших масштабах, но он явно претендовал на духовное порабощение русского народа, на сокрушение Православия, на существенное изменение мировоззрения и внутренней жизни Руси. Борьба с меченосцами носила ярко выраженный религиозный характер.

Св. Александр, как русский православный князь, преемственно воспринял историческую миссию защиты Православия и Руси. Все это определило существенно различный характер его западной и восточной политики и его решение сначала отразить натиск Запада. Поэтому весь первый период военной деятельности святого Александра был обращен к нему.

Исторические события на Руси не замедлили развернуться в соответствии с этими взглядами и решением великого князя.

В страдную летнюю пору 1240 г. пришла неожиданная весть, что шведы вторглись в новгородские пределы в устье реки Ижоры на Неве. Не имея никакой возможности собрать ополчение со всех разбросанных новгородских земель, св. Александр “разгорелся сердцем” (согласно летописи) и выступил только со своей дружиной, владычным полком и малым новгородским ополчением. Прежде всего он пришел в Софийский собор и пламенно молился Богу о даровании ему божественной помощи в сражении. Получив благословение от епископа Спиридона, он вышел из храма с духовным подъемом, обратился к своей рати с вдохновляющими словами: “Не в силе Бог, а в правде!” — и, полный веры, надежды и мужества, повел свое ополчение на север. Ночью, вблизи Ладожского озера, он узнал от благочестивого христианина Пелгусия, устремленного на помощь св. Александру, что — согласно его видению на озере — святые Борис и Глеб плывут на ладье, чтобы оказать поддержку великому князю. Вдохновленный этим сообщением, св. Александр присоединил ладожское ополчение к своей рати и поехал через леса на шведов.

15 июля днем, в праздник св. равноапостольного князя Владимира, произошла ожесточенная сеча. Св. Александр, как меткий охотник, сразу тяжело ранил предводителя шведского войска. Его дружина отважно и самоотверженно сражалась по примеру своего любимого князя. Сеча закончилась к вечеру того же дня полной победой св. Александра. Остатки вражеской рати сели в ладью и ночью умчались в море. Натиск шведов был

отражен. Слух о неожиданной победе облетел всю страну. При звоне колоколов св. Софии великий князь Александр, прозванный после этой победы “Невским”, въехал в Новгород. Его торжественно встречали все духовенство и народ. Но слава и почести не затмили в душе великого князя его благодарности Богу: он направился прямо в Софийский собор, хваля и славя Святую Троицу за одержанную победу.

В 1240 году исполнилось совершеннолетие св. Александра (21 год). С этого времени он входит уже сложившимся победоносным князем в историю Руси. Отныне мы слышим в летописи его голос, знаем про его действия, видим его святость и мужество.

Во время похода на шведов меченосцы совершили набег на Псков. Дальновидный св. Александр, понимая, что война только началась, решил усилить свою рать. Но политически близорукие новгородцы усмотрели в этом усиление княжеской власти и недопустимое нарушение их вольницы. Тогда возмущенный князь Александр через полгода после победы над шведами покинул Новгород со своей семьей и двором и переехал в Переяславль.

Немедленно после этого начались страшные беды: меченосцы и Литва напали на новгородские земли и стали разорять их. Тогда новгородцы опомнились и умоляли св. Александра вернуться в Новгород после его годичного отсутствия. Св. Александр великодушно прощал легкомысленных новгородцев, немедленно собрал из них и жителей прилегающих земель ополчение, напал на город меченосцев, воздвигнутый на русской земле, разрушил его до основания, перебил многих врагов и множество увел в плен; однако вскоре некоторых отпустил — “бе бо милостив паче меры” — свидетельствует летописец. В ответ на эти действия орден меченосцев захватил Псков и поставил там своих наместников. Св. Александр вместе со своим младшим братом Андреем взял Псков приступом и двинулся во владения ордена. Тогда Ливонский орден объединился с более сильным, деятельным и организованным Тевтонским орденом, чтобы нанести сокрушительный удар Руси и Православию. Они представляли

собой целый могучий мир агрессивного латинства и мощную военную силу. Св. Александр, узнав, что меченосцы мобилизовали огромную рать, отступил с их земель, поставил свои полки на русском берегу Чудского озера. Хотя была уже весна, Чудское озеро было еще покрыто крепким льдом. Неравная борьба стала неизбежной. Новгородская рать осознала на этот раз всю серьезность положения и сплотилась с любовью вокруг своего князя. Св. Александр горячо молился Святой Троице, дерзновенно умоляя о благодатной помощи.

5-го апреля 1242 г., когда св. Александру не было еще и 23 лет, наступил день решительного боя. На восходе солнца меченосцы в накинутых поверх доспехов белых плащах с нашитыми на них красным крестом и мечом двинулись по льду озера и, построившись клином и сомкнув щиты, врезались в русскую рать и пробились через нее, вызвав смятение у новгородцев. Тогда св. Александр с запасным полком ударил в тыл врага. Началась великая сеча. Новгородцы опомнились, погнали дрогнувшую Чудь и меченосцев по льду этого озера на протяжении 7 верст, где врагам некуда было скрыться. Несмотря на преобладающую по числу воинов и хорошо организованную мощь врага, св. Александр одержал решительную победу в течение одного дня благодаря своей несокрушимой вере, чудесной помощи Божией и ангельского мира, мужеству, мудрым стратегическим приемам и крепкой сплоченности новгородской рати вокруг него. Погибло множество меченосцев; часть раненых скрылась в лесах, остальные рыцари были взяты в плен.

Св. Александр со славой въехал в Псков и сразу прошел в собор Св. Троицы, где был отслужен благодарственный молебен. Магистр ордена прислал в Новгород послов с просьбой о мире. Он отказался от всех захваченных русских земель и предложил обмен пленными, на что св. Александр согласился.

Таким образом, на Неве и на Чудском озере св. Александр отстоял самобытность Руси на западе в самое тяжелое время монгольского нашествия на Русь. Эти победы не принесли окончательного мира, но они направили историческую судьбу русского народа в спасительное русло.

После этих побед св. Александра два главных врага Северной Руси долгое время не отваживались нападать на нее. Однако, множество отдельных литовских княжеств все еще представляли для нее опасность. С ними велась многолетняя изнурительная война. Нападения Литвы на Русь особенно усилились в 1242 г. во время борьбы с меченосцами; св. Александр с новгородской ратью разбил подряд семь литовских отрядов, проникнувших на новгородские земли. Несколько лет после этого в Новгороде был внешний и внутренний мир. Создалась крепкая связь между Александром и Новгородом и некоторое понимание ими его исторического пути.

5-го мая 1244 г., когда св. Александру было 25 лет, скончалась в Новгороде его любимая мать — княгиня Феодосия Ярославна, принявшая перед смертью постриг в монашество с именем Евфросинии. Она была похоронена в монастыре св. Георгия рядом с сыном Федором.

В 1245 г. Литва снова сделала набег на новгородские земли и дошла до Торжка, захватив много пленных. Св. Александр с новгородцами взял приступом город и отбил всех пленных, но он считал эту войну незаконченной — вопреки мнению новгородцев, которые отказались воевать дальше и вернулись в Новгород. Св. Александр видел грехи своего народа, никогда не потворствовал им, но обычно великодушно прощал, как и в данном случае. Один, только со своей преданной дружиной, он вошел в литовские пределы, разбил еще несколько литовских отрядов, добился окончательной победы над Литвой и на долгое время обеспечил Руси мир.

В 1246 г. папа Иннокентий IV отправил на Русь два посольства: к князю Даниилу в Галич и к св. Александру в Новгород. Властолюбивый Рим хотел использовать разорение Руси монголами и надеялся добиться согласия русских князей на унию и признание власти папы, обещая крестовый поход с западным рыцарством на монголов. Князь Даниил дал согласие, за что впоследствии трагично и унизительно расплатился; св. Александр дал с достоинством решительный отказ.

Так закончился первый период деятельности св. Александра, направленный на победоносную борьбу с Западом ради защиты Православия и Руси от всех западных врагов: шведов, меченосцев, Литвы и Рима.

Но деятельность св. Александра в Новгороде не ограничивалась этой защитой. В годы относительного мира он посвящал свой труд управлению и правосудию, что было связано также с огромными трудностями и огорчениями из-за безрассудной преданности новгородцев своей вольнице. Но св. Александр всегда помнил, что он призван Господом к этому крестному служению, и за своей княжеской властью он непрестанно видел волю Божию и Божию Правду. Над сплетением и борьбой новгородских партий мы видим его ясный и прямой взгляд, ведущий Русь по правильному историческому пути. Гибкий и уступчивый в мелочах, не имеющих принципиального значения, чуждый всяческих политических дрязг, он становился твердым и непреклонным в достижении главной цели, в которой он видел осуществление Правды Божией: поэтому вся его деятельность становится олицетворением предельной государственной ответственности, смиренного служения Богу и дерзновенной угрозы по отношению к врагам, олицетворением мужества и веры, мудрости и благородства, любви и самоотвержения. Всегда и везде он трудился не для себя, без гордости, тщеславия и честолюбия, но с христианским достоинством и полным самоотречением — во имя Божие, на благо Церкви, Руси и народа.

Второй период деятельности св. Александра Невского характеризуется обращением всех сил к Востоку — на борьбу с Монгольским царством.

Согласно закону, установленному Батыем, все русские великие князья должны были получать ярлыки на княжение в Орде от Хагана — центральной монгольской власти. Такой участи подвергся и отец св. Александра Ярослав Всеволодович, ездивший в Орду для получения ярлыка на великое княжение киевское. На обратном пути он скончался в степи 30 сентября 1246 г. Глубокой скорбью отозвалась в душе св. Александра кончина любимого и высокочтимого отца.

После смерти Ярослава освободился киевский престол. Св. Александр и его брат Андрей были вызваны в Орду для получения ярлыков на княжение. Приказ Батыя поставил св. Александра перед необходимостью ответа. Согласие или отказ приехать в Орду означали мир или войну с монголами.

Святой Александр хорошо понимал, что весь русский народ и особенно гордый Новгород ждут от своего непобедимого князя отказа. Но сам св. Александр в глубине своего сердца сознавал, что не народу надо угождать, а необходимо услышать и выполнить волю Божию и учесть реальные возможности русского народа.

Как гениальный государственный деятель, обладающий разумением грядущих исторических перспектив, он понимает всю несоизмеримость внешних сил Монгольского царства и ослабленной непрерывными войнами и разоренной Руси.

Св. Александр предвидит неминуемую гибель своей родины в случае сопротивления монголам в данную историческую эпоху. Поэтому великий князь приходит к единственному выводу: временно подчиниться монгольскому царству, рассматривая это видимое повиновение как скрытый творческий путь борьбы с ним, — во имя подготовки Руси к будущей открытой победе над этим царством, что фактически и наступило в эпоху св. Сергия Радонежского и великого князя Дмитрия Донского. Для осуществления этой подготовки св. Александр считает необходимым восстановление всех разрушенных войнами укреплений, храмов, городов, и, главное, поддержку и развитие упавшего духа народа. Дальнейшие исторические судьбы Руси подтвердили правильность избранного св. Александром духовного и национального пути его родины.

После пламенной молитвы в полном одиночестве и глубокого внутреннего борения, св. Александр — непобедимый богатырь, но верный своему высокому княжескому призванию — решает смириться до конца, отречься от себя, взять добровольно предназначенный ему Богом крест и ответственно выполнить во имя Божие свое служение. Он бесповоротно решает ехать в Орду. И в этом

преклонении перед волей Божией, в этом склонении перед реальной силой жизни — гораздо бóльший подвиг, чем в славной смерти.

Отныне на св. Александра ложится печать мученичества и начинается путь его восхождения к святости. И именно это мученичество, это безысходное страдание за Землю Русскую впоследствии почувствовал, понял и оценил в нем русский народ, несмотря на временный ропот и возмущение, которыми был богат тернистый путь св. Александра после его видимого подчинения монголам во имя непонятого современниками спасения Руси.

Приказ Батыя застал св. Александра во Владимире, куда он приехал после смерти своего отца.

Всех ехавших в Орду смущало требование монголов пройти через огонь для очищения и поклониться идолам. Эта тревога жила и в сердце св. Александра, и с ней он пошел к митрополиту киевскому Кириллу, жившему в то время во Владимире. Он был единственным человеком на Руси, который до конца понимал и разделял взгляды св. Александра. Митрополит Кирилл дал ему запасные Святые Дары и благословил его на страдание за Христа со словами: “Господь да укрепит тебя”.

Св. Александр с Андреем и небольшой свитой двинулся в Орду к Батыю, где накануне их приезда были замучены за отказ поклониться идолам святой князь Михаил Черниговский и святой боярин Федор. Св. Александр, узнав об этом, решил последовать их примеру. Монголы подвели св. Александра к двум кострам, между которыми он должен был пройти для очищения, чтобы затем поклониться идолам. Великий князь отказался, заявив, что христианину не подобает кланяться твари, а только Богу во Святой Троице. Монгольские чиновники послали сообщить Батыю о неповиновении князя, а св. Александр стал готовиться к мученической кончине. Но посол хана привез его приказ привести князя к Батыю, освободив его от исполнения обряда. Св. Александра впустили в роскошный шатер Батыя. Великий князь мужественно подошел к Батыю, поклонился ему четырехкратно по монгольскому обычая и сказал: “Царь,

тебе поклоняюсь, поскольку Бог почтил тебя царством, а твари не поклоняюсь, только Единому Богу, Ему же служу и чту Его". Батый выслушал эти слова и помиловал св. Александра. Трудно установить истинную причину этой милости. Сохранившиеся свидетельства говорят, что Батый, отпуская св. Александра, воскликнул: "Истину мне сказали, что нет подобного ему князя".

Согласно некоторым источникам, Батый послал св. Александра и Андрея к великому хану в Каракорум, к которому лежал долгий путь через Урал, киргизские степи, через плоскогорья Монголии и преддверья Китая. Эта поездка убедила св. Александра в великой мудрости Монгольского царства и в правильности избранного им исторического пути для Руси. Св. Александр получил ярлык на великое княжение Киевское, а Андрей — на великое княжение Владимирское.

В 1250 г., после трехлетнего тяжелого странствования по азиатским степям, св. Александр вернулся на Русь. Киев он застал в руинах, поэтому он вернулся в Новгород и сразу смертельно заболел. Это потрясло новгородцев; во всех церквях служились многочисленные молебны о здравии великого князя. Как в годы трагичных нашествий врагов, вольный Новгород объединился со своим князем в великой любви. В 1251 г. св. Александр окончательно выздоровел. Однако вскоре ему пришлось расстаться навсегда с Новгородом по вине своего брата Андрея. Сделавшись великим князем Владимирским, Андрей почувствовал свою силу; но, не обладая высокими качествами св. Александра, он не устоял перед искушением стать великим освободителем Руси. Во время следующей поездки св. Александра в Орду, Андрей — вместе с князем Даниилом Галицким — начал подготавливать восстание против монголов, о котором немедленно поступил донос хану, который стремительно двинул на Андрея карательную орду во главе с Неврюем. В Переяславле произошла жестокая сеча, и город был разрушен. Андрей, сначала мужественно сражавшийся, не устоял и бежал в Новгород, где его не приняли, а затем бежал с семьей в Швецию.

В связи с этим св. Александр стал — по приказу хана — с 1252 года, в возрасте 33 лет, великим князем Владимирским. В душе св. Александра сразу возникло глубокое сочувствие Владимиру с его многочисленными храмами, воздвигнутыми с горячей любовью его предками — суздальскими князьями Юрием Долгоруким, Андреем Боголюбским, Всея володом Большое Гнездо. Привлекал и княжеский двор, соединявшийся крытыми переходами с хорами церкви св. Дмитрия Солунского.

Во Владимире св. Александр жил размеренным княжеским бытом своих отцов и дедов: на рассвете ходил в храм на раннюю литургию, затем вершил княжеский суд, общался с близким по духу митрополитом Кириллом, беседовал со странниками, монахами и мирянами, ездил осенними утрами на охоту в окрестные рощи...

Но главным его делом был напряженный велико-княжеский труд для спасения Руси.

В тишине Владимира, среди величия его храмов и красоты поэтической природы, начался новый духовный и творческий этап в жизни и деятельности св. Александра. Он развивался в двух направлениях: с одной стороны, великий князь восстанавливал разрушенные города и храмы, строил новые укрепления на территории Руси, возрождал своими беседами и деяниями упавший дух народа. С другой стороны, он разрабатывал и осуществлял новый план восточной политики.

В первом направлении своей деятельности во Владимирский период св. Александр проявляет себя как выдающийся мирный строитель и мудрый управитель всей Русской земли. Только здесь он впервые смог осуществлять подлинное “княжеское служение”, понимание которого сложилось под влиянием Церкви еще в Киевской Руси, затем усовершенствовалось в Сузdalской земле и, наконец, перешло в Москву. В этом древнерусском понимании княжеского служения знаменательна его направленность на “оцерковление” мира. Сущность этого заключается в понимании, что мир и его дела не оторваны от общего бытия, заключенного в Церкви, а сопричастны ей. Поэтому долг каждого человека и,

особенно, князя сводится к тому, чтобы сделать жизнь в мире “оцерковленной”. Так, например, преподобный Кирилл Белозерский писал в свое время князьям, что праведное исполнение мирского княжеского делания выше в очах Божиих молитвы и поста. Церковь благословляет государство и его цель: ограждение от зла на земле и хранение правосудия, то есть, устроение государства на основе Божественной Правды, что ведет вверенных Богом князю людей ко спасению. Вне этого церковного разумения княжеского служения нельзя до конца понять св. Александра, ни его деяний, ни его святости. С этой точки зрения главной задачей князя — наравне с защитой государства от внешних врагов — является внутреннее устроение княжества на основе заветов Церкви.

Все это и осуществлял св. Александр во Владимире: основные его усилия были направлены на сохранение и дальнейшее развитие внутренних духовных сил народа, на возрождение культуры и церковного духа Руси. Поэтому Владимирский период придает особую полноту всей внутренней деятельности св. Александра, которая сводилась, по существу, к улучшению и укреплению церковной жизни на Руси в государственном масштабе. Вся восточная политика св. Александра и его неуемная энергия были направлены на предотвращение всегда угрожавших мятежей измученного и постоянно разоряемого народа, ненавидевшего монголов. Св. Александр сознавал, что любой вспыхнувший мятеж в каком-либо уголке Руси мог мгновенно уничтожить все плоды многолетнего строительства великого князя и погубить всю Русь, погашая и ту внутреннюю силу, которая еще теплилась и начинала возрождаться в народе. После глубоких дум св. Александр приходит к единственному выводу: необходимо немедля оградить народ от непосредственного соприкосновения с монголами и неизбежных столкновений с ними. Поэтому великий князь берет на себя мученический крест: быть ответственным за всю Русь — посредником между монгольскими ханами и русским народом, то есть, стать единым “Наместником Монгольского Царства на Руси”. Но это влечет за собой необходимость исполнять все приказы монгольских ханов,

независимо от того, каких бы внутренних мук это ни стоило для св. Александра. Таким полным внешним повиновением монголам и исполнением их безусловных приказов, требующими от св. Александра громадного смирения и предельного самоотвержения, он добивается доверия со стороны ханов, отделяет от них русский народ, предотвращает мятежи и монгольские нашествия, угрожающие погубить не только русскую землю, но и ту внутреннюю силу Руси, которую великий князь с таким трудом восстанавливает. Эту политику, столь трагичную для св. Александра, народ, особенно новгородский, не понимает.

Глубокий взгляд на исторические события, отражающий их подлинный смысл и дальнейшие перспективы, недоступен народным массам. Они видят перед собой лишь внешние факты и непосредственно на них реагируют. Св. Александр, напротив, отчетливо понимает, что мятежи на Руси — это проявление подлинного национального чувства и обнаружение внутренней народной силы, но в данный исторический момент они фактически преждевременны и потому являются противонациональным делом. Великий князь сознает также, что не понимающий его народ может в известный момент выйти из-под его власти и навлечь на всю Русь ханский сокрушительный гнев. Поэтому в результате своей деятельной любви к народу св. Александр уступает ему во всем второстепенном, не имеющем принципиального значения, остается непоколебимым в главном, в чем он видит осуществление Божией Правды. Когда народ, особенно в своевольном Новгороде, идет в своем ослеплении против собственного блага и губит Русь, св. Александр не считается с ним и, несмотря на ропот и явное сопротивление, пользуется — с глубокой скорбью в душе — своей великокняжеской властью карать и даже казнить и принудительно ведет народ к его спасению. Но в то же время св. Александр сознает, что по существу народ, поднимающий восстание, исходит из одних побуждений с ним и стремится к той же цели, но, не умея учесть исторические перспективы, заблуждается лишь во внешних путях осуществления этой цели. Эти не-

устранимые расхождения великого князя с народом ложатся глубочайшим трагизмом на его душу и создают из него мученика.

С мученическим венцом он и входит в Православную Церковь и в русскую историю и в сознание народа. Он выбирает этот путь служения среди внешнего смятения жизни. Он идет по нему неуклонно, с исключительной твердостью и гибкостью, не отступая. Во всей его деятельности проявляется особая уверенность, сознание того, куда он идет и куда он ведет русский народ. Поэтому в св. Александре могучая духовная сила сочетается с пророческим видением, проникающим в скрытую от его современников сущность грядущих исторических путей Руси. Если теперь, на расстоянии веков, оценивать этот путь, по которому св. Александр повел Русь, то можно только признать его совершенную правильность.

Борьба с монголами, которые рассматривали Русь как единый улус, требовала усиления единодержавия княжеской власти, которая не допускала бы на территории всей Руси проявления своеволия и мятежа и содействовала бы восстановлению и укреплению внутренних сил страны. Поэтому св. Александр боролся в последний период своей жизни за свое единодержавие, за единство Руси под своей властью и государственной ответственностью. Исходя из этих побуждений, переезжая во Владимир, он оставил на новгородском княжении своего сына Василия с тем, чтобы вместе с ним вести единую линию в государственном управлении и в политике по отношению к Монгольскому царству.

Вскоре в своевольном Новгороде разгорелись внутренние смуты. “Большие люди” понимали, что отрыв Новгорода от Владимирского князя грозит ему гибелью. “Меньшие люди”, безрассудно отстаивая свою вольницу, изгнали князя Василия и избрали посадником Новгорода своего любимца Ананию. В нем не было безудержного новгородского буйства и личного честолюбия, а лишь бескорыстное служение новгородской вольнице.

Узнав о таком своеволии новгородцев, св. Александр, объединившись с Василием, пошел на Новгород и, желая избежать кровопролития, потребовал, чтобы Анания

добровольно сдал посадничество ради спасения Новгорода от заслуженного наказания. Благоразумный и честный Анания, искренне преданный своему городу, выполнил требование великого князя. Мир был восстановлен, и Василий остался управлять Новгородом.

Но в это время надвигалась новая гроза от монголов. Упорядочивая свое управление, хан Менгу издал приказ произвести перепись населения на Руси. Св. Александр поехал в орду с целью отмены приказа, но монголы оказались неумолимы. В 1258 г. он принужден был вернуться на Русь с монгольскими "численниками", чтобы произвести перепись. Снова взбунтовался Новгород, его жители изгнали численников и отказались от переписи. Тогда св. Александр принужден был сам впервые ввести монголов в свободный Новгород. Князь Василий воспринял это деяние как позор своего отца и бежал в Псков в знак протеста. Св. Александр не пощадил и сына и с болью в сердце сослал его, а виноватых новгородцев соответственно наказал. Спасая монгольских численников от растерзания негодящими новгородцами, великий князь велел своей верной дружине взять их под свое покровительство и провел лично, вместе с монголами, перепись населения в Новгороде. Но, никогда не помня, по великолепию своего сердца, зла по отношению к новгородцам, он приложил огромные усилия, чтобы добиться для них особых льгот и не допустить оставления численников в Новгороде. После переписи, еле живой, он возвращается из Новгорода во Владимир и первым делом приходит к своему единственному другу митрополиту Кириллу и благодарит его, утверждая, что только его молитвами он остался жив. Митрополит Кирилл, как всегда, глубоко понимает всю духовную муку своего друга.

Св. Александр был исключительно одинок на своем пути. Он был несопоставимо выше, духовно и государственно одаренное всех даже самых выдающихся своих современников. Он постоянно восходил по пути мученичества и святости, оставаясь в то же время всегда связанным с миром через свою великокняжескую деятельность. Никто не мог сравниться с ним по силе духа и государственной ответственности, по широте и глубине

исторических горизонтов, правильной оценке событий и мудрому предвидению грядущих путей Руси, по силе любви к Богу, Православной Церкви и русскому народу, по глубине смирения, самоотверженной любви и полноте самоотречения. Все исторические сведения сообщают о непонимании св. Александра всеми его современниками, за исключением митрополита Кирилла. Против него часто проявлялся скрытый ропот и даже открытое противодействие; против него выступали даже его братья и сын. Св. Александр безгранично страдал от этого непонимания и сопротивления, но он мужественно продолжал идти по пути Божией Правды, никогда не снижая уровня своего высочайшего и сурового служения. Св. Александр был любим народом, боярами, дружиной, но эта любовь не была пониманием; это была любовь интуитивная, оценившая его высокую деятельность по практическим положительным плодам. Но в минуты ответственных решений он был, за редчайшим исключением, всегда одинок. Существовал только один—единственный человек на Руси — митрополит Кирилл, который понимал великого князя и поддерживал его в государственном служении. Их политика в отношении к Монгольскому царству полностью совпадала; вместе они самоотверженно и дружно трудились во Владимире. Митрополит Кирилл воссоздавал церковное управление, восстановил разрушенные храмы, поднимал духовный и культурный уровень духовенства и народа, вводил благолепие церковного чина. Он добился громадными усилиями от монгольского хана особого ярлыка, освобождавшего все православные церкви, монастыри и духовенство от наложения дани и представлявшего им особые права и льготы.

Но главным делом преподобного Кирилла было учреждение в 1261 г. отдельной епархии на территории Монгольского царства (в Сарае) для русских пленных в орде. Вся церковная политика митрополита Кирилла по отношению к монголам была впоследствии воспринята всеми его преемниками на Владимирской и Московской митрополиях.

Все эти деяния митрополита Кирилла выделяют его среди других представителей Церкви, соединяют со святым Александром, ставят их имена рядом и несопоставимо возвышают их над всеми современниками.

После возвращения св. Александра из Новгорода во Владимир он продолжал свои многолетние труды по управлению и укреплению Руси.

В 1261 г. родился его четвертый сын Даниил — будущий родоначальник московских великих князей и основатель московского Свято-Данилова монастыря.

Между тем, над святым Александром нависали все более тяжелые грозовые тучи. Монголы существенно изменили способ взыскования дани на Руси, отдав ее на откуп беспощадным восточным купцам, которые в случае невозможности или несвоевременности уплаты назначеннной дани продавали русских людей с их семьями в рабство и увозили в орду. В народе стало нарастать отчаяние, испепелявшее даже страх перед ханским гневом и разрушением страны.

В начале 1263 г. народ не выдержал и изгнал жестоких купцов из Владимира и других суздальских городов. Русь вышла из подчинения св. Александру и подняла восстание. Весть о нем немедленно долетела до хана, и над всей страной нависла угроза его гнева. Все долголетние труды великого князя по воссозданию Руси могли рассыпаться в прах. Вскоре пришла весть о готовящемся нашествии хана, за ней и другой страшный приказ: выставить русские войска на стороне монголов в их борьбе с персами. Такое требование превосходило все возможности долготерпения русского народа.

Св. Александр, смирив себя до последнего предела, с тяжелейшим сердцем немедленно поехал в орду, захватив с собой богатые подарки. Из всех поездок эта была самой безнадежно трудной и трагичной: св. Александр должен был добиться величайших льгот — прощения мятежа и освобождения от требуемой военной повинности всего русского народа — народа опального, поднявшего восстание против монголов, вышедшего из повиновения великому князю, за который св. Александр не мог уже лично нести ответственность.

Мученичество великого князя достигло своего апогея и превзошло его богатырские духовные и телесные силы.

Св. Александр провел в орде почти целый год, умилостивляя хана, его воевод и чиновников.

Нет сведений, как ему удалось смягчить грозный гнев хана и выхлопотать не только прощение за мятеж, но и освобождение от воинской повинности. Его мудрость, духовные усилия и жертвы, душевые и телесные муки остались неизреченными и ведомыми лишь одному Богу. Известно только, что за эту победу над ханом и освобождение Руси он заплатил в 44 года своей безвременной кончиной, своей героической и великой молодой жизнью.

* *
*

Осенью 1263 г. святой Александр, будучи тяжело больным, прибыл на Русь. Он направлялся во Владимир, к своему любимому другу Кириллу, чтобы, быть может, молча преклонить свою измученную главу к его груди и услышать от него последние слова сочувствия и утешения. Но и это не было ему дано... Почекуствовав приближение своей кончины, св. Александр остановился в монастыре в Городце. Призвав игумена, он стал просить о пострижении его в монашество. Эта просьба вызвала отчаяние сопровождавших его бояр и слуг. Услышав их вопли, св. Александр приказал оставить его одного и не сокрушать жалостью его душу, уже отрешающуюся от мира.

Св. Александр был посвящен в схиму с именем Алексия. Тогда он призвал своих бояр и слуг и стал прощаться с ними, прося у каждого прощения. Затем он причастился Святых Таин и мирно преставился 14 ноября 1263 г. в возрасте 44 лет.

23 ноября 1263 г. митрополит Кирилл служил литургию в Успенском соборе во Владимире. Когда гонец сообщил ему о кончине св. Александра, он вышел, потрясенный, к народу и сказал:

— Уже зашло Солнце Сузdalской земли.

Весь собор ответил рыданием.

Тело св. Александра везли из Городца во Владимир. Был сильный мороз. Митрополит Кирилл со всем духовенством и народом, с горящими свечами и кадильницами, вышли встречать тело. Стоял плач и стон. Погребение было совершено 23 ноября 1263 г. в церкви Рождества Пресвятой Богородицы.

Житие св. Александра повествует, что, когда митрополичий эконом Севастьян подошел ко гробу, чтобы вложить в руку усопшего разрешительную грамоту, рука св. князя, разжав пальцы, взяла сама грамоту и снова сжалась.

Так скончался мучеником и был погребен св. блажоверный великий князь Александр Невский, являя собой совершенно новый тип русской православной святости — подвига и мученичества в мире, на самом высшем государственном посту.

* *

*

Канонизация св. Александра оформлялась в течение продолжительного времени. Земная Церковь прославляет обычно тех святых, относительно которых имеются явные указания воли Божией, проявляющиеся или в чудесах у гроба, или в нетлении мощей. Чудеса у гроба, запись о которых тщательно проверяется, — это как бы печать и свидетельство святости, уже достигнутой всею жизнью подвижника.

Через 117 лет после кончины святого Александра — 8 сентября 1380 г., в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, в ту самую ночь, когда Дмитрий Донской со всей ратью стоял станом на Куликовом поле перед решительной сечей с Мамаевой ордой, — пономарю Владимирской церкви Рождества Пресвятой Богородицы было видение: свечи возгорелись сами собой; два старца, выйдя из алтаря, подошли ко гробу св. Александра и сказали: “О, господине Александре, восстани и ускори на помощь правнучку своему, великому князю Димитрию, одолеваему сущу от иноплеменников”. Св. Александр встал из гроба и стал невидим.

Узнав об этом видении, митрополит Московский приехал во Владимир и велел открыть гробницу. Тело св. Александра осталось нетленным после 117 лет пребывания в земле. Мои с честью положили в открытой раке в том же храме Рождества Пресвятой Богородицы, установили местное почитание св. Александра во Владимирской епархии и составили церковную службу.

В 1491 г. во время пожара во Владимире сгорел храм Пресвятой Богородицы, но мои св. Александра оказались невредимыми, и даже пелена внутри раки, перед которой совершились многие чудеса, оказалась нетронутой.

После ослабления Византии Русская Церковь получила первенствующее значение. Всегда считалось, что славу Церкви составляют ее святые. На Руси было уже много святых, прославленных местно, память которых не почиталась еще всей Русской Церковью. Для составления общецерковных святцев, свидетельств о чудесах и для установления общецерковного почитания святых по всей Руси митрополит Московский Макарий созвал церковный Собор 26 февраля 1547 г. Этот собор и установил, наконец, общецерковное почитание св. Александра Невского всей Русской Церковью. Он поручил также составить его житие, службу и похвальное слово. Днем празднования св. Александра было установлено не 14 ноября — день его кончины, а 23 ноября — день его погребения во Владимире.

В 1552 г. Иоанн Грозный, шедший со своей ратью на завоевание Казани, остановился во Владимире. Во время молебна перед ракой св. Александра приближенный царя Аркадий, имевший больную руку, исцелился и впоследствии написал житие св. Александра. Иоанн усмотрел в этом исцелении предзнаменование своей победы.

В 1571 г. имело место вторичное видение у гроба св. Александра, аналогичное предшествовавшему, во время нашествия на Москву крымского хана Гирея. В ночь этого видения татары сняли осаду Москвы и ушли в Крым.

Житие св. Александра передает за период с 1380 г. по 1706 г. множество чудес у раки св. Александра: исцеления слепых, больных, расслабленных, одержимых и т. п.

Через четыре с половиной века после кончины св. Александра Невского, по окончании шведской войны, Петр Великий в ознаменование Невской победы св. Александра в 1240 г., происходившей на месте основанной Петром I столицы, построил Александро-Невскую Лавру и велел перенести в нее мощи св. Александра.

В 1723 г. крестный ход, несший мощи, вышел из Владимира в Новгород по дороге, много раз пройденной св. Александром при его жизни. В Новгороде рака была поставлена на ладью и двинулась вниз по течению Волхова к Ладоге. На Неве ладью встретил Петр Великий. Мощи были перенесены на галеру. На руле сидел сам император, а на веслах его сановники и сенаторы. Члены Священного Синода во главе с архиепископом новгородским Феодосием встретили крестный ход у ворот Лавры.

30 августа 1724 г., в годовщину заключения мира со шведами, мощи св. Александра были торжественно внесены в новый храм Александро-Невской Лавры и переложены в серебряную раку. День 30 августа был установлен как праздник памяти св. Александра Невского. В этот день отмечается престольный праздник церквей, воздвигнутых во имя св. Александра. Однако в силе остается и день его погребения во Владимире — 23 ноября.

Итак, русская православная Церковь, движимая в своей жизни Духом Святым, высоко оценила самоотверженные подвиги великого князя Александра Невского, оставшиеся невыразимыми даже для человеческого слова, до конца постигла и прославила его духовный облик и причислила великого князя к лику святых:

“Боготечною звездою пришел еси в мире, блаженне Александре, блистающъ славою и добродетелию; тем же ныне сияеши на небесех славою вечною с лики праведник, с ними же выну воспеваеши Христу: Аллилуia“.

В каждом прославлении святого Церковью есть глубочайшая поучительность. В нем заключается явное указа-

ние, что не только внутренняя жизнь угодника, но и тот путь, на котором он стяжал святость, и его служение благословлены Господом. Каждый святой своим прославлением дает живущим свои благодатные заветы. Св. Александр оставил свой завет, что защита родины и труд для нее, если они совершаются во имя Бога, являются исполнением воли Божией.

Прославляя св. Александра, Церковь признает, что — наряду с монашескими и отшельническими путями святости — есть и самоотверженное государственное служение: внешнее охранение веры, Церкви со всеми ее священнослужителями, всех ее святынь, ограждение мира от зла, устроение государства на основе Божественной Правды и осуществление в жизни заветов Церкви. Это и есть путь св. Александра Невского. Рождением в княжеской семье Господь призвал его к княжению в годы величайшего лихолетья Руси. И св. Александр безропотно, с любовью, смирением и ответственностью принял инес это служение до самой безвременной кончины своей. И потому ублажает его Церковь.

Вся жизнь св. Александра — это одно устремление, как бы прямо летящая стрела, ибо вся она всецело отдана одному служению.

В жизни св. Александра постоянный мучительный шум и вихрь сражений, зарева пожаров, набат вечевого колокола, протесты своевольных бунтарей, происки бояр, борьба партий, вторжения врагов через все русские рубежи.

В его внешней жизни нет никогда покоя. Он то на коне и на поле сражения, то на суде во владычных палатах, то в монгольских степях. Он победоносно отражает всех надвигающихся на Русь врагов, умилостивляет разгневанных ханов, подавляет мятежи, строит укрепления, церкви и города. Его жизнеописание столько же есть его трагичное житие, сколько и печальные страницы русской истории.

Величие св. Александра заключается не только в его победах и делах, не только во влиянии этих деяний на грядущие судьбы России. Это величие — в нем самом, в его образе, в его личной святости. За внешними его

делами всегда стоит он сам; его духовный облик ощущается во всех его поступках. И погружаясь в его житие, все больше и больше начинаешь чувствовать и понимать глубочайшую живую силу его личной святости. И теперь, обращаясь в глубину веков, мы ощущаем и сознаем обаяние его облика, исполненного героического мужества, духовной силы и премудрости, самоотверженной любви.

У него ясный и трезвый взгляд и смирение не только перед Богом, но и перед силой жизни с ее подчас непреодолимыми препятствиями. Поэтому в его пути свобода и широта. У св. Александра особый дар различения между важным и маловажным, подлинным и неподлинным, правильным и неправильным. Поэтому он постоянно жертвовал своей личной честью, но никогда не принес в жертву правды Руси. Его жизнь — постоянный подвиг смирения и самоотречения для служения Богу и людям. Св. Александр чувствовал особую ответственность за судьбы Церкви, духовенства и русского народа. Поэтому мирные труды управления и правосудия совершались им, особенно во Владимире, в непрестанном молитвенном предстоянии перед Богом.

И Церковь воспевает его подвиги: “Радуйся, яко все житие свое освещал еси непрестанным имене Божия призыванием”.

Святые отцы (например, преподобный Кирилл Белозерский) учат, что для человека, верно исполняющего данное Богом служение, дела заменяют продолжительную молитву. Его жизнь претворяется в непрестанную молитву делами. Так, особенно, жизнь св. Александра, протекшая не в тишине пустыни, а на путях, орошенном кровью и омраченном смутиами, была жизнью подвижника. “Радуйся, подвижниче веры, угождение Богу паче всего предизбранный”.

Но наряду с суровой ответственностью, героизмом, решимостью и даже умением карать — в случае противления народа Божией Правде — в св. Александре проявляется и чисто русская черта — милосердие и жалостливость: “Радуйся, нищих и алчущих питателю...”; “Радуйся, беспомощных праведный защитителю”.

Св. Александр поистине подвижник и мученик, но в то же время в нем и просветленное приятие мира. В нем не только сила духа и отрешенность подвижничества, но и красота, и ясность, и преображенность жизни.

Летопись ярко характеризует его земной образ: “бе же лицем красен, очима светел и грозен взором, и паче меры храбор, сердцем же легок”.

Вникая в жизнь и образ св. Александра, словно погружаешься в небо и дышишь его легкостью и широтой. И весь св. Александр предстает в синеве неба — легкий, прекрасный и ясный, твердо и нуклонно устремленный к Богу, но в то же время любящий мир и людей. Это — ясность, горение и любовь святости! Этот лучезарный духовный образ св. Александра пронизывает все его житие, от рождения до самой кончины, и предстает в умиротворенности и преображенности над всем бушующим морем его внешней жизни.

В личности св. Александра, его жизни и деятельности содергится благословение мирского и государственного пути и приятия жизни. Его служение не является отвержением аскетических монашеских путей, но лишь свидетельством многообразия путей спасения, в зависимости от личного дара и призвания, как и свидетельством того, что среди этих различных видов христианского делания есть и путь служения государству.

Св. Александр черпал силы идти праведным путем среди всех искушений и грехов мира в своем живом, молитвенном общении с Богом, в своей любви к Православной Церкви и Руси. Его великий святой пример вдохновляет и достоин подражания в наше время. Но он ярко свидетельствует, что только самоотвержение и жертвенный подвиг отдачи себя своему служению могут принести подлинные плоды, что и мирское делание требует подвижничества, единения в духе с теми, кто достигает святости подвижничеством в пустыне. Его пример учит, что стремление созидать свою страну на вечных истинах церковного учения находится в полном согласии с призывами Евангелия. Его пример зовет к бодрости, к ясности и простоте духа, к целомудрию и подлинному реализму в жизни духовной и земной, к непреложной

принципиальной твердости, к бескорыстной честности, к несокрушимой добросовестности в любом труде, к непоколебимой вере в Бога и Божию Правду. Свою духовно-героической жизнью, своей самоотверженной деятельной любовью св. Александр вдохновляет и благословляет на путь жертвенного и праведного служения Богу, православной Церкви и России. Поэтому Церковь слагает св. Александру свое вечное величание:

“Царя Небесного возлюбив от всего сердца твоего и от всяя души твоей и всею мыслию твою, принесл еси Ему, блаженне Александре, по многоразличных приношениях веры и усердия, себе самого в жертву живу, святу, благоугодну.

Ты в житии своем ревнитель и защитник Православные веры был еси“.

И нас твоими усердными молитвами, Блаженне Александре, в пламенной вере и самоотверженном служении Богу, Церкви, Родине и духовной культуре непоколебимо утверди!

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акафист Святому Благоверному великому князю Александру Невскому, в инонцах Алексию. С.-Петербург. Синодальная типография. Изд. 3-е, 1891.
2. Бердяев Н. А. О достоинстве христианства и недостоинстве христиан. Париж, 1930.
3. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской Церкви. Сергиев Посад, 1894.
4. Гумилев Л. Н. Апокрифический диалог. Журнал “Нева“, №№ 3-4, Л., 1988.
5. Клепинин Н. А. Святой благоверный великий князь Александр Невский. Париж, 1928.
6. Кузьмин В. (иеродьякон). Свято-Троицкий собор бывшей Александро-Невской лавры. Исторический очерк. Лен. Дух. Академия. Рукопись дипл. работы. Л. 1985.

Перенесение мощей св. Александра Невского в Троицкий собор
Александро-Невской лавры (1990 г.)

К ИСТОРИИ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ МОЩЕЙ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

(публикация А.)

Начавшееся недавно возвращение Церкви мощей некоторых особо чтимых в России святых подвижников вызывает множество вопросов у всех, кто хоть немного интересуется историей русской Церкви за последние сто лет. В частности, с особенной остротой встает вопрос о полноте исконности некоторых реликвий. Массовое вскрытие гробниц святых угодников Божиих в 20-е годы, приведшее к исчезновению мощей величайших святых (Серафима Саровского, Александра Свирского и многих иных) или к передаче святыни, после варварских "освидетельствований", в атеистические и краеведческие музеи, имело целью не только уничтожение самих мощей, но и, в первую очередь, даже самой памяти о местно чтимом святом — небесном покровителе села, города — или о подвижнике, почитаемом всей Церковью.

Несмотря на много летнюю бесполезную пропаганду, вера в предстательство угодников Божиих на Руси устояла. более того, спустя много десятилетий, люди верят в неизбежное чудесное спасение мощей, принципиально не допуская такой возможности их гибели. Разоблачительные газетные публикации об обмане верующих Церковью, о восьмых и тряпичных куклах, истлевших костях и прочих посторонних предметах, обнаруженных в гробницах, послужили к возникновению в среде верующих двух мнений о судьбе св. мощей. Одни твердо уверены в том, что подмена мощей производилась самими монашествующими в монастырях и кириками в приходских храмах с единственной целью — уберечь святыни от осквернения и возможной гибели; другие считают, что подлинные мощи похищались представителями властей, и, в целях пропаганды безбожия и уничтожения гонений на Церковь, на место реликвий помещались посторонние предметы.

Когда недавно в Троицкий Собор Александро-Невской Лавры, почти седьмидесятилетий спустя, были возвращены мощи святого Александра Невского, небесного покровителя города Санкт-Петербурга, многие были удивлены тем, что возвращенные св. мощи находились в весьма малень-

кого размера деревянной раке — ведь прежде, до конфискации и передачи во владение Эрмитажа роскошной серебряной гробницы князя, его тело почивало в серебряном гробе внутренних размеров. Учитывая бесконтрольное хранение святыни в Музее истории религии и атеизма в течение многих лет, можно было предположить самые невероятные вещи.

Объяснение вышеуказанного странного несоответствия удалось недавно обнаружить в дневниковых записях одного из активных деятелей интеллигентской среды петербургской интелигенции начала XX в. секретаря Петербургского религиозно-философского общества Сергея Платоновича Каблукова.

В середине апреля 1917 г. Каблуков принимал участие в двух собраниях инохов Лавры, где обсуждалось положение Лавры и programma съезда образованных монахов в мае того же года в Москве. Было решено ходатайствовать перед Синодом об обращении Лавры в ставропигию и о назначении наместника, который и был избран Синодом из числа трех предложенных собранием инохов кандидатов. Временным наместником стал епископ Елизаветградский Прокопий. Так же собрание прошло о назначении ревизии Лавры, которая, по решению Синода, была возложена на еп. Серафима Сердобольского и начальника синодского контроля Дьякова, приславших в помощь себе еще двенадцать человек, в числе которых находился и С. П. Каблуков, ответственный за ревизию лаврской ризницы, библиотеки и древлехранилища.

В связи с возникновением летом 1917 г. угрозы Петрограду из-за немецкого наступления, в Синоде был поднят вопрос о возможности вывоза мощей св. князя из города. Тогда же еп. Серафим, ревизовавший Лавру, внес предложение о предварительном вскрытии раки и освидетельствовании мощей святого. Об этом и повествует С. Каблуков в публикуемых ниже записях.

Вторник 13 июня.

Ревизующий Лавру еп. Серафим Сердобольский в связи с возможностью вывоза мощей Алекс. Невского поставил вопрос об освидетельствовании их и об открытии раки находящейся в Троицком Соборе Лавры. Предварительный осмотр раки “на этот предмет” и проба ключа от раки,

хранящегося в лаврской ризнице, были произведены вчера около 7 ч. вечера епископами Серафимом, Прокопием Елисаветградским и мною в присутствии лаврского ризничего архим. Авраамия. Мы возились [?] в пустом конечно соборе около часа и довольно бесплодно. Ключ вертелся и щелкал в замочной скважине, ничего не открывая. Отвинтили одну полосу позолоченной бахромы на верхней части крышки, и одну серебряную пластинку там же. Ничего похожего на гроб это не обнаружило. Заглядывали и снизу, прилегши на пол, узнали только, что Елисаветинск.¹ не имеет дна и что выступают из нее деревянные "ножки", не касающиеся пола. Получилось впечатление, что гроб закован в раку, а крышка пожалуй и припаяна, несомненно при том, что совершенно не ясно, как бы снять крышку и очевидно, что без опытного слесаря и многочасовой его работы дело открытия раки не обойдется.

В "Истории Лавры" С. Рункевича² я тщетно искал надлежащего описания раки и ее устройства. Сказано у него только, что "крышка раки приподнималась на блоках". Вообще история эта страдает многими недостатками. О наших поисках Серафим сообщает синодальному члену Сергию арх. Финляндскому, тот доложит Синоду и от Синода зависит, пойдем ли мы до конца или ограничимся сделанным.

Среда 28 июня.

Вчера в 7 ч. в., во исполнение секретного словесно через архиеп. Финляндского Сергия объявленного определения Св. Синода было произведено вскрытие раки, в коей хранятся мощи св. кн. Александра Невского, и осмотр самых мощей. Это совершенно секретное дело Синод поручил трем епископам: архиеп. Вениамину Петрогр., еп. Серафиму – ревизору Лавры и врем. нам. еп. Прокопию. Они пригласили себе в помощь ризничего Лавры архим. Авраамия и, по его указанию, слесаря из милян. Последний был, конечно, необходим. По совершении краткого молитвословия святому Ал. Н., в 7 ч. 15 м. приступлено было к открытию раки: сперва отвинтили позолоченную бахому, обрамляющую живописное изобра-

жение князя, находящее[ся] на крышке раки, затем отвинтили же серебряные пластины, окружающие эту крышку. По удалении бахромы и пластин обнаружилось, что крышка раки прикреплена к последней на двух шарнирах на левой от входа в собор стороне ея. Имеющийся с другой стороны замок с петлей затем был легко открыт одним поворотом ключа, хранящегося в ризнице Лавры, и крышка с изображением и стеклом была приподнята и укреплена так, что образовала почти прямой двугранн[ый] угол с горизонтальной плоскостью.

Боязнь повредить живописное изображение заставила отказаться от мысли снять стекло, которое удерживалось металлическим венцом в головах изображения. По поднятии крышки раки оказалось, что в раке заключается открытый кипарисовый гроб очень большого размера и большой глубины. За крышкой были сняты один за другим три покрова, из коих два верхних оказались довольно простыми шелковыми, третий же, нижний, облекавший самые моши, оказался дорогим, с шитым изображением князя. По удалении этого последнего покрова, увидели человеческую фигуру — целую в монашеском одеянии схимника со странно выпяченной грудью. Казалось т. о., что тело оказалось сохранным.

Удаление схимы и ближайший осмотр, подробно проведенный одним еп. Серафимом при явном смущении двух других преосвященных, обнаружил следующее: вся передняя часть головы и лоб оказались сделанными искусственно и вылепленными из воска,³ только небольшая верхняя часть — часть черепа подлинно-серого цвета. Грудь и живот оказались тоже искусственными из ваты, зашитой в шелковые мешки. С прибавлением ваты оказались ноги и руки, т. к. подлинных костей было мало. “Чучело” князя, в которое т. о. были помещены подлинные моши, именно часть черепа и части костей, рук и ног [и два ребра?]⁴ лежало на деревянной настилке, покрытой в несколько рядов тканями, так что ножки гроба оказались очень длинными (это — для удобства несения? — С. К.). На “чучеле” у боков оказался мешочек шелковый: с костями — мелкими в бумажке, с ароматическими веществами в виде порошка в другой.⁵ На бумаге с этими

мелкими костями есть надпись, указывающая, что мощи были в церкви, подвергшейся пожару, при коем в этой церкви сгорели все дерев[янные] образа.

Таков результат осмотра. Он длился около 2 часов, а работы по открытию крышки — около 1 ч., т. что на самый осмотр ушло собственно не более часа же. Во время работ по вскрытию раки и осмотра, участники делали подробные записи, чтобы иметь материал для составления акта осмотра. Затем приступили к приведению раки в обычный прежний вид. Эта работа не была окончена и в 1 ч. пополуночи, когда ушел из собора пр. Серафим, со слов коего я и записываю все выше изложенное. Т. о. оказалось, что подлинные части мощей: черепа и кост[ей] рук и ног уместились бы в небольшой сравнительно ящик, много меньший гроба и раки. Это важно в случае эвакуации. О результатах осмотра еп. Серафим сделал 28 июня словесный пока доклад архиеп. Финляндскому, который все сообщит Синоду. Дальнейшие намерения Синода по этому делу сейчас конечно предвидеть трудно.

Я совершенно определенно считаю, что Синод должен распорядиться о немедленном удалении “чучелы” от подлинных мощей для уничтожения ненужного и даже кощунственного обмана. Сделать это можно так же секретно, как был сделан осмотр. Впоследствии же, когда будет “время благоприятное”, можно и объявить об этом, выставив части мощей для открытого поклонения.

Еще два вопроса: 1 — была ли вполне обеспеченной тайна осмотра 27 июня? 2 — кому пришла мысль сделать “чучелу” из ваты и кости? На первый вопрос ответ ясен: а) При Свято-Троицком соборе Лавры живут сторожа в помещении, пристроенном к собору; они были удалены ризничим на время осмотра и лица, производившие осмотр, прошли в собор через помещение этих сторожей. 3) Мирянин слесарь может не сохранить тайны. γ) Приход трех епископов в собор во внебогослужебное время, когда он закрыт, весьма показателен для любопытных. δ) во время работы по открытию раки собор был по необходимости освещен внутри настолько, что свет этот был виден извне вся кому и преосв. Серафим видел нескольких

монахов, прильнувших к стеклу правых дверей собора и наблюдавших происходившее там.

Т. ч. в Лавре если не все, то весьма многие знали о предстоящем осмотре, а теперь знают, что он состоялся. Узнают об этом, конечно, и лаврские богомольцы из города. Факт осмотра тайным след. не останется. Другое дело результат осмотра. Он известен гораздо меньшему числу лиц. Но за Авраамия ручаться трудно.

На второй вопрос: я думаю, что “чучелу” мощей делали с ведома и разрешения Петра I, знавшего и скрывавшего правду, хотя возможно, что повреждение мощей от пожара заставило других лиц прибегнуть к обману и Петр I также был обманут ими.

Я забыл упомянуть, что в гробу, кроме мешка с костями и ароматами, оказалась свинцовая на [1 неразб.] печать “Св. прав. Синода” неизвестно какого времени.

Вот все, что я знаю об этом деле пока. Постараюсь, конечно, узнать и больше. И достать подлинный акт осмотра.

Пятница 30 июня.

Еп. Серафим докладывал преосв. Сергию о результатах осмотра мощей Ал. Н. 27 июня. Синод, коему все пересказал архиеп. Сергий, постановил произвести переоблачение мощей, т. е. отделить подлинные мощи от инородных предметов, поручив это синодальным членам Сергию и Платону.

Среда 2 августа.

Забыто записать своевременно: 24 июля в 7 ч. вечера архиеп. Финляндским Сергием, архиеп. Петрогр. Вениамином и нареченным во еп. Лужского архим. Артемием при участии Лаврского ризничего архим. Авраамия и двух мастеров слесарей из мирян было совершено в соборе Ал. Н. Лавры “переоблачение” мощей св. Алекс. Невского, т. е. все посторонние предметы (см. лл. 392–400 настоящего “Дневника”) из раки были вынуты, а части мощей собраны вместе и оставлены в раке в кипарисовом

ящике, сделанном на средства арх. Авраамия. В тот же кип. ящ. положили и ватные подушки: одну под моши, другую сбоку у стенок, чтобы при переносе моши не ударялись о стенки.⁶ Преосв. Сергий, руководивший переоблачением, оставил Собор около 11 ч. в. Приведение раки в обычный вид было окончено часа два спустя после этого.

Оказывается, что устройство чучел из останков святых дело обычное в практике русского Синода. По крайней мере еще во время последней канонизации св. Иоанна Максимовича Тобольского, моши коего не вполне сохранились, архиеп. Тверской Серафим Чичагов в Синоде настаивал, чтобы и из этих мощей было сделано “чучело”. Синод на это однако не согласился. Этот нелепый и кощунственный обычай дает право желать, чтобы теперь же совершенно секретно и повсеместно были произведены “переоблачения” и всех прочих мощей. Даже моши св. Гермогена не постеснялись “дополнить”, чтобы придать им вид полной человеческой фигуры.

В дополнение к записанному на лл. 392–400 этого “дневника”, запишу здесь, что в раке вместе с другими вещами найдена свинцовая печать св. Прав. Синода и что по словам Д. Вл. Знаменского в архиве бывшей Собств. Е. И. В. Канцелярии имеются документы, устанавливающие, что моши Алекс. Невск. подвергались осмотру во второй половине XIX в.

Восковую голову растопил архим. Авраамий; оказалось, что к воску был примешан [1 неразб.] ладан, который отделился от жидкого воска в виде комка. Архим. Авраамий намерен использовать эти воск и ладан для “воскомастика”, служащего для освящения престолов. Что искусственная голова именно восковая, обнаружил пр. Сергий, еп. Серафим ошибочно признал ее костяной.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуемый материал извлечен из двух тетрадей дневниковых записей С. П. Каблукова — № 45 и № 47, хранящихся в его архивном фонде (ГПБ, ф. 322, №№ 45,47).

Из части пятой дневника за 1917 г. извлечены записи за: 13 июня (лл. 371–372), 28 июня (лл. 392–400), 30 июня (л. 402).

Из части шестой дневника за 1917 г. извлечена запись за 2 августа (л.л. 454–454 об. – 455).

В записи самим автором были позже внесены уточнения, и в основном тексте мы публикуем окончательный вариант, приводя первоначальную запись в примечаниях.

1. Имеется в виду серебряная рака, сооруженная повелением императрицы Елизаветы Петровны.

Живописное изображение князя на крышке раки, о котором идет речь далее (см. запись от 28 июня), сохранилось и находится в фондах Музея истории религии и атеизма в Ленинграде.

2. Рункевич С. “История Александро–Невской лавры”, СПб, 1913.
3. Первоначально записано: “... выточенными из кости”.
4. Слова: “... и два ребра...” — добавлены при внесении исправлений, в квадратных скобках и со знаком вопроса.
5. Первоначально записано: “На “чучеле” у боков оказались два мешочка шелковые: один с костями—мелкими в бумажке, другой с ароматическими веществами в виде порошка”.
6. Первоначально записано: “Ватные же подушки, искусственная голова уложены в ящик, хранящийся пока в Лаврском соборе, а затем имеющий быть на хранении в Лаврской ризнице”.

Ю.Н. Рейтлингер, о. С. Булгаков и Е.Н. Кист-Рейтлингер
при посещении Парижа (ок. 1930 г.)

ОТРЫВКИ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ О. СЕРГИИ

Память смертная

Отец Сергий выехал из России, когда ему был 51 год. В Константинополе врач нашел у него склероз. Ввиду того, что отец о. Сергия умер от удара, как говорится, “на постном ходу” (в церкви, во время службы), конкретная мысль о возможном близком конце не покидала о. Сергия с того момента, хотя физически это было, конечно, еще только самое начало его болезни. Но я не помню, кажется, ни одной литургии, которую бы он не служил как “последнюю” — да и меня звал на нее, как на “может быть — последнюю”. Память смертная всем нам знакома, и неизменно входит в аскезу духовной жизни, но здесь она была как-то послана сама, и о. С. ее принял и хранил. Быть может, она давала особую остроту его всматриванию в тайны Божии, его пытливому богословствованию. Отчасти давала остроту его совести, которую он тщательно проверял. (Особенно здесь всегда звучало: “солнце да не зайдет в гневе твоем”. Это говорилось всегда после каждой маленькой ссоры, которые обычны во всяком быту. Вечером о. С. всегда искал примирения полного: “В ту ночь ты можешь умереть”, звучало в нем). Давало и какой-то особый ритм всей его жизни, где он никогда ничего не откладывал, всегда жил и изживал *настоящий* момент, как подобает подлинному христианину.

Болезнь

Определение доктора упало на почву предельной измученности после тяжелых условий голода в Ялте, арестов и жизни в тюрьме перед высылкой. Одно в сочетании с другим состарило его больше, чем самая болезнь. Таким он приехал в Прагу... Близкое соприкосновение с

мо юностью, духовным руководителем которой он очень скоро стал, омолодило его.

И вот перед ним началась новая жизнь, и он сам удивлялся этому, так как незадолго перед этим в Крыму ему казалось, что жизнь его кончена. 20 лет бурной, кипучей, творческой жизни!.. И наконец — та ночь, которую он всегда ждал, — настигла... У него сделался удар 6-го июня 1944 г.

Но перед тем было много, еще очень много болезней и опытов умирания, явившихся большими откровениями...

Первое “умирание” (от воспаления легких) описано им очень ярко. Оно во многом было переломом в его жизни, очистило, возвысило ее содержание, но не уничтожило его...

Каждую весну его дочь показывала его доктору, специалисту по склерозу, который определял его давление и давал совет — как ему использовать лето — ехать ли просто отдохнуть в деревню или на воды в Руая (Royat). Это варьировалось, но даже после вод его был всегда “Nachkur” в деревне, куда мне нужно было его устраивать и за ним ухаживать.

Этими ежегодными визитами к доктору и ограничивалось все его лечение... О. С. не любил “возиться” со своим здоровьем и не был никаким мнителен, хотя исполнял все предписания врачей. Над мнительностью других он немного подсмеивался.

В 1937 г. он почувствовал какое-то неудобство в дыхании и горле. Профессор, которому он, как обычно, показался (его дочь к нему его всегда водила) весной, решил, что “аорта”, и послал его в Royat пить воды из источника. Это была его последняя поездка в Royat.

Только во время ванн и вод о. С. почти не работал, так как они очень изнурительны; но он много читал, не теряя времени и готовясь уже к писанию. Во время своих каникул он не пропускал ни одного дня, чтоб не работать. И во время “Nachkur” очень много писал. Он просто не представлял себе и органически не мог проводить время иначе. День был распределен: с утра до обеда о. С. писал, после обеда — читал, и только днем, когда он уже совсем уставал — во вторую половину дня, полагалась прогулка.

Иногда это расписание варьировалось от каких-либо данных и тогда подробно обсуждалось. Утром перед писанием и после утреннего кофе была другая коротенькая прогулка — в одиночестве, во время которой о. С. обдумывал свою работу. Почти во всех местах, где мы жили, эта первая прогулка была ежедневно на одном и том же каком-либо месте, которое после этого и для него, и для меня как-то освещалось теми мыслями и творчеством, которые на нем создавались. В особенности как-то “значительно” это было в деревне в горах, где он писал книгу об “Утешителе”.

... Место его прогулки — лужайка в долине; кругом горы...

Он называл это место “Параклис”.

И вот пришла другая болезнь.

То последнее лето в Руая почти не принесло никакого облегчения. О. С. продолжал читать лекции все с большим и большим напряжением и все чувствовал “неудобство” в горлани. Наконец (только в феврале) дочь решила показать его доктору, специалисту по горлу. Последний определил у него рак и назначил немедленно операцию, так как рак рос почти год. О. С. принял это известие как какое-то “свершилось”. Он готовился к смерти, написал письма всем, с кем не мог попрощаться лично, или тем близким, кому хотел оставить слово утешения или наставления после своей смерти. Эти письма он спрятал у меня и просил их раздать в случае своей смерти... После операции, когда я его спросила, что с ними делать, он просил их хранить, кроме некоторых, которые потеряли свою силу. (В это время его особенно беспокоила судьба Евг. Лампerta — Жени, и он написал все нужные письма на случай, если бы тот решил посвящаться...)

... И вот Бог дал ему еще 5 лет жизни!.. Еще пять лет подвига, труда, любви, терпения и мучения... Да, это было сплошное мучение, то, что дается здоровым легко и без труда, для него было подвигом.

Невероятным усилием воли, которым удивлялся и восхищался даже оперировавший его проф. Мулангэ, о. С. “научился” не только говорить без голосовых связок, но даже и служить литургию и читать лекции! Одному Богу известно, каких усилий это ему стоило!

Сначала его берегли как больного, сокращали количество приемов и исповедей, но очень скоро все эти предосторожности были или забыты, или просто бессильны перед действительностью жизни. И количество приемов и исповедей не уступало “довоенным”.

Многие близкие, но бывшие в это время далеко от о. С., расспрашивая сейчас об этом времени, думают, что о. С., вероятно, был особенно раздражительным. Как раз наоборот — никогда не был таким кротким... И часто повторял в эти годы, что одна из самых больших христианских добродетелей — это терпение.

Но во всяком положении Бог посыпает человеку соответственное утешение: благодаря отсутствию голоса и почти невозможности принимать участие в “торжественных” богослужениях, установились еженедельные ранние литургии о. С., о которых он мечтал всю жизнь и за которые нам так часто раньше приходилось бороться (чтоб о. С. их имел). Теперь они стали “естественны” — о. С. возбуждал в мешавших этому раньше слишком большую жалость, чтоб они стали этому препятствовать.

Болезнь о. Сергия совпала с тяжелым временем войны и немецкой оккупации. О. С. никуда не хотел “бежать” от их ужасов, когда эта возможность и представлялась, всегда не сочувствовал такому бегству и хотел ждать своей судьбы на месте.

Отчасти благодаря постоянно угрожающей смертной опасности, участилось желание причащаться почти у всех. О. С. очень этому сочувствовал, поощрял на частое причащение Св. Тайн, и на его литургии его духовные дети причащались иногда каждое воскресенье.

О. С. часто и много исповедовал, иногда давал просто разрешительную молитву, иногда только благословлял причаститься. После ранней литургии, несмотря на свое утомление, он часто почти всех звал к себе пить чай.

... И вот наконец наступило то, чего он ждал больше 20-ти лет.

Явление “Света Невечернего”

Невероятно трудно описать необычайное явление во время болезни о. С., которого мы четверо, ухаживающие за ним, были свидетелями, и тот внутренний опыт, который мы получили во время всей “сороковицы” его болезни. Но нам, удостоившимся незаслуженно, как всех даров Божиих, — виденное светит во все трудные минуты нашей жизни.

Можем ли мы унывать, можем ли быть маловерны после того, что нам было показано?

И должны свидетельствовать об этом во славу Божию.

Удар случился в ночь с 5-го на 6-е июня, с понедельника на вторник, после Духова Дня. Накануне, как всегда в этот день своего праздника — годовщина посвящения, о. С. служил литургию особенно вдохновенно. Все его самые близкие духовные дети, кто только мог, присутствовали на этой литургии и причащались Св. Тайн.

Удивительно то, что хотя никаких определенных предчувствий близкого конца — в общих чертах он ждал его, конечно, все время — у о. С. не было, но многие из его духовных детей заметили потом, как особенно значительна была у них эта последняя исповедь, как бы “прощальная”, будто в ней о. С. дал свое завещание и синтезировал главное, что хотел сказать каждому... Все это так неуловимо и трепетно, как все в трепетной и чуждой всякой самоуверенности, несмотря на всю свою определенность и величину, жизни о. С.

После литургии о. С. всех позвал к себе пить кофе. В кабинете было поставлено несколько столов и приготовлено традиционное угощение. Это хотелось сделать особенно хорошо, так как было в этом всегда нечто священное, как бы продолжение в жизни, в человеческом общении “общего дела” — литургии: внехрамовая литургия. Но практическая забота об угощении часто в это время брала слишком много сил, времени и внимания. Иногда от этого приходилось изнемогать, противопоставляя заботы эти и работу молитве. О. С. в таких случаях утешал, говорил, что не надо отделять дело от

молитвы, делать все, как бы отдавая Богу. У него даже было выражение, что можно быть “ангелом кулинарии”.

О. С. был оживлен и радостен, принимая поздравления, делился, как всегда, своими мыслями, отчасти воспоминаниями, с друзьями. Вечером он зашел ко мне проститься. Думала ли я, что это наша последняя беседа! Он был расстроен неудачами в судьбе своего сына, что всегда являлось его болью. Почти последние его слова были: “Я уже больше ничего не знаю и не понимаю, что ему лучше, и всецело предаю его Матери Божией!”

В 6 ч. утра его сын Сережа должен был уезжать на работу: я спустилась готовить ему кофе и встретила его в передней, в слезах, он шел из кабинета отца и на мой вопрос махнул рукой в сторону кабинета. Я вошла — о. С. лежал поперек постели в полном обмороке. Мы подумали, что он умер. Я бросилась за матерью Бландиной, которая уже совсем собралась на вокзал, чтоб уехать домой после двухдневного пребывания у нас на праздниках. Мы положили о. С. как следует, и он открыл глаза и с некоторым укором показал на звоночек, который стоял на его ночном столике специально на такой случай! Тогда Сережа вспомнил, что слышал в 3 ч. ночи звонок, но не понял, что он значит, и на него не отозвался. А о. Киприан, спавший в смежной с кабинетом о. С. комнате, как раз принял очень сильное снотворное и спал как убитый. Тотчас же позвали сестру милосердия и вызвали доктора Вл. М. Зернова, лечившего о. С. последний год его жизни.* О. С. лежал, не открывая глаз, но проявлял признаки жизни.

После ухода доктора, который сказал, что непосредственной опасности нет, мы все же не отходили от о. С., будто ожидая, что он “очнется”. Доктор констатировал, что сознание не поражено ударом, так же, как и центр речи. Но ввиду того, что о. С. находился в состоянии предельной слабости, он не мог делать тех особых усилий,

* К Вл. М. мне удалось уговорить о. С. обратиться с осени 43-го года, чтоб следить за его давлением. В. М. трогательно взял на себя заботу и последнее время, когда о. С. трудно было ездить к нему самому, приезжал каждый месяц, чтоб проверить состояние склероза о. С. и прописать ему нужные лекарства.

которых требовал его способ речи (с трубкой, вставленной в дыхательное горло, без голосовых связок, вырезанных вместе с раком), ни проявлять это сознание как-нибудь внешне. К тому же эти первые 4 дня оно заметно угасало. Поэтому мы, конечно, не отходили от него. Мы вызвали по телефону мать Феодосию в первый же день болезни, и с того дня до самой смерти были почти неотлучно около него вчетвером — мать Бландину, мать Феодосия, я и Е. Н. Осоргина, руководившая медицинскими распоряжениями доктора.

Ввиду того, что в эти первые дни никаких почти особых медицинских забот не было, мы могли всецело отдаться созерцанию и переживанию торжественности и значительности происходившего. Да, мы присутствовали при таинстве перехода о. С. в иную жизнь.

Он лежал все так же на спине, почти не открывая глаз. Но лицо его выражало напряженную внутреннюю жизнь, и все время менялось его выражение.

Что мы пережили за эту первую неделю, трудно передать. Напряженная жизнь в нем таинственно передавалась нам. Нас буквально уносило вместе с ним в какие-то дотоле нам неведомые планы бытия. И это не было личным переживанием кого-либо из нас, — а объективный духовный факт, которым мы потом делились друг с другом почти одними и теми же словами. Та жизнь, которая открывалась о. С., была для нас так реальна, что мы ее почти “видели”. Если бы нас тогда спросили, верим ли мы в иную жизнь, иной мир или бессмертие души, то мы бы ответили, что мы их почти “знаем”. Реальности эти были не меньше, чем реальность мира видимого, и может быть, надо было скорей верить или не верить в мир видимый.

Передавалось нам это непонятно как: эти дни о. Сергием не было ничего сказано, ни написано, ввиду предельной слабости, в которой он находился. По определению доктора, это не было “бессознательное состояние” — он понимал простые вопросы, которые ему задавали иногда, — отвечал утвердительно или отрицательно движением головы, бровей и век, или пытался шептать губами. Но от слабости он не мог ни реагировать, ни проявлять

это сознание, уровень которого все же благодаря этой слабости был также понижен.*

О. С. умирал.

О. С. изживал свою жизнь...

Хотелось — особенно в эти первые дни — сидеть около него — молиться...

Молиться...

Быть с ним в этом изживании.

Приобщиться этому изживанию.

Изживание это казалось мучительным “мытарством”.

Реальности...

Какие же это были реальности?

Как мало выражают все эти вышеупомянутые термины — “бессмертие души”, “иной мир”... Верны ли они? что именно открывалось нам? Что видел о. Сергий? Не с Богом ли он беседовал?

Сидеть около него — молиться — быть с ним —казалось единственным возможным и нужным делом и наполняло так, что ни о чем другом нельзя было думать.

Люди приходили, спрашивали о “здравье” о. Сергия... Мы давали им “медицинские сведения” — а сами как будто одновременно были в других планах бытия...

Мы почти не спали, почти не ели, не чувствовали голода и не нуждались в его преодолении; в эти первые дни дежурств своих мы не распределяли, а дежурили все больше “гуртом”, боясь что-нибудь “пропустить”.

Трудно словами передать опыт, который мы получили, и атмосферу, окружавшую о. С. Но они как будто гармонически завершали все, чему о. С. научил нас в своей жизни, что высказал в своих книгах. Казалось, что без этого нового для нас опыта все было бы неполно, недостаточно реально. У меня лично было ощущение, что если я знала о. С. 25 лет, то за эту неделю я узнала его еще какие-то 25 лет. Записывала я это все во время болезни о. С., через две недели после удара. Он еще лежал, был еще с нами. Но то, что было на первой неделе, — уже ушло, прошло.

* Одними из первых его слов, которые он прошептал губами, были: “Какая драма!” — матери Бландине. Она переспросила, повторив: “Какая драма?” — Он кивнул: “Да!”

А было оно таким наполняющим богатством даровыми, незаслуженным. Временами мне казалось, что это самое счастливое время моей жизни. Почему это так было? Вероятно, мы прикасались к тем вещам, которые Господь уготовал любящим его, той сладости Духа Святого, перед которой блекнут все сладости мира сего... И когда снова приходили люди, и мы им давали медицинские сведения о здоровье о. С., — хотелось что-то им поведать, поделиться нашей полнотой, — но сковывались уста, точно “до времени” нельзя было ни о чем этом говорить. И только хотелось “ходить из угла в угол по комнате”, как преподобный Серафим, когда умерла за послушание послушница Елена Васильевна (и, очевидно, так тогда также реально открывалось небо!), — и говорить, как он: “ничего не понимают, ничего не понимают!”

Но высшей своей точки эта реальность “Света Невечернего” достигла в субботу, на пятый день болезни о. Сергия.

Накануне о. С. заметно слабел, сознание уходило, он лежал, не открывая глаз, и перестал глотать. Казалось, что Ангел смерти уже стоит около его одра...

Не помню — спали ли мы в эту ночь. Хотелось быть с ним все время в его “мытарствах”, провожать его, изживать вместе с ним прожитую им жизнь...

С раннего утра в субботу я сидела около его постели и была поражена, как у него непрерывно менялось лицо, будто шел какой-то таинственный разговор. Выражение лица отражало напряженную внутреннюю жизнь.

В это утро приходила Муна, дочь о. С., и я обратила ее внимание на то, что у о. Сергия все время меняется выражение лица. После 12-ти мы уже все четверо стояли около о. С. Дочь его ушла, и никто другой не приходил.

Лицо его стало не только меняться, но становиться все светлее и радостнее. Выражения мучительной напряженности, бывшие в разные моменты раньше, всецело сменились выражением детскости. Я еще не сразу заметила это новое явление на его лице — его поразительную просветленность — повернулась к одной из стоящих, чтоб поделиться своим впечатлением, как вдруг одна из них сказала: “смотрите, смотрите!”

И вот мы были свидетелями удивительного зрелища: лицо о. С. совсем просветлело, это был сплошной и самый реальный свет.

Нельзя сказать, каковы были в это время черты его лица, так как оно было сплошным светом. И в то же время этот свет не стирал и не упразднял черт лица.

Явление это было так необычайно и так радостно, что мы почти плакали от внутреннего счастья. Длилось это почти два часа, как сказала потом мать Феодосия, посмотревшая на часы. Нас это удивило, так как если бы нам сказали, что это длилось одно мгновение, мы бы с этим тоже согласились.

Свет на лице о. С., по-видимому, все-таки остался. Для нас, по сравнению с тем, что было, это было не так заметно. Но были люди, чуткие и близкие, приходившие посмотреть на о. С., которые говорили: "о. С. светится".

Та самая девушка, которая это сказала, была в день смерти или накануне на концерте 9-ой симфонии Бетховена, и у нее было замечательное откровение об о. С. в связи с этой музыкой... (Надя Апухтина. Ее запись у матери Бландины в отдельном конверте).

Испытание

И, вероятно, не случайно следующий день был днем страшных испытаний. Точно все силы ада восстали на происшедшее накануне, точно это были бесы под горой Преображения. Трудно передать, в чем они состояли. Поводом к ним были, конечно, трудности в отношениях между кое-кем из нас, которые в тот момент не могли все-таки отравлять нас самих перед лицом всего пережитого, преодолевались в нас, но, как бесы, перекинулись на окружающих.

свет и Свет

Волнующее созерцание горящих в лучах заходящего солнца гор... Кажется, из всех явлений природы больше всего приводило в восторг о. Сергия это. Точно — да и на самом деле — он искал в этом свете Свет незаходимый.

И вот — “свершилось“. Сошлись разделенные грехом и ограниченностью человека и разделяемые им по слепоте стихии плоти и духа — в последнем трепещущем мерцании Света на лице о. С. — и уже не как отражение, ибо это было в пасмурную дождливую погоду, а изнутри, дух и плоть засветились вместе.

Наша жизнь около о. Сергея во время его болезни

Трудность этих отношений между кое-кем из нас, конечно, играла роль и дальше, в продолжение всей сороковицы болезни о. С., являясь как бы материалом, совершенствовавшим сгореть в огне Ц. Н. И они сгорали. Иногда даже казалось, что о. С. “ждет” уходить, пока они не сгорят. Пока не достигнем мы вместе с ним “совершенной любви”... Не потому, что наша малость имеет такое значение, но потому, что этот малый опыт отражал то великое, что ему открылось... (Увы! Неужели в жизни дальнейшей, когда о. С. окончательно покинул нас здесь, мы опять и опять не будем на высоте своего положения и оскверним нашими страстями этот “Свет”?!).

Странная была наша жизнь около о. С. во время сороковицы. Она не была понятна со стороны, понятна лишь нам между собой. Мучительное: “где о. Сергий?”, мучительная невозможность с ним общаться, поговорить, услышать его — порой казавшиеся даже тяжелее смертной разлуки по своему трагическому противоречию — менялись легкостью и почти радостностью от неизвестно откуда притекавших сил. Время и жизнь внешняя как-то остановились что ли — мы просто “были” в это время. Во внешнем образе жизни мы не допускали никакого нигилизма; наоборот, все стало значительным, даже особенно значительным: мы с каким-то особенным удовольствием соблюдали это внешнее благообразие. Мы ели совершенно нормально, и мне даже по-прежнему, как раньше о. Сергия, было приятно “угощать” своих сестер, и все было “в честь” о. С., всякое внимание и выражение любви и заботы. Иногда мы праздновали праздники. В день Рождества Иоанна Предтечи. Тогда мы устраивали общую трапезу в столовой, открывали дверь к о. С. в

кабинет, чтоб его видеть. В эти дни между нами был такой мир и такая радость, которые, наверное, заданы людям иметь в Ц. Н.!

9 июля — праздник Тихвинской Божьей Матери. Мать Бландина взяла стоявшую на столе около о. С. иконку Тихвинской Божьей Матери: “о. Сергий, сегодня праздник Тихвинской Божьей Матери, вот иконка!” — О. С. перекрестился, приложился к иконе, взял ее в правую руку и благословил ею всех нас четырех, находившихся около его постели.

Признаки сознания во время болезни

О. С. много раз пытался писать то, что хотел сказать. Но благодаря тому, что и рука его была очень слаба, трудно было разобрать буквы написанного, и часто одно было написано на другом. Однако по тому, что мы разобрали, видно было, что сознание его не покидало. Когда мы обсуждали вопрос о его причащении, он услышал и написал совершенно ясно: “речь идет о причащении?” В понедельник (после соборования): “есть ли сухари у Ел. Ив.?” Просил лекарство, воды, но еще много писал такого, что мы, к сожалению, так и не разобрали, — и он в отчаянии махал рукой и бросал писать (он лежал только на спине и писал на вытянутой руке, не видя того, что пишет). В воскресенье 18 июня было получено известие об о. Дм. Клепинине. Мать Бландина подошла к о. С.: “о. Сергий, получено известие об о. Дм. Клепинине” — о. С., не открывая глаз, с радостным удивлением приподнимает брови. “Он жив и находится в госпитале, какая радость!” О. С. глубоко вздыхает и четко осеняет себя крестным знамением. Нам были дороги эти проявления сознания.

Кто-то принес большой букет васильков. О. С. их очень раньше любил, сравнивал с глазами, говорил “vasilechki”. Но теперь он это явно изжил и был, как он пишет в своих письмах о том, как личная любовь все не может, а часто и должна преодолеваться и преображаться. Мать Бландина подошла к нему: “о. Сергий! Васи-

лечки!“ Он очень серьезно посмотрел и, показав на стол, прошептал: “Поставь“.

Наша молитва была об исцелении, о жизни исцеленного о. С. Мысль, что жизнь может вернуться к нему с невозможностью продолжать работу, пугала нас. Однако мучительное желание иметь его еще около нас было так сильно, что, казалось, готовы были принять его исцеление при каких угодно условиях.

“Мои пути — не ваши пути,

Мои мысли — не мысли ваши“, — говорит Господь Саваоф.

О. Сергий умирает в пустыне

Мать Бландина часто повторяла это около умиравшего о. С.

Это было так. В этом была величавая суворость. Монументальность.

Практически так “вышло”: одни стеснялись беспокоить, хотя, может быть, и хотели бы чаще зайти, другие... не понимали происходящего, объясняли все слишком рационалистически. Но были некоторые понимавшие, приходившие “посмотреть на о. С.“, помолиться. О. С. лежал, как монолит.

♦♦

О воле к гибели

“Воля к гибели“, — о. С. любил это выражение. Думается, что о. С. без него не мыслил жизни христианина. В его собственной жизни она периодически вспыхивала под влиянием разных биографических обстоятельств и событий.

“Часы моей жизни“

У о. С. были серебряные часы, которые он купил еще юношей на первые заработанные собственным трудом (уроками) деньги. Он называл их “часы моей жизни“ и щутил, что они начали сильно портиться и наконец совсем не шли, тогда, когда и его здоровье сильно пошатнулось, и он неизменно думал о конце.

“Sursum corda!“

“Sursum corda“ — было частым восклицанием о. С. последние годы его: “горе имеем сердца“...

“Сроки“ в жизни о. Сергия

Знамений не надо искать, но их надо видеть, когда они есть...

В жизни о. С. были удивительные, таинственные и знаменательные “сроки”: все аресты его происходили в кануны Богочестных праздников; об этом о. С. так отмечает в своих “дневниках духовных“: ... не есть ли это указание на нарочитый покров над ним Матери Божией, на особое его избранничество Ею?

Заболел о. С. — случился удар — в ночь после мионования 26-й годовщины священства. Болезнь о. С. после удара длилась ровно 40 дней (таинственная “сороковица“ его болезни). Умер о. С. в день Собора Двенадцати апостолов — 13 июля/30 июня.

О том, что все отношения с людьми должны быть “разного цвета“

Отношения с людьми у о. Сергия всегда были личные, живые: он говорил, что каждые отношения должны быть “своего цвета“.

О вере и ответе “безответностью”

Вера далась о. Сергию большим борением. Вера дает мир, но не успокоение. Вера всегда ищет, живет, идет. Трепещет!.. В Киеве, когда о. С. первый раз заговорил студентам о Боге, они говорили: “почему у вас голос дрожит, когда вы говорите слово “Бог”? — якобы обличая его в сомнении! Но может ли он не дрожать, произнося Имя Неизъяснимого?! О. С. всю жизнь трепетал, искал, мучился, “жил!“ Он никогда не давал мнимых и лживых “ответов“ на недоуменные, безответные вопросы, “лишь бы ответить“. Часто это было мучительно не только ему самому, но и спрашивающему; но он скорее готов был мучиться, чем обмануть, прикрыть бездну призрачным покровом. Последние годы его жизни мучительная драма всего мира со всеми ее ужасами возбуждала во всех и в нем непрестанные вопрошания. И часто о. С. отвечал на эти вопрошания... “безответностью“!

Об евхаристическом благодарении (Христос в мире)

И все-таки вопрос не бывает без ответа... Вера и любовь — “находят“!

И о. С. нашел его в самом себе, в своем внутреннем опыте, в откровении страдания, в открывшемся в нем страдании Христа.

Об этом чувстве ныне страждущего в мире Христа, реальноучаствующего сейчас во всех страданиях человеческих, он говорил в описании своего умирания и в отдельном этюде “Христос в мире“.

В тяжелые дни войны, в тяжелые дни ужасов... сколько было их — рассказов о человеческих страданиях, о безысходной муке людей.

Однажды — рассказы одной русской со слов немца-пораженца. Он был на русском фронте. Толпа голодных ребятишек... когда он им давал конфеты, они завопили: “Хлиба! хлиба!“... Долго думал о. С. об этих детях... На следующий день он служил литургию.

“... Сегодня во время литургии я себя вопрошал — как

я могу возносить Богу евхаристическое “благодарение“, как я могу благодарить за эти ужасы, за этих детей“, — рассказывал он мне утром во время установленной в этот период нашей жизни традиционной воскресной и праздничной беседы (о. С. служил в это время уже без голоса только раннюю литургию), — но могу ли я искренне возносить Богу за это? — И вот во мне вдруг прозвучал ответ: да, могу... за Христа, страдающего в них и с ними!“

Чудеса в жизни о. Сергея

Всем известно учение о. С. о чуде. Самым большим чудом о. С. считал саму жизнь и ее “двигатель“ — любовь.

В ходячее представление о чуде о. С. всегда вносили поправку, переносили ударение. Обычно в изложении чуда слишком большое ударение делают на материальном его осуществлении, в нем именно видя “некую сверхъестественность“. О. С. вносили здесь поправку, перенося центр внимания на духовную причину, вызвавшую чудо; у многих поэтому создавалось неверное представление о том, что о. С. переводит чудо из ряда сверхъестественных явлений в ряд естественных.

О. С. не “творил чудес“. Но чудом пронизана вся его жизнь, как не может не быть пронизана им жизнь человека, живущего или стремящегося жить в Боге. Чудом было “посещение Божие“ в его “обращении“, чудом были почти все его встречи с людьми. Как часто он изнемогал перед какой-либо предстоящей ему “трудной встречей“, трудным разговором, просил помолиться, чтоб Бог помог ему, сам отдавался весь этой молитве... И как потом после разговора приходил — вдохновенный, возбужденный и какой-то обновленный... “Бог помог“, — говорил он.

О святости

Всем известно то, что писал о. С. о святости. Но есть еще “словечки” и отдельные замечания, которые многое иллюстрируют. Часто полуслухи, полусерьезно по поводу каких-либо случаев в жизни: “ведь я не святой”; часто подсмеивался над подобными “обезьянничествами” святости, т. е. подражаниями каким-то внешним формам ее проявления. Он часто задумывался над книгой В. А. Зандера о преп. Серафиме и кюре д’Арс, а особенно над теми главами, где она пытается схематизировать и найти некий общий знаменатель святости, говорит о пути святого. “Да, — говорил по этому поводу о. С., — это путь такого типа святого — но может быть другой”.

“Святость не есть безгрешность”.

Исполнение призыва

Однажды я спросила одного своего друга, любимого ученика о. Сергея, что такое святость.

— Исполнение призыва, — отвечал он.

Это очень православное определение. Церковь почитает самые разные типы святых — за какое-то именно “исполнение призыва” каждого из них.

И святых, конечно, больше, чем только те, кого уже канонизировала Церковь.

Один человек, знающий о. С. еще с Праги, сказал мне, что не может писать биографию о. С., так как “слишком много знает” (участвовавший с ним во многих работах). Как это неверно! Это все то же пригоняние всех к какому-то шаблону! Святость не умеют видеть там, где она творится, рождается в муках рождения, в борьбе, в стихиях мира, а выработали себе какую-то формулу этой святости и примеривают, подходит ли, вкладывается ли в эту мерку живой, борющийся, трепещущий человек.

Тот же человек, сказавший приведенные выше слова о биографии о. С., писал все-таки о нем (не биографию полную, а вообще) и старался его “причесать” — подать людям в причесанном виде. Зачем? Не в том ли все дело

что именно такая жизнь, где в грехах и недостатках (“святость не есть безгрешность” — слова о. С.) была такая мучительная, жгучая, пророческая жажда Истины, такое безграничное искание Бога и что такая жизнь кончилась апофеозом Света Невечернего, которым Бог его прославил!

О. Сергий жил в пустыне

Когда я прочла как-то тому же другу свой отрывок о том, что о. С. умирал в пустыне, он сказал: “О. С. жил в пустыне!”

Да, это верно.

И по этому поводу хочется сказать, что создавшаяся после его смерти, а отчасти в последние годы его жизни, легенда об его “успехе”, о том, что он для многих был “кумиром”, совсем неверна. Он никогда не был ни для кого “кумиром”. Им увлекались, но им и “снаблялись” (и его гнали *всю* жизнь). Часто он говорил: “Только ленивый не снабляется”. И не только “враги” и чужие (хотя, в сущности, “врагов” у него не было; он часто говорил: “У меня нет личных врагов”, — и очень это ценил), но даже близкие друзья вдруг бунтовали против него и не раз критиковали.*

О смирении о. Сергея

Как важны в наши дни бурь и хаосов светлые звезды на небе духа, которыми можно руководствоваться в пути. Как важно, чтоб эти “примеры”, которым следовать, были на языке нашего времени. Не все умеют “читать” по иероглифам прошлых веков. Не для всех открыт закон Божий настолько, чтоб им не мешал этот чужой язык, чтоб они видели через него Свет Мудрости Божией, во все времена

* Помню, был один период, когда у нас с матерью Бландиной был бунт против проблематичности его теорий: “надоело трястись на почве антиномий” (так мы это выражали! — о, слепота! — встать двумя ногами на твердую почву! успокоенности! духовного благополучия!)

один и тот же. Часто им подают вместо “хлеба” под формой заезженных, как стертая монета, слов пустое содержание. Как легко оперируют этими словами и как этим окончательно опустошают их от их бытийственного, онтологического содержания!

Так и представление о святости — начинает складываться не по существу, а по внешним формам, в которых оно проявлялось. И люди начинают подражать этим внешним формам, брать их как норму. Это особенно ярко чувствуется в явлениях смирения. Как для всякой добродетели *важен* пример. Но нигде так не фальшивит внешнее подражание этому примеру. Трудно говорить о смирении. Может быть, чтоб понять смирение, чтобы раскрылись сердцу просторы его свободы — “и та истина свободит вы”, — надо понять, как оно связано с любовью.

О. С. никогда не подражал внешним формам смирения. Его смирение было стяженное, глубоко нажитое за всю жизнь. Смирение последних лет — это главным образом смирение человека перед Богом, времени перед вечностью. Связано с умиранием. Многое уже просто почти не нужно, когда стоишь одной ногой в могиле. Но и раньше — какой путь смирения! Как трудно гнуться тем, кого Господь так выделил! Он искренне не мог никому подчиниться целиком. Да и не надо было! Но сколько и как искренне подчинялся, когда это было нужно!

О. Сергий не любил самоуверенности

О. Сергий не любил самоуверенности, она была ему чужда. Часто он, недоумевая о каком-либо проявлении в жизни, говорил полуслуху, полусерьезно, что самоуверенные люди — это какая-то “другая порода” людей.

Еврейский молитвослов

В последние годы жизни о. Сергию дали на хранение еврейский молитвослов. Ему очень понравились многие молитвы в нем, поистине вдохновенные, и он часто их читал перед своей вечерней молитвой, говоря, что они его вдохновляют.

“Гостинчик“

Все мы знаем, как внимательно о. Сергий относился к людям, как боялся он кого-нибудь обидеть, даже просто пропустить случай выразить свое внимание. В дни именин чьих-либо близких и окружающих о. С. искал всячески возможность отметить этот день “гостинчиком“. “Гостинчик“ — это была в нем целая стихия, русская, вековая...

Последние годы он просил напоминать ему о днях именин его окружавших на случай, если он их забудет, и надо было помогать ему обдумать и найти, в чем может состоять “гостинчик“.

Любовь

Какая тайна — общение человеческое!

Как могла быть построена целая духовная культура на убегании человека от человека! Онтологически человек не один. Хотя в предстоянии его перед Богом есть предельное одиночество! Умирает человек один.

Но любовь в человеке есть откровение Бога в жизни, в людях.

Да, что такое “любовь“?...

— Тайна жизни. Тайна творения.

О. Сергий “любил любовь“ в каждом ее проявлении в людях — он созерцал эту тайну. В каждой человеческой любви он видел — созерцал — Любовь — ее софийную основу, восторгался, вдохновлялся ею.

Подвиг

Вроде как о святости: подражают тем формам подвига, в которых он проявлялся! Подвиг о. С. — подвиг любви, подвиг жизни, а не искусственное надевание на себя вериг. Как о. С. “изживал“ все в жизни, перестрадывал; никогда не отворачивался, не отводил руки от мучительных положений в жизни (для христианина это и есть и должен быть подвиг, а не йогические упражнения для

достижения каких-нибудь оккультных способностей), — думал, искал, мучился...

О. Сергий и комфорт

“ ... На этих каменных плитах люди поклонились иному богу, и имя ему комфорт...“ — так писал о. С. в своем диалоге “На пиру богов“, описывая свою первую встречу с Европой, “за четверть века“ до того, как он снова попал в нее.

Беженские условия не отличались комфортом: когда после недолгого пребывания в Праге и чтения там лекций в университете о. С. попал в Париж, обстановка его жизни в Сергиевском подворье была самая скромная. Первое время в квартире даже не было настоящих стульев — их заменяли неудобные садовые железные складные стулья. На таком стуле сидел о. С. перед своим письменным столом и писал свои книги. Он к нему так привык, что, когда в столовой появились иные, о. С. сохранил свой прежний. Только незадолго до последней болезни, ввиду усилившегося склероза и большой утомленности и утомляемости, друзья подняли вопрос о покупке более удобного кресла к письменному столу, которое и служило ему до последних дней.

Однако комфортом там, где он нужен, чтобы не тратить время на преодоление лишений, не делать лишних, ненужных усилий, храня силы для работы, о. С. не гнушался. И когда у него в квартире провели паровое отопление, он просто пользовался этим удобством и даже чуть-чуть посмеивался над теми, кто почти что утверждал, что оно мешает духовной жизни, так как лишает человека аскетического терпения холода. Аскеза о. С. была его творческая научная работа, и он ее не только не ослабил, но усиливал при наличии удобств. В то же время о. С. ни в коем случае не любил обставлять себя этими удобствами, носиться со своим покоем для занятий, даже чуть-чуть посмеивался, когда видел это у других, было у него в таких случаях “словечко“ — “дачничество“... Хотя день его был всегда распределен, особенно во время летнего отдыха в деревне, где он всегда по утрам занимался; однако расписание это он почти не защищал:

дверь в его квартиру была всегда открыта, и всякий, кто хотел, мог прийти к нему в любой момент. Когда это было в утренние часы, которые он берег для своей работы помимо лекций — ему было немного досадно. Однако он говорил — “грядущего ко мне не изжено вон” — и все же принимал. И здесь путь — “труд любви” к людям — занимал с годами и духовным ростом все больше и больше места в его сердце, как и постоянная конкретная память Божия и чувство Его присутствия во всех делах. Вначале он на такое помешавшее его работе свидание с трудом себя нудил, говорил в шутку, сознаваясь в своем нетерпении: “Ведь, в сущности, выходит, что я каждого человека, пришедшего не вовремя и помешавшего мне работать, принимаю, как “личного врага”!” (он писал только по утрам).

Последние годы почти каждая встреча была для него радостью, хотя отрывания от работы сильно помешали ей, и этим даже иногда объясняются многие повторения в его книгах.

“Постная Триодь” и молитвословие

Будучи с детства воспитан в церкви, о. С. сросся органически с ее жизнью. Еще маленьким мальчиком, как он рассказывал, он трепетно ждал, когда запоют канон “Волною морскою”, и боялся его пропустить. Это священное и почти детское отношение ко всем богослужениям Страстной седмицы осталось у него на всю жизнь. Если он многое в архаике и риторике наших канонов, особенно посвященных памяти некоторых святых и написанных без всякого вдохновения, и критиковал, то службы Страстной седмицы он выделял и считал особенно вдохновенными. Незадолго до последней болезни он опять с восторгом вспоминал: “Господи, во многие грехи падшая жена, Твое ощущившая Божество” — как сказано!“...

Выделял он также не столько по своему несколько нудному содержанию при бесконечных повторениях, сколько по той атмосфере, которая создавалась от этих

служб — особенно у нас, на Сергиевском Подворье — богослужения 1-й недели поста. Хотя они его очень утомляли, он возвращался из храма, как после далекого путешествия в неведомых просторах, подъема на высокие вершины духа, и говорил, что душа живет в это время особым разреженным воздухом этих вершин. И потому здесь даже отдельная критика этих служб по частностям, которая вполне закономерна, как раз последнее время несколько диссонировала с этими его чувствами. К богослужениям же Страстной он рекомендовал относиться даже с некоторым суеверным “страхом — не пропустить”.

Однако многие молитвословия казались ему тяжеловесными, архаичными, несовременными. В ряду их особенно правило к Святому Причащению. Мы часто говорили с ним об этом, как оно тяжело и не соответствует нашим чувствам и мыслям перед святым таинством Причащения Телу и Крови Христовых. Несмотря на это, он не позволял себе никакого неряшества и нигилизма к “правилу” и аккуратно вычитывал его. Последнее время, будучи очень слаб, он почти всегда читал его, сидя за своим письменным столом.

Над архаикой канона Андрея Критского он почти подсмеивался, однако, как я уже говорила, ценил атмосферу, создаваемую им, как и всю атмосферу 1-й недели поста, и даже пытался определить, в чем “магия” этого ритма, искал ее в этих таинственных повторениях “Помилуй мя, Боже, помилуй мя”, в таинственных вздохах покаяния.

Моя первая встреча с о. Сергием

Первый раз я увидела о. Сергия в Олеизе, имении близ деревни Кореиз, на второй год после его посвящения...

Горящие, пронизывающие глаза. Он был почти страшный, особенно по-молодому восторженной и наивной барышне, которой я в то время была. Его фигура была несколько неуклюжая, несколько неловкая: будто не вмешавшаяся в житейские рамки. И не вполне “укладывавшаяся” в священническую одежду, однако в иной

просто трудно было его себе представить, до такой степени она была бы будней и ординарной для исключительности, которую являла собой вся его фигура. Вместе с тем была какая-то трогательная беспомощность и детскость, которые оставались всю его жизнь. И вместе с тем смирение, которое тоже не есть однажды и единовременно приобретенное сокровище, а непрестанно, всю жизнь разворачивающееся — жизнь смирения, как жизнь всякой “дщери Премудрости”, а “путь Премудрости”, по слову Исаака Сирина, бесконечен. Оно было, конечно, главным образом в основном: что он совлекся “ветхого” своего человека и облекся в нового в этом “юродстве” своего священства. Отказался от ореола профессорского, положил свою жизнь к подножию Престола Божия, заклал себя. Все было так свежо, ново, трепетно в этом его новом положении. Многие (да почти все еще тогда) называли его “Сергей Николаевич”, и только некоторые начинали “принимать”, “признавать”. Других его вид почти шокировал, он как бы непрестанно стеснялся и извинялся перед ними. Чувствовалось, что во всем он идет вперед “без карты”. Но были уже вокруг него и души, тянувшиеся к нему как к священнику, и, конечно, уже немало было “чудес” человекообщения в его жизни в это время. (Рассказывали про случаи нескольких “обращений” под его влиянием среди местных “парней”). Проявлялось смирение, которому еще предстоял, однако, длинный путь впереди, — и в мелочах, в том, как он отзывался о своем “писании”, когда шел заниматься; как-то по-детски выполнял все церковные обряды чуть-чуть дрожащими (трепетными!) и беспомощными руками. Днем, ввиду трудностей тогдашнего продовольственного положения, он неизменно работал на огороде. Делал он это очень беспомощно и неумело, так как с детства рос в городской обстановке и ни к какому труду не был приучен. В то время я переживала свой малый кризис и искала выхода из несколько успокоенно-языческой атмосферы жизни, которая нас затянула на Южном берегу Крыма. Вернувшись домой после того, как мы все вместе впервые были в Олеизе в гостях у Булгаковых, я через два дня отправилась туда снова одна (28 км

пешком), чтобы исповедоваться у о. С. в первый раз в жизни...

На следующий день — небольшая беседа в огороде. Отец С. остерегал слишком искать “учителя”, слишком придавать ему значение: “ибо один у вас Учитель — Иисус Христос”, по слову апостола.

Отец Сергий и Россия

О. С. не по своей воле расстался с Россией — его выслали. Он подчеркивал это всегда, говоря, что сам бы он не уехал. Первый год своей жизни за границей он мучительно не хотел “отрываться от России” — он непрестанно вспоминал все мелочи своей жизни в последние дни и месяцы там. Почти каждая беседа при встрече с ним начиналась: “Полгода тому назад в это время я делал то и то или был там и там”; или “год назад в этот день” и т. д. Во все времена годов своего изгнания о. С. с большим интересом следил за всем, что происходит в России. Ко всем проявлениям творчества русского гения относился с большим энтузиазмом; к научным открытиям — с вдохновением и восхищением.

Свою творческую духовную, церковную и богословскую работу он мыслил связанной со всеми этими творческими проявлениями. Он выразил эту связь образом “туннеля” (его собственное выражение), который будто бы роется с двух разных концов и в конце концов должен слиться.

Церковный раскол, столько лет мучивший зарубежную Церковь, о. С. воспринимал “формально”. Он всегда повторял, что никогда не считал себя отлученным от русской Церкви.

Туннель

Образ туннеля, конечно, относился не только к России, это было пророческое видение того, что должно в мире совершиться вообще, пророческое видение вещей в их имманентной божественной сущности.

Вексель

О. С. говорил, что посещение церковных служб подобно векселю.

Тоже встречи с Богом

Несчастные те, кто защищают “безличное” понятие Бога — как просто Добра и т. п. Они правы в смысле апофатики — понятие Бога невместимо в наши понятия и слова, мы не можем сказать, что такое “Бог”. И вместе с тем не правы в том смысле, что нет религиозной жизни без *встречи с Богом*, без некоего видения лика Божия. Но нельзя это видение искать как нормы или по примеру других. Каждый его находит по-своему, на своем языке, изнутри себя самого. Верней — должен узнатъ в себе, увидеть в себе это видение. И не претендовать на его постоянство или интенсивность, яркость, отчетливость. И вообще — ни на что не претендовать. Однако обострять свое внутреннее зрение, не пройти мимо, не заметив. Иным онодается легко и часто, иным — мало и редко.

Жизнь пророков особенно характеризуется этими “встречами”. О. С. был как бы пророк наших дней. И в его жизни эти “встречи” не были только в исключительных случаях, описанных им самим в его автобиографических материалах, но гораздо чаще.

Помнится, отсюда какое-то священное отношение его к местам, в которых он жил. Как-то проезжали мы мимо места, где он провел одно лето. “Здесь я жил...” — это было сказано так монументально, значительно, не в услаждении каким-нибудь личным воспоминанием, нет — это факт, конкретность жизни, здесь я жил, здесь я говорил с Богом, здесь я падал, вставал, здесь Бог меня подымал.

Похороны

О. С. испустил последний вздох около 1-го часу дня. Мы все стояли вокруг его постели.

Мы просили разрешить нам обмыть его. Но нет — это дело священническое, священный обряд. Нам не дали. Но мы довольно обмывали его дорогое тело во время болезни. Мы его лечили, мы за ним ходили. Все было всегда чисто, хорошо устроено; его нежную белую кожу мыли, обтирали...

Его тело было измучено, истощено до предела, как будто изжило себя до конца. Дело миросиц кончилось. Теперь это уже почти моши. Кровать была такая удобная — наняли специально в особом магазине хирургическую. Все было налажено с любовью и заботой, ничего не было упущено. Но он так страдал! Почти каждые 2 дня искусственное питание, вспрysкивания, какая-то мучительная боль в виске, за который он все время хватался и держал пальцами. И вместе с тем — эта мучительная боль духа умиравшего человека, изживающего свою жизнь, эти “мытарства”. И в этих страданиях он не переставал непрестанно благодарить нас за заботы и любовь; он по очереди пожимал наши руки и часто даже их целовал. Было ясно, что он совершенно определенно отдает себе отчет, кто именно к нему подошел, кого он взял за руку, кому он ее пожал и поцеловал, хотя глаза он открывал не все время и иногда даже редко. Агония началась во время всенощной под св. ап. Петра и Павла, а кончилась на Собор 12-ти апостолов. Мы ясно поняли, что это агония, но никто не хотел нам верить, и настояли даже на том, чтоб позвонить по телефону доктору, который в тот день не мог приехать и назначил заочно еще раз проделать искусственное питание! После всенощной прочли отходную, но еще сутки после этого он тяжело дышал, все тяжелей и тяжелей.

И наконец он испустил последний вздох. Елена Ивановна, его жена, которая все последние годы была полубольна* и все последнее время его болезни сама

* Она умерла через полгода после смерти о. С. в день их свадьбы, на моих руках, тихо отошла.

лежала больная в своей комнате и только приходила иногда на него посмотреть, была с нами, мы ее позвали. Кровать поставили перед образами. Покрыли, облачили в облачение, которое он привез из России. В ногах положили то белое облачение на престол с огненным красным крестом, которое мы ему шили еще в Праге, когда он там служил в Свободарне, то за городом, то на Конференциях Движения. Это облачение было с нами в Пшерове, когда он там служил и когда там были все чудеса Св. Духа!

Передняя часть, украшенная огненным крестом, свешивалась с края постели, и получался как будто престол. По всей постели вокруг него лежали такого же огненного цвета гладиолусы, чудесно сочетавшиеся с крестом вышивки. Нам сделали исключение дня через два и открыли воздух, чтоб показать нам его лицо. Хотя о. Кириан, предложивший нам это, сказал, что он “светится”, мы, видевшие тот Свет, этого не увидели, и мне оно показалось как-то непохожим на о. С., каким-то “изжитым”.

Все три дня, пока тело о. С. стояло в кабинете, сначала на постели, потом в гробу, конечно, непрерывно читалось Евангелие день и ночь приехавшими из города священниками, его учениками, почитателями и сослужителями. К сожалению, единственno, кто не смог принять участие ни в этом чтении, ни в похоронах, был о. Андрей Сергеенко: в день смерти о. С. он сломал себе ногу и лежал в эти дни в больнице перед очень тяжелой операцией.

В заупокойной литургии и отпевании приняло участие множество священников, так, как бывало в большие праздники на Сергиевском Подворье. Все носило характер какого-то огромного торжества. Мы все причащались. Присутствие о. С. во время литургии было невероятно реально, в особенности во время “Херувимской”. Во время отпевания и чтения трогательного канона священнического погребения, где изумительно изображен разговор уходящего священника с его духовными чадами,казалось, что этот разговор идет на самом деле. Волнение, стоявшее в церкви, не было просто эмоциональным выражением скорби от потери любимого человека, нет, это была целая жизнь отношений между *уходившим* — так как в тот момент он еще не был ушедшим, да, может

быть, никогда не будет — с его духовными чадами, с его друзьями, целая жизнь судеб, ему поверенных или разделенных в его священнической и дружеской любви.

После отпевания, как полагается по уставу, гроб его обнесли вокруг храма, прежде чем нести к воротам и везти на кладбище. В этом крестном ходе, так напоминавшем крестный ход с плащаницей в Страстную пятницу, было что-то потрясающее.

Роза и крест

О. С. не любил это ходячее словосочетание, считал его как-то неглубоким и сентиментальным: “Крест есть крест”, — говорил он.

“Иудео-христианство“

Последние годы своей жизни о. Сергий часто употребляет этот термин, тогда еще не так распространенный, как, например, сейчас во Франции, и очень много говорил об этом вопросе с большим вдохновением. Он говорил, что антисемитизм — это антихристианство.

*

О моей глухоте о. С. один раз сказал: “Бог тебя посхишил”.

Лондон, 1945-46 гг.

ДОПОЛНЕНИЕ К “ЯВЛЕНИЮ СВЕТА НЕВЕЧЕРНЕГО”

Интересно, что в течение всей своей жизни о. С. думал и говорил об этом “преображении” — как он называл, в разные периоды ее по-разному, в соответствии со степенью своего духовного возраста.

Сначала это было еще в Москве, еще до священства. Он рассказывал мне об этом, называя каким-то “мальчишеским самолюбованием”, и видел в этом большую духовную незрелость: он говорил своим друзьям в кружке тогдашней, как он называл, “московской Флоренции”, что он “не умрет, а преобразится”.

В 21-м году, в Ялте, он в таких словах упоминает об этом в своем “дневнике духовном”: “

6 августа 1921 г., Преображение Господне. Сегодня я по воле Божией отлучен от служения (опять вследствие нарывов на ногах). Первый раз в свое священство со мною это случилось и притом в такой праздник, в мой праздник, ибо в безумии своем чаю раньше смерти видеть Царствие Божие, пришедшее в силе, раньше смерти пережить... преображение!.. Разумеется, устрашающий пример дивной А. Н. Шмидт, которая была уверена в своем преображении, и — просто умерла, но относительно ее все так таинственно”.

Об этой записи, сделанной во время его священства в Ялтинском соборе, о. С. впоследствии совершенно забыл, она была сложена вместе с другими листочками его “дневника духовного”, и не помню даже — читала ли я ее при его жизни. И он мне о ней никогда не упоминал. Тогда о московской своей “болтовне” о своем преображении, как он это называл, он часто рассказывал, повторяю, относясь к этому в смирении своем и духовном опыте с некоторой покаянной иронией.

И вот еще запись в Ялте:

22 сентября 1921 г.

“Останешься один и познаешь себя, увы! — в своей малости! Думаю о своем “творчестве”, но бессильно. Вчера

мелькнула малодушная мысль: “не есть ли вера в свое особое избранничество, “встречу“ и “событие“, не есть ли это ... самомнение, которое разлетится в суровые дни испытания? Но нет, греховная искусительная мысль, да разве это самомнение? Разве Бог не глиняный сосуд избирает для своих целей? И затем — моя непреклонная вера, что совершится чудо, но оно будет и концом моей жизни, связана со смертью (“Смертью прославиши Бога“, — как писал в том письме о. Павел Флоренский). — Разве она мирится с неудачничеством, никчемностью и пустоцветством моей жизни и моим бессилием теперь? Ведь не по заслугам, но по благодати избирает Бог себе служителей и избрал меня, слабого и недостойного, — быть служителем Божественной Софии и Ее откровения“.

Об этой записи о. С. тоже впоследствии совершенно забыл и только часто рассказывал “сон о. Павла“, который ему и писал в “том“ письме, где говорит “смертью прославиши Бога“, — так о. Павел истолковывал этот сон. Вот он:

Все сидят за столом и слушают, как о. С. говорит какую-то речь. О. Павел слушает и все думает: “не то, не то!“ Вдруг подымается молодой человек весь в черном (Ивашечка — покойный сын о. С.? или — смерть?) и говорит за о. С. — и о. П. думает: “вот это — “то“!

Последние годы своей жизни, как, впрочем, и всю жизнь, о. С. часто изнемогал от творческого бессилия, от “суконности“ языка своего, как он говорил; даже иногда говорил, что не может высказаться, что все как будто “не то“.

И вот точные слова беседы, имевшие место на Преображение 43-го года со мной, написанные его собственной рукой ввиду моей глухоты (последнее Преображение, проведенное им на земле):

“... Свет Фаворский: паламитские споры, есть ли свет, видимый отшельниками, свет Серафимовский, — свет Фаворский, или же это субъективно-психологическое состояние, даже прелесть? Церковь ответила в первом смысле.

Разумеется, это не значит, что всякое переживание света есть подлинное, а не прелестное, последнее возможно, и не нужно дерзость смешивать с дерзновением. Однако христиане зовутся к дерзновению. Церковь учит молиться: “да воссияет и нам, грешным...“ И если не сияет, то по нашей лености и греховности или по промышлению Божию, но все-таки “да воссияет”...

Видение праздника: распятый Христос в свете Преображеня. Сейчас, когда распинается мир и сораспинается Христос, это видение и чувство крестной славы и прославления Распятого и распятия нам дано и открыто больше, чем прежде. И оно дает если не видение, то духовное чувство Фаворского света.

Сие и буди, буди!”

ПРИЛОЖЕНИЕ

Через 32 года после их написания эти “отрывки” — ни в какой мере не претендующие на “воспоминания” о его большой жизни — случайно попали в мои руки — грустно стало: нигде не упомянут “Пшеров”. Для тех, кто в нем участвовал, — это слово много говорит — это чудо благодати, посетившей нас на первой “конференции” Русского Христианского Студенческого Движения, на которой участвовал и служил литургию о. С.

Но написать об этом через 54 года (это было в 1923 г.) абсолютно неспособна!

Стыдно стало, вспомнив слова о. Василия Зеньковского (еще тогда “Василия Васильевича”), сказавшего после всего: “Если кто-нибудь об этом не напишет, значит не в коня корм”.

Написал ли кто-нибудь?

... Помню только, как мы после всего — реального посещения нас Св. Духом, — вернувшись в Прагу, свалились в сон, в каком-то бессилии перенести пережитое,

сравнивая себя с апостолами, попадавшими оглушенными видением Преображения...

... И вот, как бы в ответ на мои сожаления, мне случайно попалась в руки из старого архива матери Бландины (Аси Оболенской) ее запись о Пшерове, которую нахожу нужным здесь привести:

“Прага. 9.Х.1923 г. Комната Ю. и К. Спали мы среди дня. Сидим теперь под лампой, пишем. Спала я — как будто телом прислонилась, телом прилегла, чтобы, да, как-то дать душе простор. И она опять что-то новое поняла. Спала я, и не снилось ничего, но где-то и как-то опять прикоснулась душа к тому, что стоит за нарастающими днями. Я проснулась и поняла, что печать на нас наложена, огненная, жгучая, сладостная, потому что в эти дни было то, что должно было быть именно в эти дни, именно в этом замке, который стоял и может быть построен был для того, чтобы старым и пустым принять в себя сноп небесных лучей. Именно в этом замке, именно в этой точке карты земной было то, что еще никогда не было в жизни нашей, не только нашей, может быть и веков. Да, никогда не было. И к этому мы усталые, мы немощные, мы больные невыразимостью, окаменевшим нечувствием, мы нищие и затерянные через года и года всегда будем припадать, как к живому источнику. Сейчас мы к этому близки днями, и не знаю, какие слова говорить? Люди другие скажут слова настоящие, скажут слова полные, живые слова. Это будет молитва — так родиться должна она. То была молитва нескольких дней, не сказанная, не выраженная. И верно придут слова живые, чтобы в них осталось навеки, на дальше, чем жизнь. Те с неба пролитые лучи, тот навстречу свет, тот пламень человеческого духа“.

АВТОБИОГРАФИЯ

Образ жизни родителей.

По окончании университета папе (единственный сын генерала Рейтлингера¹) предложили оставление при нем, что давало возможность научной деятельности, но он предпочел государственную службу. Его либеральные друзья слегка за это его “презирали”; впрочем — главный его друг — Куркотовский, как и Глейбер, муж Лидии Владимировны, родной сестры Ольги Владимировны (Оболенской), умерли очень рано. Образ его жизни слегка окрасился этим выбором.

Мать наша, хотя и дочь генерала Н. Гонецкого,² брата Ивана Степановича, героя Плевны,³ (воспитанница Смольного Института, поклонница Ушинского) не любила “светскость”, воспитывала нас очень просто, будучи как бы прирожденным педагогом, и несла светские обязанности, необходимые в то время, скорее, как бремя.

“Лидия Николаевна — единственный педагог, которого я встречала в жизни, — говорила впоследствии Ася Оболенская (будущая мать Бландина).

“Мама, ты воспитывала нас внушением“.

С раннего детства, при всей своей жертвенной любви к нам, — полное отсутствие баловства, и при этом — свобода (например — когда видела с моей стороны нерешительность, — не берет на себя решение, а предоставляет его мне и т. д.).

Родились мы все на Знаменской улице, близ храма Знамения (ныне снесенного), около Николаевского (ныне — Московского) вокзала.

Вскоре наш отец получил очень хорошую службу⁴ в Государственных сберегательных кассах.⁵

Квартира казенная — десять комнат: три детских — из них одна — классная, кабинет папы, большая зала и большая спальня родителей, разделенная занавесом на будуар и собственно спальню.

Но мама живет в маленькой комнатке, с выходом в коридор. Уже после смерти родителей мне рассказали: мама, боясь рака — от него умерли ее мать 37 лет отроду, оставив 12 человек детей, и одна из старших сестер — отказалась от супружеских отношений: “Мне надо сохранить свое здоровье и жизнь, чтобы воспитывать своих детей”. Все родственники это знали. Папа: “Не в состоянии вести такую жизнь — не хочу путаться с проститутками, выбираю одну женщину” (нашу бывшую няню). От нее — 2 девочки, одна умерла почти сразу, другая — здравствует и поныне в Москве.

Смерть Оли. Мамино “обращение”. Воспитание.

Старшую сестру Олю — едва помню: она нам говорила: “Стыдно, не любишь маму, не моешь руки до локтя!”

Ее отдали в гимназию 14-ти лет; тотчас же заразилась скарлатиной (в то время плохо ее лечили) и сгорела в две недели. Горе родителей было непомерно — самая старшая, самая талантливая и, кажется, самая любимая (особенно для папы).

В то время — принято: после няни — у детей “бонны” (с “языком”; у нас — немецкий; мы им овладеваем сама собой, в 6 лет говорим, как по-русски). Потом — более интеллигентные — гувернантки.

Лидия Васильевна Набадьева (очевидно, не без еврейского происхождения, талантливый, властный педагог, подчиняет нас своему влиянию. Мы ее очень любили, но наказания ее нас угнетали (на спину пришивается плакат с написанием вины, в таком виде выводят иногда к гостям в залу и во двор, где мы играем с детьми).

Маме эти меры не нравились и ее власть над нами. Больше в нашем доме ее не помню.

С детства мама, конечно, была воспитана в христианской (православной) вере, и даже взрослыми

девушками они, по-видимому, были обязаны ходить с дедушкой в церковь. (“Вот, мы ворчали, когда должны были идти с дедушкой в церковь, а теперь хочу — и не могу”, — много позднее, когда папа из-за своих болезней или капризов ее не пускал, говорила мама). Очевидно, их не минул отход тогдашней молодежи от церкви (осталась так и бедная тетя Наташа!) Смерть Оли не могла не вернуть маму к церкви и, конечно, окрасила всю ее жизнь. Но тенью своего горя она наше детство не омрачала — мы росли в жизнерадостной атмосфере и такой же была наша религиозность (хотя — помню ясно — мне не чужда была “память смертная” в довольно юном возрасте).

Нас водили к первой исповеди и к заутрени — было прекрасно!

Какая-то маленькая чудесная “домовая” церковь при музее Александра III (ныне — Русский музей); попадать в нее надо было по каким-то бесконечным, таинственным коридорам с чудесным запахом масляной краски.

Маленький мальчик в квартире под нами — болен — менингит — почти неизлечимая болезнь. Мы молимся о нем (нас об этом просит мама) — он выздоравливает. Мы верим — по нашим молитвам.

В первый день Пасхи мы ездили на Олину могилку. Паровичок от Лиговки, пыхтя и отдуваясь, тащил нас до Лавры. Мы вешали на скромный крест золотые фарфоровые яички — два больших, пять — разного размера — от большого до самого маленького — символика!

Учение.

У папы интриги на службе. Меняет ее на другую. Переезжаем в скромную квартиру на Фурштатской ул. Мы рады — мама всецело с нами. Гуляем с ней в Таврическом саду. В гимназию (после опыта с Олей) она отдавать нас не хочет. Маленькая, быстрыкая, стрижена — типичная “кадетка” (партия К-Д — конституц.-демокр.) — Евгения Дмитриевна Кахина, неизменно спорящая с папой во время завтрака и возмущающаяся каким-либо очередным политическим событием, — учила нас по всем предметам.

На улице Фурштатской, в доме управления протопресвитера военного и морского духовенства — маленькая домовая церковь. Старенького протопресвитера Жалобовского почти всегда заменял чудесный, скромный, тихий о. Федор.

“Аще кто благочестив...“

“Огорчися — ибо упразднился, огорчися...“ — его чудесно выразительное чтение и какие-то сильные ударения, — даже сейчас, больше чем через полвека, я могу восстановить в ушах!¹⁶ (Мама выражает свое восхищение талантливому регенту).

Мещерские и Оболенские. Гимназия.

Мария Андреевна Мещерская, хотя и родная сестра очень либерального “кадета” Владимира Андреевича Оболенского, — маме теперь ближе по своему мировоззрению (она верующая). Александра Оболенская, ее мать, — одна из самых просвещенных женщин своего времени, основала гимназию своего имени в собственном доме на Басковом переулке.⁷

Мария Андреевна, по смерти матери — естественная собственница гимназии, не унаследовала ее даров. Все ведение в руках талантливых педагогов — Гердта, Форстена и чудесной Елизаветы Николаевны Терстфельд.

Владимир Андреевич Оболенский⁸ — брат ее, все время высыпаем за “черту оседлости” — наконец обосновывается в Петербурге, и его старшие дочери, Ася⁹ и Ирина, вместе с Лидой и мной (наши ровесницы) поступают в гимназию (наша старшая — Маня — еще раньше) и мы неразлучно дружим всю жизнь.

Пристаю к Ирине: “Может ли быть мораль без религии?” — но мама просит нас не говорить с ними о религии, зная, что они не были воспитаны, как мы.¹⁰

“Ореховая горка”.

“Красная мыза” — небольшое имение Мещерских (как у многих петербургских жителей) в Финляндии. На одной из дач (они их сдавали) — с самого рождения мы живем все лето.

Мы подросли.

Маме не нравилась светская атмосфера окружающего общества. После долгих поисков родители купили участок на берегу длинного (9 км) соседнего озера — очень живописное и уединенное место.

Крестьянскую избу, стоявшую на высоком берегу, переделали в скромный дом — мы проводили в нем наши летние и зимние каникулы.

Жизнь на этих каникулах распределена между занятиями, музыкой (все по очереди перед обедом играли с мамой в 4 руки), рисованием (каждый день хожу “на этюды” — громко сказано! — акварели выбранных мест пейзажей), отдыхом, купанием и чтением.

“Гутэ” — чудесные крынки простоквashi. Мама читает вслух по-французски (или финский народный эпос “Калевала” в переводе), мы — рукodelьничаем. (Мама тоже весь день работала). Изредка приезжали издалека гости. Приезжал из города папа.

Храм.

Известный врач и ученый Боткин в своем имении с дачами многочисленного семейства (недалеко от “Красной мызы”) выделил участок и построил на нем храм — туда ездили мы всегда с родителями, живя на “Красной мызе”.

Окрестные жители более отдаленных мест — ближе к “Ореховой горке” — сложились и по прекрасному проекту архитектора Пронина построили на Кирха-Ярве храм в стиле наших деревянных храмов севера.¹¹ Туда ходили мы даже и пешком, когда кто захочет, и в одиночку — прекрасно!

Первая мировая война

С переездом на лучшую квартиру (папа опять на хорошей службе) у нас стали бывать люди.

Папа (он и поет, и сочиняет музыку для романсов, рисует и т. д. — все немного по-дилетантски)¹² — человек увлекающийся: теософия, Успенский, “знаменитый” — (“пресловутый”) “грек” — Гурджиев (мама держалась от этого немного в стороне — без доверия). Бывал и Мережковский со своей Зинаидой Гиппиус (мы, конечно, совсем в стороне; Маня — в Медицинском институте, Лида — на Бестужевских курсах, мы (младшие) — в гимназии (но уже определяются интересы: посещаю — впервые в жизни — выставки — Нестерова, Серова, Мир Искусства с Красным конем Петрова-Водкина. Мне дарят прекрасные монографии — Левитана, Серова и др.).

Первая мировая война.

Маня — ускоренные курсы сестер милосердия при Кауфм. общине — фронт. Лида (параллельно с учением) — работала (безвозмездно) в “Попечительстве для бедных” (оно взяло на себя распределение пайков женам ушедших на фронт).

Кончаю гимназию. Клара Федоровна (“Рейтлингер! Художница!”) — кричала она всегда на уроках, ругая меня за что-либо) устроила меня в 4-й (головной) класс школы Общества Поощрения Художеств; (минута скучные гипсы), через 1/2 года уже перевели в 5-й и к весне — 6-й классы.

Февральская революция

Но дальше там учиться не суждено: Февральская революция.

Мама принимает революцию как христианка — никаких разговоров об имущественных потерях, чем кишело все вокруг: “Мы пользовались, теперь пусть пользуются другие”.

Врач недоволен состоянием моих легких. Мама мечтает для меня о Крыме. В Петрограде ждут голода.

Ольга Владимировна Оболенская едет в Крым к своему отцу, Владимиру Карловичу Винбергу, виноделу,

в имение “Саяни” — у самого синего моря (между Алуштой и Ялтой).

“Лидуша! (она маму очень любила), я возьму их с собой” (т. е. нас четырех! — имея своих восемь детей!).¹³

В Саяни съехались все дети и внуки Владимира Карловича — и мы присоединились к ним. Несколько домов — все разместились: О. В. и ее восемь, Нина Владимировна с мужем (проф. из Юрьева, ныне Тарту) и ее шестеро; их сестра — Леонида Владимировна, жена сына (Анат. Влад.), дочь знаменитого адвоката Корабчевского, и ее две девочки.

Живем на коммунальных началах — работаем по хозяйству, на винограднике, стираем (я — по болезни — шью), ходим с осликом за продуктами в Алушту, учим младших, сами совершенствуемся в языках, увлекаемся стихами (до нас доходят последние произведения Блока).

Приехали мама и папа; и с Маней и Лидой временно поселились в Киеве (там они учатся в университете, и знакомятся с Муной Булгаковой — семья их тоже временно там).

Лето 1917

Летом — опять на южном берегу — Лида зовет идти в гости к Муне — 28 км. Отправляемся всей компанией.

Отец Сергий, недавно посвященный, жил в Олеизе с семьей в доме тещи, Варвары Ивановны Токмаковой. Виноделия у нее нет — она живет на доходы чайной компании “Токмаковы и Молотковы”.

Дом большой, почти весь занят гостями, иногда приезжавшими на неделю погостить и остававшимися почти на всю жизнь.

О. Сергия очень тяготили эти купеческие традиции — но сейчас выхода не было. Сама Варвара Ивановна, очаровательная старушка, очень его любит. Об этом периоде жизни о. Сергия известно очень мало: сын, так поддержавший его в момент посвящения, юн, занят живописью и музыкой, жена и дочь — своими делами. Но есть рассказы, что он этот год имел там большое влияние на молодежь.

Служил в маленькой церкви в Гаспре (она описана в его “Автобиографических заметках” в связи со смертью сына Ивашечки, потом в соборе в Ялте. В Олеизе иногда, по просьбе Варв. Ив., служил всенощную в доме).

В Ялте была свята память о другом замечательном о. Сергии — Щукине.¹⁴

В маленькой библиотечке в “Саяни” только что попался мне в руки сборник “Вехи” (фамилию Струве уже знала от мамы), — она с ними немного знакома — “самый умный человек в России”); Булгаков — впервые (теперь его вижу). Он — почти страшен; горящие пронизывающие глаза, напряженное лицо — производит на меня огромное впечатление. Пророк!

Возвращаемся домой, захватив с собой Муну, — погостить!

Через несколько дней — больше так жить не могу! — отправилась в Олеиз — к о. Сергию.

Два дня там. Беседа на огороде (время трудное, о. Сергий тщится помочь своим трудом) — “учителями не называйте никого, ибо один у вас учитель — Христос“, — исповедь, причастие, сны (кресты, кресты...) — замечательно!

Симферополь. “Еденинская” церковь. Смерть Мани и Лили.

Крым переходит то в руки красных, то белых.

Две наши старшие и Ася Оболенская¹⁵ ушли в армию сестрами милосердия.¹⁶ Мы, младшие, с мамой, как и Оболенские, — надо как-то жить — в Симферополе.

О. Сергий стал читать лекции по богословию в университете. Но где ему служить?

Чудесная женщина Корвин-Круковская (вокруг нее какие-то чудные “девочки”) нашла заброшенный храм — “Едениская церковь”,¹⁷ “девочки” помогали, чем кто может, и наладились службы.

.....

“Ни Мани, ни Лиды” — так встретила меня мама, когда я вернулась домой с лекции: Ася Оболенская про-

бралась домой при отступлении, болела с ними сыпняком в Кисловодске, куда их, больных, высадили с поезда и там похоронили.

Мама исповедуется у о. Сергия; он очень ее полюбил и почитал!¹⁸

Смерть мамы

Больше надежды удержать Крым в своих руках у белых нет. Папа приезжает за нами — мы едем с ним в Севастополь.

Со мной что-то странное: не могу уехать дальше, как будто рвут куски мяса из моего тела.

Мама испугалась за мою психику — папа уезжает один, а мы вернулись обратно в Симферополь. Отец Сергий опять в Олеизе. Оболенские — часть уехала, часть осталась. Мы поселились в маленькой комнатке у сестры Вересаева, несколько экзальтированно пришедшей к Церкви женщины. Мы с мамой даем уроки, Катя — в библиотеке университета.

Мама говорит нам: “Мне жаль папу, что он один” (завещает нам с ним объединиться при первой возможности). Будто почувствовала, что скоро лишусь ее, — все свободное время я была с ней.

Сыпняк свирепствует. Мама заболела. Знакомая врач взяла ее к себе в больницу — окружила лучшими (в то время) условиями. Но сердце не выдержало — мама умерла.

Моему горю (самому большому в жизни) не было границ. Написала отцу Сергию отчаянное письмо — но южный берег был почти отрезан от Симферополя — ни ответить, ни поехать к нему невозможно.

Бегство за границу

Катя мечтает учиться. В университет нас не принимали — дворянское происхождение. Памятуя и мамино завещание — уехать во что бы то ни стало (мне ничего не хочется, мне все равно).

Заведующий библиотекой дал бумагу — командировку — реквизировать в имении на границе Польши большую библиотеку (частную).¹⁹

Меня устроили как помощнику. Но я совершенно инертна — хотя согласна исполнить мамину завещание, — все делает Катя. Поездом доехали до Житомира, а дальше пешком, на попутных телегах и т. д., рекомендации от одного священника к другому. Конец — граница. Местное население обращалось с границей довольно вольно — даже торговали. Но для тех, кто бежит, — это опасно: тюрьма. Псаломщик взялся перевести — одну один день, другую — другой, третий — вещи.²⁰

Мы — в Польше. Куда идти? “Идите в пункт (официальный) польских репатриантов”, — советуют нам (права у нас на это — никакого!).

Полковник (заведующий пунктом) позвал нас к себе: “Я должен был бы вас отправить обратно, и знаете, что за это?... Но у меня дочь в Петрограде, и (по моральному закону!) — если я причиню вам зло — и ей причинят. Отправляйтесь с партией в Ровно!”

Но как связаться с папой?

Каким-то чудом — приезжает в Ровно жена доктора Крейса — они оба работали с папой в Кр. Кресте.

Телеграмма в Варшаву. Папа приезжает за нами.

Покров. Прямо с вокзала — в храм, “на Праге”.

Пишу отчаянное письмо о. Сергию — “Зачем я уехала?” Чрез год каким-то чудом получила от него ответ — поддерживает (оно сохранилось в архиве его писем).

В первые же дни отправилась я в библиотеку — Грабарь, история русского искусства — и с того момента начала изучать иконографию.

Чешское правительство помогало русской молодежи учиться, давало стипендии. Чрез год — мы уже в Праге чешской.

Прага. Отец Сергий в Праге. Первые занятия иконой.

“Сегодня вечером приезжает о. Сергий Булгаков, — говорит мне на собрании религ.-философского общества П. И. Новгородцев, — не хотите ли встречать?”

Радости моей нет предела, и с этого момента стараюсь послужить его семье (в быту — он очень был беспомощный, а Ел. Ив. в Константинополе вывихнула ногу).

Учились в университете, в академии художеств, в архитектурном институте!

Кирилл Матков — совсем еще мальчик (сын профессора), где-то на Псковщине, у старообрядцев, изучивший ремесло древнего иконописания:²¹ “Ремесло! — и только ремесло! Молитвы не надо!” — посвятил меня во все секреты этого ремесла, хотя я немного копировала, чтоб научиться — даже и старообрядские иконы. (Моя мечта — творческая икона, но — ремесло — необходимо).

Первые опыты были, конечно, очень неудачны, до всего надо было доходить самой.

Через некоторое время я сделала главу Иоанна Предтечи по наброскам с натуры — с отдыхающего о. Сергия.²²

Переезд в Париж

Отца Сергия назначили ректором богословского института в Париже. Он в восторге от Лувра, мечтал о моем художественном образовании там, и устроил мой переезд во Францию.

Отец Сергий не терял надежды на приезд своего старшего любимого сына Феди из Москвы (художника).²³

Чердачное помещение в домике в Серг. Подворье разделено на каморки. В одной из них (“мансарда”) о. Сергий попросил проделать окно в крыше — “Федино окно” — и пока поселил меня там — (близость храма, далеко от “Вавилона”).

“Вот матушке трудно с больной ногой, вы ей будете нужны”, — благословил меня владыка Вениамин, инспектор Академии.

Я показала Боре Мещерскому²⁴ “Главу Иоанна Предтечи” (о которой речь шла выше): “Тебе больше всего подходит учиться у моего учителя, Maurice Denis, в Ateliers d’arts. Состав там наименее текучий, он милейший человек, я с ним поговорю”.²⁵

Рисуем и пишем с натуры, натюрморты, композиции на религиозные темы. Раз в месяц — messe d’atelier, все

причащались (я — присутствую, но не причащаюсь — по тем временам о. Сергий этого не благословляет).

Общего художественного развития получила я от них очень много. Но в чем-то — поскольку католическая картина разнится от иконы — мне надо было впоследствии идти как бы “от противного”.

Старообрядец Софонов, выписанный из Прибалтики группой из “Движения”, пожелавшей писать иконы (но сами они совсем не художники, что мне чуждо), дал мне еще дополнительные советы по иконописному ремеслу, и я стала почти исключительно заниматься иконописанием, параллельно помогая Булгаковым по хозяйству.

У Стеллецкого, который превратил церковь Серг. Подворья (бывшую немецкую “кирку”) в подобие старого русского храма — и жил там во время этой работы — научиться ничему не могла: он икон, как таковых, никогда не писал. Все иконостасы были выполнены так: по грунту, приготовленному под масляную живопись, он очень декоративно делал фигуру святого или композицию праздника в древнерусском стиле, оставляя место для ликов, которые потом выполняла княжна Львова (тоже маслом).

Папа уже переехал в Париж, и мы с ним дружили, я посещала его, когда ездила в atelier. В Париже он опять увлекается разными духовными течениями, и даже гордится своим “диапазоном”. Возобновил знакомство с пресловутым Гурджиевым (даже живал у него в его “знаменитом” доме в Фонтенбло), но постигнуть красоту и глубину православия ему как-то не удавалось. Он мучительно вопрошал: “Дайте мне книгу, из которой я мог бы понять православие!” (тогда такой книги еще не было).

Когда я перестала ездить в atelier — он переехал в убогий *hôtel* совсем близко от Серг. Подворья, что дало мне возможность посещать его почти ежедневно. Давал уроки, худел и, наконец, слег за месяц до смерти — рак обнаружили поздно. Просил его не оперировать и дать ему спокойно умереть. Примирился с о. Сергием, к которому, конечно, меня ревновал, исповедовался и причастился у него, и о. Сергий свидетельствовал, что он умер, как настоящий христианин.

Выставка в Мюнхене. Медон.

За границу в Германию и Бельгию приехала из Союза выставка икон — “Троица” Рублева и “Владим. Божия Матерь” в научных копиях Чирикова и Брягина — остальное в оригиналe.

Узнала, что в Париж она не приедет: а в Мюнхене обосновалась одна семья наших старых знакомых—соседей по Крыму, Винбергов (есть, где остановиться). Виза — и я в Мюнхене. Пять дней с утра до вечера не уходила с выставки — глаз не оторвать от “Троицы” Рублева!

Наконец я знаю иконы не только по репродукциям.

Знакомство со старой русской иконой показало мне, как важна для иконописца уверенная линия (говорю не о “кальках”, а о чисто художественной линии), и я стала в ней упражняться: делала наброски и кистью, тонким пером тушью. На каникулах в деревне ходила по полям, как японцы, — привязав баночку к поясу. Наброски имели сами по себе большой успех среди французов, но меня надолго на них не хватило, и даже в этом я не смогла приобрести нужного мастерства.

Но кроме икон — я еще брежу фреской. Но стены нет!

В Париже закрывалась колониальная выставка. Многие павильоны были оформлены модным изобретением — краской Stieß, подражающей фреске. У меня был выгодный урок. Купила на свои деньги на слом фанеру, подготовленную этой краской — по ней можно писать еще новой. С благословения о. Андрея Сергеенко мы обшили церковь—барак в Медоне, где он служил, и я расписала его с помощью Кати, которую выписала на месяц из Праги.

Старики ворчали: “Мы в изгнании ведем трудную жизнь, приходим в храм, чтобы забыться, зачем нам эта роспись?” Отец Андрей, конечно, возмущался таким отношением к храму и к росписи и поддерживал ее. Ел. Яковл. Бреславская (в будущем — Ведерникова — познакомилась с ней впервые) — помогала, чем могла.²⁶

Отзывы

Группа новоиспеченных иконописцев (со старообрядцем Рябушинским во главе) устроила выставку икон.

Рецензии в газетах, толки (публика повторяла отдельные фразы из них; Тимашева (жена профессора, не художница, но тоже пишет иконы) — обо мне: “С ней можно не соглашаться, но нельзя не считаться”. Фото с моей иконы “Не рыдай мене, Мати” было помещено на первой странице газеты “Россия и Слав.“ (Публика, недостаточно осведомленная в нашей иконографии, называла меня “создательницей русской Pietà“, хотя я эту композицию не сама придумала, а только по—своему трактовала).

О выставке (рецензия): “Мертвенностъ, неподвижность ... если бы не иконы Рейтлингер“.

Вейдле, отдавая полный отчет в огромности моей задачи и скромности моих сил, — одобрял и поддерживал меня.²⁷

Професор *Zeib* посетил Медон: “*lebendig!*“

Постриг

Почти монашеский образ жизни, общение с о. Сергием, ежедневное посещение храма — а “мир“ все—таки захлестывал — соблазны, искушения сбивают с ног. Надо как—то закрепить свой путь. Монастырь — нет: мое послушание — свободное творчество.

Пример матери Марии открывает возможности: оставаться на месте, постричься и заниматься своим искусством.²⁸

Владыка Евлогий благословил. “Но, — сказал он, — вы молодая, матушка старая, в дочки ей годитесь, — как же она будет вас называть “матушка“ — так нехорошо. Я вас постригу в *рясофор*, но переменю вам имя...“

... Это был самый счастливый день моей жизни; хотя весь рясофорный постриг состоит только из одной молитвы, и даже не “обет“, а “святое сие намерение“ — благодатно мне далась в тот момент такая всецелая преданность Христу, которой я ни раньше, ни после никогда не могла достичь.

Первая поездка в Англию

Братство св. Албания и преп. Сергия пригласило меня написать триптих для храма в богословском колледже в Mirfield, на севере Англии — дар его этому колледжу. Поехала туда, жила в женском монастыре, откуда автобусом ежедневно ездила работать над триптихом в колледж. Посередине — Спас, по бокам — преп. Сергий и муч. Албаний. Храм — последнее слово современной англиканской архитектуры. Триптих был огромный, и так подавлял своими размерами и своим м. б. и стилем — слишком православный, что впоследствии, когда все было готово, вызвал ропот среди руководителей колледжа, как мне рассказывали, почти до раскола. Чем дело кончилось — я не знаю.

Отвлечение от иконописной работы

По возвращении из Англии я продолжала работать в Париже — много икон (и одноярусный иконостас) сделала по заказу о. Евфимия Вендта, для монастыря в Moisenay, запрестольную большую икону “О Тебе радуется” для храма-барака на rue Olivier de Serres, одноярусный иконостас в храме-гараже в общежитии матери Марии на rue Lourmel и другие.

Но как всегда — не выдерживаю без отвлечений от основной работы, сбиваюсь на эстетизм (а потом и на некоторую угоду французскому покупателю): одного моего “Спаса”, очень декоративную большую голову в красивых тонах, вешаю в снобистском магазине модерной обстановки.²⁹

В русской иконописи есть страница, которую совершенно обходят наши, справедливо, конечно, относя ее к прикладному кустарному искусству, но ведь последнее в других областях все же ими ведь тоже признается искусством? А в иконописной области в нем все же есть традиция, и своя прелесть. Я имела в руках такую небольшую иконку “Скорбящей Божией Матери” — из нее исходила, а потом, на основании этого, делала и “Серафима Саровского на камне с медведем” и т. д. — все

в малых размерах, и очень этим увлекалась: этот стиль давал возможность делать большие количества вещей, одно время привлекла к работе и мать Бландину (бывшую Асю Оболенскую) — к сожалению, она была слишком занята своими монастырскими послушаниями и быстро отпала, а с ней именно восстанавливали работу на кустарных началах, как была она в монастырях конца XIX и начала XX вв. Имели они успех и среди французов, и я часто изображала и католических святых, и общих.

Одни знакомые³⁰ получили новейшие издания советской детской книги. Я была от них в восторге — “вот бы так — религиозные!” Меня захватил “миссионерский пыл”. Своими жалкими средствами (никогда иллюстрацией не занималась, тираж — мой собственный — мизерный и т. д.) сутилась я с этой работой.³¹ Отец Сергий — робко — он всегда предоставлял мне свободу, особенно в художественных делах — в них считал себя некомпетентным) говорил мне: “Не разбрасываешься ли?” Но я была к этому глуха, и наследственный дилетантизм!

Смерть отца Сергея

Болезнь и смерть отца Сергея описана мною в “Отрывках воспоминаний”, которые я написала еще будучи в Англии, и только недавно (при переезде на родину оставила их во Франции) мне их переслали, и я их передала о. А. Меню, так как больше никаких воспоминаний об о. Сергии писать не могу.

Вторая поездка в Англию

Братство св. Албания и преп. Сергия купило в Лондоне дом (на ул. Ladbroke Grove). Пригласили меня расписать “часовню” — одна из комнат нижнего этажа с тамбуром.

Обшили стены (наконец-то — стена! хоть и фанера) фанерой и залевкали ее.

История церкви: вверху — фриз от сотворения мира до конца Апокалипсиса; внизу — отцы Церкви, святые

англиканские и православные. В тамбурае (— алтаре) Агнец, стоящий на верху горы, старцы с гуслями.

Одноярусный иконостас — Спаситель, Матерь Божья, муч. Албаний и преп. Сергий.

Увлекшись матовой фактурой (фреска!), оставила стены без олифы — а ведь это яичная темпера, как иконы, и требовала закрепления, и хороший мастер нашел бы способ матового закрепления, но я по своей неопытности — нет! ³²

Почему-то роспись задней стены (она представляла собой большую раздвигающуюся дверь в соседний большой зал) не была сразу включена в план росписи (мы ее не обшивали), и я уехала, исполняя завещание о. Сергия, — после его смерти соединиться с моей сестрой. Она жила в это время в Праге с мужем и сыном, и у нас общая мечта — вернуться на родину.

Вейдле очень одобрил роспись. Но не без ехидства (он не мог сочувствовать моим дальнейшим планам!) говорил: “Человек, создающий такую вещь, должен найти способ ее закончить”. (Это о задней стене).

Переезд в Чехословакию. Прага и церковная деятельность.

Но “человек” уезжает, покидает навсегда Париж и переезжает в ЧССР (выписывать его оттуда, чтобы продолжить работу, — ни у него, ни у кого нет средств).

Там в это время, с сильной политической окраской, было насаждение православия. Присланный туда из Ростова владыка Елевферий, видимо, очень страдал в создавшейся атмосфере. Факты: все знали, что Карчмары был коллаборантом (работал с немцами). Ему надо добиться епископства. Но он женат. Ничтоже сумняшееся он просит постричь свою жену в монашество и потом отправить в какой-то монастырь. Мне велели участвовать в церемонии ее пострига — вести ее в рубашке от входа в храм к алтарю.

И в таком роде все. Отхожу от церкви.

Восточная Словакия

Меня после одной большой работы в Праге (алтарный триптих в храме на Рясловой ул.) направили расписывать храмы в восточную Словакию.

Если Чехия была и католической, и гуситской, то восточная Словакия — исключительно униатской. В это время была ее ликвидация.

Техника росписи — самая примитивная: известковая краска по известковому грунту. Конечно, надо было угоджать населению, писать в том стиле, к которому они привыкли (натуралистический!).

Церковная жизнь — далеко не духовная.³³ Сперва послали меня в Медзилаборцы,³⁴ работать в только что отстроенном храме. Краем (типа Украины) восхищалась я невероятно (в жизни не была в русской деревне), но от церкви отхожу еще дальше. И сама я не была на высоте — увлекалась несоответственно ни возрасту, ни своему состоянию. Кроме нескольких храмов в округе получала заказы на религиозные картины в домах — все типа католических, но далеко не художественных, и все маслом.

Икона опять забыта.

Там было в то время увлечение всем русским — зарабатывала на жизнь копиями с репродукций из русских журналов.

Не хотела и сама отставать от века (отчасти — чтоб попасть в Союз художников — вернулась к маслу — портреты, пейзажи).

Переезд в СССР

Наконец мы получили визу и нас целой партией отправили в СССР — Среднюю Азию, как наименее пострадавший от войны край.

В Союз художников, как и в Словакии (пыталась попасть и там), попасть не удалось.

Работала, чтоб жить, расписывала шелковые платки. При первой возможности — в отпуск — поехала в Москву, сперва к Феде Булгакову (он женат на дочери художника

Нестерова), потом — к Елене Яковлевне, которая уже Ведерникова, и знакомлюсь с ее замечательным мужем.

Каким-то чудом получила из Парижа все нужные документы, и хлопотами моей энергичной сестры наконец вышла на пенсию.

Теперь я могла ехать в Москву уже не только на месяц отпуска, но на все лето.

Уверенная, что к писанию икон уже больше никогда не вернусь, я раздала все свои “орудия производства”. Но Елена Яковлевна смотрела на вещи иначе (сама пишет иконы) и соите que соите³⁵ возвращает меня к оставленной священной специальности (сперва — поправить ее вещь, потом — докончить и т. д., наконец, я начала и свою работу).

Понемногу начинаю дышать забытым воздухом: Ведерниковых, книги, встречи с чудесной новой молодежью. Я возвращаюсь в Отчий Дом, исповедуюсь и причащаюсь у о. Андрея Сергеенко (чего давно не делала) и 15–20 лет работаю над иконой, больше, чем когда-либо в жизни.

Наконец — знакомство с о. Александром Менем как будто послано мне отцом Сергием.

Вот и вся моя биография, ничем не замечательная, кроме моих замечательных наставников!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. По семейным рассказам — сирота, воспитывался в семье Алексея Толстого. Но нигде пока подтверждения этих рассказов не нашла. Защитник Севастополя, в истории севастопольской обороны можно найти его портрет.
2. Был долгое время командующим войсками “Царства Польского”. Гал. Вас. Завадовская, побывавшая в Вильнюсе в 1957 г., уверяла меня, что там стоит ему памятник.
3. Об этой семье есть советское издание “Воспоминаний” Водовозовой, маминой двоюродной сестры.
4. Тогда так называли работу.
5. Дом этот, Фонтанка 76, кажется, и сейчас занят подобным учреждением.

6. По смерти Жалобовского, заступивший его прот. Шабельский, несколько модный в светских кругах, в нашей жизни роли не играл.
7. В этой гимназии училась впоследствии Н. Крупская; ныне там школа ее имени.
8. Его “Воспоминания” существуют отдельной книгой. С ним и его чудесной женой, Ольгой Владимировной и всей ее семьей — наши родители были друзьями еще до нашего появления на свет.
9. Будущая мать Бландина.
10. Они ни в коем случае не были воспитаны в атеизме, но религиозного воспитания также не получили, кроме обязат. уроков “Закона Божьего” в гимназии. Много позже, во Франции, когда мы с о. Сергием проводили его “Nachkur” на озере Аннеси, где жила у младшей дочери О. В., она, преодолев свою невероятную стеснительность, пришла к нему и рассказала, что никогда веры не теряла, но скрыла ее, как чуждую своему окружению.
11. Говорят, что он дотла был уничтожен во время русско-финской войны.
12. Мы часто потом смеялись — дилетантизм — карма нашего рода: моя сестра Катя — по характеру отнюдь не дилетант; но, окончивши архитектурный ин-т, волею судеб не стала архитектором — в Чехии был финансовый кризис, и всех женщин-архитекторов сократили. Пришлось (чтоб зарабатывать) заняться прикладным искусством, в котором она достигла большого совершенства без специального образования. Что до меня — благодаря моим многочисленным “изменам” основному пути.
13. В такое время, когда связь с Петроградом вот-вот нарушится, когда нет уверенности, что в купе не ворвутся и не побросают “детей” в окно.
14. Его чудесная маленькая книга “Около Церкви” трудами Ек. Эд. Куртэн (будущей матери Евдокии) — увидела свет в издании “Путь” (сам он, отданный без остатка пасомым, растерял всю рукопись, которую она и собрала по листкам).
15. Будущая мать Бландина.
16. Так называли тогда медсестер.
17. Какое-то частное лицо, очевидно, построило ее для своей больной жены, и после ее смерти уехало из Крыма, и ее закрыли.
18. Мы с сестрой всегда потом вспоминали о. Сергия у плащаницы: “Христос — мертв! Бог — мертв!” — так начал он свою проповедь.
19. Впоследствии выяснилось, что это имение в Польше!
20. И мы, конечно, не дождались, как они и не были ничтожны.
21. Впоследствии ему поручили работу над иконостасом храма, построенного русскими в Праге на кладбище “Ольшаны”.

22. Эта вещь была довольно удачна; к сожалению, где-то пропала — найти ее потом не удалось.
23. Уехать с ним сразу его не пустили, и остался он в Москве вроде “заложника”.
24. Второй сын Мар. Андр. обосновался в Париже еще до революции и жил как французский художник.
25. Maurice Denis, как многие из французской интеллигенции, пришедший к вере после первой мировой войны, вместе со своим другом Georges Desvalières, основали *ateliers d'art sacré* — попытка в современных условиях и со современными данными искусства возводить лучшие традиции религиозного искусства Средневековья.
26. Впоследствии этот храм-барак, оставленный без призора, сгорел. Фото сохранилось у Веденниковых.
27. Его статья, кажется, была в журнале “Числа”.
28. Впоследствии многие мои католические подруги мне завидовали: “Вот так мы бы тоже хотели!”
29. Может быть, для снобов он все же был Христом, но много ли в нем Христа для меня? Не больше ли красивой декорации?
30. Natasha Parain — урожденная Челпанова, дочь проф. Челпанова, художница, из Москвы ее привез Parain. В Париже иллюстрировала французские детские книги, имела большой успех.
31. Кроме “Картиночек-листков”, которые печатала на свои деньги, сделала “Мальчик у Христа на елке”, “Где любовь, там и Бог” (они света не увидели), “Герасим и его лев” — сперва ручным способом трафаретом — 60 экземпляров, потом французская писательница снабдила французским текстом, и эта книга выдержала несколько изданий: имела большой успех.
32. Через несколько лет она стала портиться! К счастью, удалось найти специалистов, которые спасли ее (уже без меня). Слайды с росписи и фото с иконостаса можно увидеть у З. Семенцовой.
Художник В. А. Волков, посетивший Лондон в 1972 г. после своего путешествия в Италии и Франции, высоко оценил роспись и даже сам удивлялся своей оценке: “и это после Италии!” — говорил он, смеясь. Местные отзывы мне неизвестны.
33. Медзилаборцы, кстати, — родина И. Грабаря!
34. Конечно, были исключения — чудесный священник о. Григорий Кузан и его матушка — но это уже ближе к моему отъезду. Но прежнего во мне нет.
35. Как часто в жизни я укоряла ее за властность, но тут она оказалась спасительной!

ПАМЯТИ ИНОКИНИ ИОАННЫ
(Юлии Николаевны Рейтлингер)

О Юлии Николаевне Рейтлингер пишут и будут писать многие, знавшие ее как человека и, в основном, как иконописца. Устраиваются и будут, даст Бог, устраиваться выставки ее работ-икон, ее храмовых росписей. Сколько бы ни было написано об этой верной служительнице Христа, думаю, все мало, все недостаточно, чтобы нашими неумелыми словами отобразить, нарисовать ее светлый образ. Позволю себе и я сказать о ней, что знаю, что чувствую, т. к. и в моей, хотя и далекой от искусства, жизни она сыграла ту же благотворную, незабываемую роль, что и в жизни многих и многих знавших ее людей. Образ ее остался в памяти всех знавших ее, любивших ее, ее духовных воспитанников, ее почитателей, ее детей. Я не буду писать о ней как об иконописце; я не имею никакого отношения к иконописанию, даже икон ее у меня нет, кроме небольшой иконы Казанской Божьей Матери, одной из последних ее работ. Ю. Н. дорога мне, прежде всего, как человек; мои воспоминания о ней не могут, конечно, сравниться с воспоминаниями людей, знавших ее чуть не всю жизнь; я знал ее сравнительно короткий промежуток времени — с 1975 по 1986 год. Но и эти мои скромные записки о ней, как дань ее светлому образу, думаю, не будут лишними — прежде всего потому, что таких людей, как она, слишком мало, знакомство с ней — это большая милость Божия, которая в нашей полной суety, греха и мук жизни, как светлый луч, указывает путь к Богу, объясняет, поучает, ведет нас к единственно нужной нам всем цели.

Я познакомился с Ю. Н. в 1975 г. До этого времени не имел никакого понятия о ее существовании, не знал

совершенно ничего. Жизнь моя проходила, занятая работой в институте, семьей. Я ходил в церковь, причащался раз в год (по традиции), но у меня не было ни одного близкого знакомого верующего, я был в этом отношении одинок и даже в семье не всегда находил отзвук своим стремлениям в отношении веры и религии. Жили мы до 1967 г. в Ульяновске, где в церкви было очень трудно из-за переполненности храма и тесноты. В Ульяновске боязнь проявить свою веру была особенно заметна, а уж факт хождения в храм замалчивался и скрывался особенно. После переезда в Москву я оставался по-прежнему без верующих, близких мне людей. Не было у меня и книг религиозного содержания, кроме случайно купленной Библии. Были знакомые, даже близкие нам семьи, были обычные развлечения — кино, иногда театр, иногда общие празднества с обязательной выпивкой — в общем, как все жили, жили и мы. И то, что я ходил в церковь, почти не вносило изменения в общий тон жизни. Даже молиться дома я не умел (как, впрочем, и сейчас) и не всегда мог по квартирным условиям. Пишу об этом для того, чтобы яснее стало, что внесло в мою жизнь знакомство с Ю. Н.

Знакомство это было тем, что называют обычно “случайностью”, и что на самом деле есть проявление воли Божьей (таких “случаев” в моей полной необычным жизни было очень много). Встреча с Ю. Н. произошла так: у меня была близкая и старинная, еще по эмиграции, знакомая — Маруся Ч., которая в 1947 г. вернулась в СССР и жила с семьей в Ташкенте, но иногда приезжала в Москву. Вот и на этот раз она приехала в Москву и остановилась у одной своей знакомой Св. Юр. З., хорошо и давно знавшей Ю. Н. В то время в Ташкенте жила и Ю. Н., а на лето, спасаясь от ташкентской жары, приезжала в Москву и останавливалась у той же Св. Юр. — о всем этом я не имел ни малейшего понятия и по телефонному звонку Маруси поехал повидать ее. Естественно, я не имел понятия, что это за дом, куда я еду, кто там живет, также как и о том, что там же в это время была и Ю. Н. Приехав по адресу, я встретил Марусю, которая была там с сыном и дочерью. На диване в комнате, где все

были, сидела седенькая старушка с добрым, внимательным взглядом. Меня познакомили — это и была Ю. Н. Я сел около нее, и мы с ней, не будучи собственно знакомы, проговорили часа полтора. Хотя разговор был технически трудным — мне надо было ей писать, она ничего абсолютно не слышала, но говорить с ней было так интересно и хорошо! Я рассказал ей о себе, о семье, о работе, она внимательно и ласково расспрашивала меня. Не зная ее совсем, я сразу подпал под обаяние ее души, сразу почувствовал ее душевность, ее внимание и любовь ко всем — все, чем были наполнены ее слова и вопросы. Вот с этого момента и началось мое знакомство с Ю. Н. Мало того, с этого момента моя жизнь в корне и решительно изменилась.

Через Ю. Н. я познакомился с группой чудесных молодых людей — верующих, ее друзей и почитателей; через нее я стал получать книги духовного содержания, стал читать то, что никогда не читал. Для меня открылся как будто новый мир. Книги, встречи с новыми друзьями, полные веры и религиозных тем разговоры — все это дало жизни новое содержание, новую окраску. Наконец, через этих людей я нашел духовника, которым стал замечательный священник о. А., и с тех пор, Божьей милостью, я имею возможность исповедоваться у него (раз в месяц, по его слову). Все это вместе сделало мою жизнь другой. И если бы не это новое, что вошло в жизнь благодаря знакомству с Ю. Н., я не знаю, как бы я перенес мучительную и долгую болезнь жены и ее кончину, как бы я вообще жил до сих пор — мне уже 80 лет.

Знакомство с Ю. Н. было для меня ясным и сильным вмешательством воли Божьей, в чем у меня нет ни малейших сомнений. Я навсегда сохранил в душе своей образ нашей дорогой, любимой наставницы и матери Ю. Н.

Со времени нашего знакомства я виделся с Ю. Н. более или менее регулярно — пока она была в Москве. Обычно она приезжала в Москву на лето и на зиму уезжала в Ташкент. Так длилось до той поры, пока ее здоровье позволяло совершать такие переезды. Примерно с 1982 г. она уже не ездила в Москву и оставалась в Ташкенте на

попечении своей сестры, до самой своей кончины в 1988 г. Но если видел я ее не всегда часто, иногда даже не видел ее по месяцу и больше, то переписка с ней шла непрерывно. Пока она не ослепла совсем (у нее была глаукома), она писала регулярно, систематически отвечая на все мои письма, и если я задерживал письмо, писала сама. За время нашего знакомства я получил от нее свыше 200 писем. Свидания с ней и письма ее носили совсем особый характер — и о тех и о других надо сказать отдельно.

Основная ее черта, ее очарование, ее добрый и ласковый взгляд — это первое, что покоряло вас, когда вы видели ее лично. Разговор с ней шел перепиской — она говорила, я писал. Ее полная глухота началась уже давно. Она говорила, что, по словам первого ее духовника — о. Сергея Б., Бог ее “посхимили”. Постриг она приняла еще в Париже у митр. Евлогия, но оставалась “монахиней в миру”. Глухота отделила ее полностью от мира, она была всецело предоставлена молитве, обращению к Богу и духовной жизни — главному ее богатству. Именно эта ее особенность так покоряла, вероятно, приходивших к ней людей. Совсем мало знавшие ее люди открывали ей свою жизнь, свои горести и болезни души, и уходили утешенные. Приходя к ней, я только спрашивал ее о тех или других проблемах, связанных с молитвой, церковью, покаянием и другими вопросами духовной жизни. Рассказывал о всех своих переживаниях, дома, на работе... А когда говорила она, слушал, всей душой внимая ее словам, хоть м. б. не всегда сознавал это. При этом она оставалась обычной седенькой старушкой, хлопотала с чаем, угощала, чем могла. Много расспрашивала о жизни, о всех трудностях; ее интересовало все, кроме вопросов политической жизни, газетных сообщений. Она говорила мне, что газет никогда не читает. Для нее существовала только одна область, где она жила, — область духовной жизни, общения с Богом.

Многие ее высказывания запомнились мне навсегда. Помню, в одном разговоре с ней — обычно такие разговоры происходили наедине с ней — она не любила сразу говорить с несколькими людьми, в компании она больше молчала — так в одном из моих разговоров с ней, она

вдруг говорит: “Знаете, я пришла к выводу, что я не умею молиться”. Я был поражен: если она, Ю. Н., монахиня, человек огромной веры и высокой духовной жизни, говорит, что не умеет молиться, — что же тогда говорить мне? Конечно, дело было в критерии оценки молитвы, она знала, что значит молиться по—настоящему — а я не знал, да и не знаю этого, вероятно, и сейчас. Для нее была раскрыта область молитвы *всей душой*, поэтому каждое затемнение, самое ничтожное, в этой области — ей было видно, она болезненно чувствовала его — тогда как мы (и я, конечно) не чувствуем даже всего вихря суетных посторонних мыслей, которые не дают нам обратиться к Богу. Для меня тогда (и сейчас) обычна полурассеянная молитва, когда с обращением к Богу почти всегда связаны посторонние мысли и заботы, была единственно реально осуществимой. И редко—редко, на какие—то моменты, по особой милости Божьей, молитва озаряет всю душу, не оставляя места ничему постороннему. Вот что означают, я думаю, ее слова “я не умею молиться”. Но с тех пор, становясь на молитву, я почти всегда вспоминаю эти ее слова, относя их к себе, опять—таки с молитвой “научи меня молиться” — слова, которые я находил позднее во многих духовных сочинениях святых и праведных. Вообще же ее слова и наставления часто были взяты из духовных книг или совпадали с мыслями тех или иных духовных писателей. Я сказал “наставления”, не подберу другого слова, но говорила она не как “наставления”, а в простом разговоре, как бы про себя, не ставя себя выше того, с кем говорила, с лаской и вниманием, просто как будто делилась своими мыслями.

И еще другой был разговор, не помню о чем. И вдруг она говорит: “Вы думаете, Бог где—то там, на небесах, далеко от нас? Нет, Он здесь, с нами, он вот тут, — она показала на сердце, — я недавно это почувствовала и поняла; а вы это понимаете?” Я не понял, сначала совсем не понял, потом, по мере разговора, — а она продолжала говорить об этом, — казалось мне, начинаю понимать. Я не уверен, что понимаю и сейчас эти слова, прожив 80 лет, пережив смерть всех моих родных, испытав много страшных и тяжелых минут, часов, дней, лет...

Такими были разговоры с ней. Я до сих пор вижу ее, сидящую передо мной, слышу ее тихий, внимательный, ласковый голос...

А письма? Я уже говорил, что за время нашего с ней знакомства я получил ее писем очень много. В письмах в основном она отвечала на мои вопросы, иногда добавляя и свои мысли. Отвечая подробно на вопросы, она приводила свои соображения, сообщала и все, что слышала от своих наставников и руководителей, таких, как о. Сергей Б., о. Александр М. и др. Писала она и в Москве, и в Ташкенте. В Москве ей делали операцию на глазах, которую она перенесла с обычной своей кротостью и терпением. В Ташкенте последние годы она видела все хуже и хуже. Последние ее письма были написаны фломастером, крупными буквами — она не видела, что писала! Потом диктовала письма своим помощникам, которые ей помогали в житейских делах. Потом перестала писать совсем.

В письмах она писала, конечно, и о житейских делах и заботах, о лекарствах, врачах, болезнях; много — в каждом письме — писала о своей сестре, о ее болезнях и терпении, о своих знакомых, о Марусе Ч. (о которой я уже упоминал), которая в это время долго и мучительно умирала от паралича, и о многих других. Но во всех ее письмах были рассыпаны ее высказывания по разным вопросам — иногда в ответ на мои письма, иногда от себя, по темам духовной жизни.

Я приведу некоторые из этих ее высказываний, их очень много, всех привести невозможно.

О молитве :

“Мне кажется, что мы можем даже о людях молиться Иисусовой молитвой — и м. б. тогда она для нас конкретнее? Или, наоборот, просто не только к Иисусу, но к какому-либо близкому нашей душе святому “взывать” в какой-то промежуток среди дел — их больше, этих промежутков, чем мы думаем, — важна нам наша воля, обращенная за помощью в любом виде. А задаваться целью, чтобы и при деле “стучала” бы молитва в сердце, — м. б. нам не по силам”.

“... Когда я настаиваю (и в большей степени под влиянием моего теперешнего духовника) на том, что в молитве “впрочем, не моя, но Твоя воля да будет“, я вовсе не отрицаю ни силы молитвы, ни необходимости ее, ни веры в нее...“

“... надо остерегаться в молитве магического прикуса, когда мы на первое место ставим свою волю. Это “религиозное насилие“, желание вырвать просимое... “впрочем, не моя воля...“

“... мы не знаем, что для нас добро и что зло, и всегда должна быть молитва и — но не моя, а Твоя воля да будет...“

Кроме того, в своих письмах Ю. Н. дает “технические советы“ — о применении четок, о повторении молитв, о медитации и др.

O благодати :

“... кроме того, практически мне ясно, что для благодати нужны наши усилия, ведь вся наша духовная жизнь в этом и состоит, мы все время молимся и молитвой приываем эту благодать...“

... что называется делом?

— в Евангелии есть место: “вот дело Божие — чтобы веровать в Того, Кого Он послал...“

O богослужениях :

“...Вот у католиков, отчасти у людей, лишенных возможности посещать службы... разделены медитация, благодарение, прошение и т. д. А когда пребываешь на этих богослужениях — все это вместе, не расчленено. В этом есть своя прелесть. А посторонние помыслы, заботы, рассеянность — это своим чередом и всюду — и в домаш-

ней молитве, и в храме — это неизбежно. Феофан Затворник даже где-то говорит, что это для нашего смирения, чтобы не возгордились...“

“... недаром о. Сергий говорил, что присутствие на богослужениях — это “вексель”...“

“... мы должны больше искать внутренней сосредоточенности и в шуме жизни. М. б., стоя в храме, мы часто “услаждаемся”, а не работаем сердцем, духовно?...“

Что нужно прежде всего?

“... Нужно только одно — стремиться к единению со Христом, снова и снова и всегда и постоянно и всюду и везде искать единения с Богом, а все приложится...“

“... будем вверять себя всецело и уповать, и это откроет тот удивительный мир, который заставляет утихать волны души, поднимаемые жизненными ветрами”... (слова ее духовника)...

О посте :

“Что касается поста — по-моему надо задаться какой-то одной маленькой задачей, для каждого своя — главная, а мы беремся всегда за все и потом ничего не выполняем...“

О покаянии :

“... Ведь раскаяние даже не всегда и покаяние, и муки совести еще не молитва. Так я думаю, хотя одно либо предшествует другому, либо входит одно за другим, м. б.?...“

“... но сокрушение о своих грехах и своей немощи, ведущее на границу отчаяния и уныния, — по-моему нам внушается слева и идет диаметрально противоположно истинному покаянию, и мы должны остерегаться этого, мне кажется...“

Много советов дает Ю. Н. о чтении Евангелия:

“... Насчет чтения Евангелия ... все дело в том, чтобы не было “окамененного нечувствия”, не было “привычки”, которая делает слова, как стертая монета...“

“Конечно, главное — вера и “принятие Царства Божия, как дитя...“

О работе по профессии :

“... А “дары и служения различны“. И Ваша работа сама по себе, если делать ее о Господе и вкладывать ее в Его руки — тоже служение, а не просто заработка, Вы же ею служите людям... Намечаю тему... Подумайте об этом...“

Закончу цитаты из писем Ю. Н. одной из самых важных:

“Но одно ясно, — мы должны верить в жизнь за гробом, в жизнь будущего века, вот эта вера и отличает наше мировоззрение от всех этих перевоплощений, ведантистов и йогов, которые теперь расплодились...“

*

Конечно, я привел только немногие из высказываний Ю. Н. Таких драгоценных камешков рассыпано много в ее письмах, для того, чтобы их собрать, надо было бы посвятить этому специальное издание. Ее письма ведь не по темам — это простые ласковые письма, проникнутые глубокой верой и смиренiem.

Готовя эти записки, я перечел почти полностью письма ее и ее сестры. И одно чувство, одно ощущение возникло в душе. Я ясно почувствовал, что пока была Ю. Н., пока была ее сестра, когда Ю. Н. перестала писать, пока было общение с этими исключительными женщинами, с их верой, с их любовью — я сам был лучше, я был духовно активнее, в моей жизни большее место занимала молитва — та молитва, которой учила Ю. Н., во всяком случае я больше стремился к такой молитве, чем сейчас, когда ее больше с нами нет...

Эти записки посвящены в основном Ю. Н. Однако, говоря о ней, я не могу не сказать и о ее сестре, Е. Н. К., о которой я уже мимоходом упоминал. Это был очень скромный человек, архитектор по образованию; она не писала икон, она была просто чудесным, добрым, смиренным и готовым к самопожертвованию человеком. Я ее знал гораздо дольше, чем Ю. Н. Я подружился с ней еще во времена моей молодости, еще в Праге. Много времени я провел с ней в обществе молодых русских верующих людей в группах Р.С.Х.Д. Два или три лета я провел в Словакии, в т. н. Пряшевской Руси, вместе с друзьями, среди которых была и она. Потом моя связь с ней оборвалась, потом была война, долгие годы, не по своей воле, я не мог ее найти и нашел только после 1953 г., после ее переезда вместе с Ю. Н. в Ташкент, где вскоре умер ее муж. А последние несколько лет Ю. Н. была полностью на ее попечении. Сама тяжело болевшая, перенесшая операцию, очень страдавшая все время от астмы, Е. Н. ухаживала за Ю. Н. уже в тот период, когда Ю. Н. становилась все более и более беспомощной — глухая, ослепшая, а в последнее время еще утратившая чувство осязания и способность ориентации — даже в комнате Ю. Н. не могла передвигаться самостоятельно. Весь уход за ней, уход непрерывный и днем и ночью — кормила, одевала, мыла, водила “гулять” по комнате. А к концу дня, совершенно обессиленная, валилась (по ее собственным словам) на кровать, и тут начинался припадок астмы. И за все время ни одной жалобы, и только в письмах все время упрекала себя за нетерпение, за малую любовь, за раздражительность...

Все последние годы наша переписка с ней шла непрерывно, с небольшими промежутками, вызванными непосильными нагрузками на нее, больную (хотя ей и помогали добрые соседки и друзья). Письма ее были всегда о других, больше всего о сестре, о других знакомых, о мне и моей жене — которая в это время тяжело болела, о других знакомых — о болезнях, страданиях, горестях других... А себя она только упрекала в черствости, в “самости”. И только изредка промелькнут в ее письмах слова — как ей трудно, как ее мучает астма и другие недуги...

“Спасаюсь верой и надеждой на милость Еgo и постоянными новыми попытками преодолеть свою “самость”... — писала она. “Только взываю: размягчи мое сердце, вложи в него любовь и терпение...“ (письмо от 25.8.83). Письма ее были полны любви и веры; в каждом письме своем она писала о дружеской своей любви ко мне, грешному; что я для нее самый близкий человек, что она всегда со мной. Как она меня поддерживала во время болезни моей жены, как утешала после ее смерти. В каждом письме писала о молитве, что живет только верой и любовью к Богу, надеждой на Его милость. Нельзя не привести несколько выдержек из чудесных ее писем:

“Одна надежда, что Бог милостив и видит все в нашей душе, и плохое и хорошее (а в каждой душе так много хорошего!) и нашу, часто безуспешную, борьбу с самим собой Он знает...“

“... мы обращаемся к Богу, не имея друга, а Бог не только Отец и Истина, но и Друг. Это утверждаю со слов Христа и это надо помнить и ценить...“

Говоря о любви, она говорит и о любви к себе: “Ведь надо именно уметь любить себя. Ведь в нас же Божий образ, и это меня заставляет, ненавидя грех — любить тот Лик, который тоже и во мне...“ Надо делать не то, что хочешь, во имя Божие: “Ведь это самое трудное и самое нужное — делать не то, что хочешь.“

“Вот, начался Великий Пост и только надежда, что Богу все видно и Бог это Любовь, спасает меня (и должна спасти и Вас) от уныния и подавленности... Знаете чудный разговор: один монах говорит: Бог — это справедливость, — а ему отвечает другой: Что ты, если бы Бог был справедлив, мы все были бы в аду. Но Бог — это любовь, и это наша радость, драгоценность и спасение...“

Надо заканчивать эти свои записки. Конечно, я не в силах нарисовать образ этих двух светлых служительниц Христа. Мне только кажется, что они и сейчас с нами, светят нам красотой своей любви и веры в Бога.

Ю. Н. умерла на руках сестры. Приведу слова Е. Н. о ее кончине — это как последний аккорд любви и веры

обеих. Е. Н. умерла через год, оставив так любивших ее сына, внучку, друзей...

“Похоронили мы сестру, как и не мечталось нам. Конечно, помог о. Сергий, накануне освободив ее от мучений (его день посвящения Духов День!). Отпевали как инокиню Иоанну... И вместо плача я так радовалась тому, как сестра мечтала умереть и быть похороненной, чтобы и горя не было... Мучилась она только рано утром, а уже к часу стала спокойна и так, закрыв глаза, полуспала... А я, сидя у ее постели, поглаживала ее руки и голову; часам к двум почувствовала, что она прохладная, и побежала к мед. сестре наверх. Та пришла и говорит: она умерла. Так вот, после всех мучений, так спокойно отошла душа от тела...

На другой день сын ... принес большой венок от нас с детьми и пришло много народа, и так хорошо все участвовали в отпевании...“

Вечная им память, дорогим нашим и любимым...

1989 г.

А. Н. ПАРШИН

ЕЩЕ РАЗ О “НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА”

по поводу статьи В. Тростникова
“Научна ли научная картина мира?”

Тогда не побоимся и науки.
Пути даже новые в ней укажем.
Ф. М. Достоевский

Тревожной приметой нашего времени является растущее в обществе враждебное отношение к науке. К науке как таковой, к людям, ее делающим, а не только к отрицательным последствиям развития ее и связанной с нею техники. Последнее, конечно, вполне понятно и оправдано. Этот смутный протест существует рядом с непоколебимой уверенностью большинства ученых в непогрешимости научного метода познания мира, в способности науки при правильном ее применении участвовать в решении любых проблем, стоящих перед человечеством. Очень ясно эти надежды представлены в трудах покойного А. Д. Сахарова.*

Быть может поэтому в научной среде крайне редко обсуждаются вопросы о границах научного познания, о соотношении его принципов и этических норм или взаимоотношении науки и религии.

В последнем номере прошлого года “Новый Мир” опубликовал статью В. Н. Тростникова “Научна ли научная картина мира?” В ней сделана попытка показать, что наука в своем развитии сама отвергла ряд концепций, которые длительное время определяли ее развитие и были так сказать “скверной” научного метода.

* См. “Мир через полвека”, *Вопросы философии*, 1989, № 1, и “О письме А. Солженицына “Вождям Советского Союза”, *Знамя*, 1990, № 2. Ответ на последнюю статью (появившуюся в 1974 г.) см.: А. Солженицын, “Сахаров и критика “Письма вождям”, *Континент*, 1975, №2.

Можно было бы только приветствовать обращение “Нового Мира” к этому кругу вопросов, если бы статья Тростникова не изобиловала бы грубыми ошибками и необоснованными утверждениями.*

Однако не в этом главная причина, побудившая меня обратить на нее внимание. Дело в том, что часть основных тезисов Тростникова, если их очистить от ненужных преувеличений и неточностей, я вполне разделяю. Так что, с моей точки зрения, его статья лишь дискредитирует нечто интересное и нужное.

Речь идет о таких утверждениях автора, как: “математике открылась ложность рационализма” и “физика опровергла редукционизм”. Входящие сюда термины имеют, говоря совсем кратко, по-школьному, следующий смысл: рационализм — представление, что разум человека достаточен для познания мира; редукционизм — представление, что высшие формы бытия могут быть сведены к низшим.

Верно, что в современной математике и физике появились результаты и теории (теорема Геделя о неполноте в математической логике и теория наблюдения в квантовой физике), которые дают основание пересмотреть прежние взгляды на рационализм и редукционизм. Но не более того! И не удивительно, что подобный пересмотр был сделан очень немногими учеными. Правда, среди них такие глубокие и культурные умы XX в., как Г. Вейль и Дж. фон Нейман в математике, Н. Бор, В. Гейзенберг, В. Паули в физике. Подавляющее большинство исследователей (в их числе были, например, М. Планк и А. Эйнштейн) придерживались и придерживаются старых взглядов на мир.

Поэтому утверждая, что “физике открылась ложность редукционизма” и что она, прежде всего *квантовая теория*, “его полностью опровергла”, Тростников выдает желаемое за действительное. Современное научное сообщество в своем большинстве так не думает. Так, один из самых популярных сейчас физиков-теоретиков С. Хокинг

* Их список я предоставил редакции “Нового Мира”.

недавно предсказывал (хочу надеяться, что не вполне серьезно) создание в скором времени единой физической теории, которая объяснит все, что только можно, и тогда физики превратятся в вычислителей, которым только и останется решать уравнения этой теории.*

Вот другой пример, выходящий за рамки физики. Биофизик, конечно же хорошо разбирающийся в квантовой теории, твердо уверен, что “борьба с редукционизмом и физикализмом [т. е. сведением биологии к физике] не только бессмысленна, но и вредна для науки”:**

Многие физики, особенно послевоенные поколения, считают, что произошедший в XX в. переворот в естествознании носит лишь “технический” характер. Прекрасно об этом “американском” стиле в мировоззрении ученых рассказало в диалогах Гейзенберга “Часть и целое”, недавно опубликованных и по-русски (в переводе В. В. Бибихина):

“Вы, европейцы, и особенно немцы, склонны относиться к подобным идеям страшно принципиально. Мы смотрим на все гораздо проще. /... /

— Так значит тебя ничуть не удивляет, — заметил я [Гейзенберг], — что электрон в одном случае выступает как частица, а в другом — как волна. Ты видишь здесь пускай неожиданное по форме, но все же просто продолжение прежней физики.

— Еще как удивляет; но раз я вижу, что такое происходит в природе, мне надо с этим мириться. /... / Как ни посмотри, речь идет либо о более или менее эффективных усовершенствованиях, и квантовая механика тоже явно будет еще совершенствоваться, когда потребуется корректное описание других, еще не так хорошо известных явлений. /... /

Весь этот бартоновский [собеседник Гейзенберга] способ рассмотрения был мне совершенно не по душе“.

И причина этому не только в расхождении взглядов. Для Гейзенberга наука была не изолированной, замкнутой в себе сферой деятельности, а частью культуры,

* См. С. Хокинг, “Виден ли конец теоретической физики?”, *Природа*, 1982, № 5.

** См. М. В. Волькенштейн, “Современная физика и биология”. Вопросы философии, 1989, № 8.

связанной с нею многочисленными и *неразрываемыми* нитями. Еще в юности он был очарован диалогами Платона. Стимул для построения своей теории элементарных частиц Гейзенберг находит в платоновском “Тимее”. На склоне лет он отваживается изложить увиденное и передуманное не в обычных мемуарах, а возрождая прочно забытый жанр своего любимого мыслителя.

Подобное мироощущение было в европейской науке первой трети XX в. скорее правилом, чем исключением. Так, Вейль вполне органично соединял свои занятия математикой и физикой с их осмысливанием через немецкую философию, от Майстера Экхарта до Ясперса. Нильс Бор, создавая модель строения атома, читал ночами напролет сочинения Киркегора и трактат Джемса по психологии, находя их созвучными своим поискам в физике.

Послевоенные годы принесли большие изменения в научной среде. Раскол культуры на две части, научную и гуманитарную или художественную, привел к такому же расколу и в душах исследователей. И вот, выдающиеся ученые, люди широко образованные, тонкие знатоки живописи и музыки, стали отстаивать утверждения, что человек является сложной материальной системой, но системой конечной сложности и весьма ограниченного совершенства и поэтому доступной имитации. Или утверждать, что нет ничего отталкивающего или пугающего в возможности “закодировать” человека и “передать по телеграфу” в другое место и т. д.

Памятные моему поколению прогнозы построения искусственных интеллектуальных существ, делавшиеся у нас в 60-х годах, по существу могли быть сразу же опровергнуты именно теоремой Геделя, полученной за тридцать лет до этого и дружно проигнорированной этой частью научного сообщества. Будущим историкам науки придется долго разбираться, почему запрет существования вечного двигателя — это естественная максима нынешней науки, а попытки сформулировать запрет существования “думающей машины” считаются тормозом на пути прогресса.

Поворот в физике

Говоря о физике, стоит остановиться подробнее на том, что принципиально нового внесла квантовая теория в научное мировоззрение. Поворот в точном естествознании происходил в нашем веке в то самое время, когда в науки, считавшиеся традиционно гуманитарными, стали проникать идеи и методы точных наук. Принцип точности, объективности теоретических построений и обязательности эксперимента, как замена “отживших свое” традиционных методов в психологии, а затем и в языкоznании и даже литературоведении, изгнание из этих наук личностного начала, стали рассматриваться как синонимы прогресса в науке.

И вот в то время, когда из научной психологии казалось бы навсегда были изгнаны “душа”, “сознание” и многое другое, именно физики заговорили о “свободе воли” у электрона, о роли сознания наблюдателя в физическом эксперименте. Попытки понять открывшуюся перед физиками ни на что не похожую реальность вынуждали на поистине отчаянные действия. Среди них был и ничего не давший отказ от закона сохранения энергии. В 1919 г. английский физик Ч. Г. Дарвин, внук знаменитого натуралиста, пришел к мысли, что может быть придется “в качестве последней возможности приписать электрону свободу воли”. Зная теперь дальнейшее развитие квантовой теории, устоявшейся в своих основах к концу 20-х годов, эту идею можно интерпретировать следующим разумным образом.

Предсказания в квантовой теории носят существенно вероятностный характер. Говоря о распаде атома в результате какого-либо процесса, можно найти лишь вероятность этого события, которая подтверждается на большой совокупности распадающихся атомов. Предсказать, когда данный, конкретный атом распадется, квантовая теория не может, и более того, она не допускает, что в будущем появится более полная теория, которая ответит на этот вопрос. Этим вероятностный мир квантовой теории принципиально отличается от обычных представлений о вероятности (бросание монет, лотерея),

когда считается, что вероятностный исход обязан нашему незнанию подлинной ситуации.

Разумеется, этот основополагающий принцип квантовой теории тоже основан на каких-то допущениях и формально можно пытаться его обойти. Что неоднократно и безуспешно, поскольку опровергалось экспериментом, и делалось. В этих “неудачах” и есть, если угодно, своеобразие электрона, его свобода.

Психологическая подоплека всех попыток опровергнуть квантовую теорию состоит в том, что революционный характер новой физики является революционным не в расхожем, а в буквальном смысле этого слова. Она возвращает (или, скажем помягче, намекает на возможность возвращения) к тем представлениям о мире (прежде всего, о его одушевленности), с которыми наука упорно боролась столетиями. И не удивительно, что психологам, приверженцам точных методов, не пришло в голову воспользоваться в качестве модели поведением электрона, коль скоро они оказались полностью неспособными понять феномен свободы воли. Проще было подчиниться духу времени и признать свободу воли чем-то вроде артефакта.

Намного большую известность получила введенная Н. Бором концепция дополнительности. Приведенный выше диалог из книги Гейзенберга как раз описывает ситуацию, для понимания которой эта концепция и была придумана. Как в одной и той же непротиворечивой теории соединить две явно противоречащие друг другу картины мира, корпускулярную (когда реальность выступает в виде частиц) и волновую (когда та же самая реальность воспринимается как волны)? Бор постоянно подчеркивал, что эта ситуация встречается не только в физике, но и в других науках и вообще в жизни.

Приведем характерный пример из психологии зрительного восприятия. Известны картины-перевертыши, когда одна и та же (как физический предмет) картина может восприниматься, в разные моменты времени, психологически как два совершенно разных по смыслу изображения. И это обстоятельство носит полностью объективный характер, оно не зависит от того, кто наблюдает картину.

Первые примеры такого рода в психологии представляли собой изображение фигуры на некотором фоне, скажем, вазы, разбивающей окружающий ее фон на две части. Неожиданно наблюдатель видит вместо фона два лица, обращенных друг к другу и разделенных фоном, который раньше был вазой. Эти две картины переживаются каждой очень живо и цельно, но никогда не вместе! Вместе, в один и тот же момент времени, они просто не существуют. Есть и более занятные картинки такого рода (например, "девушка и старуха"). Подробно такие явления в восприятии исследовал датский психолог Э. Рубин, входивший в круг людей, с которыми общался Бор и где он мог найти какие-то стимулы для своих идей.

Другой интересный пример относится к языкоznанию и принадлежит ученику Бора физику Д. Уилеру. Здесь речь идет о дополнительности смысла некоторого выскаживания и его формальной (знаковой) структуры. Грубо говоря, понимая то, что нам говорят, мы не воспринимаем, из каких отдельных элементов (слов, морфем, фонем) состоит произносимое. И наоборот, слишком пристальное внимание к анализу структуры высказывания уничтожает, или отдаляет, его смысл (вспомните чтение по слогам или по буквам). Идея эта весьма перпендикулярна доминировавшему в науке о языке в нашем столетии представлению о соответствии между "смыслом" и "знаком (текстом)", точнее, между означаемым и означающим. По-видимому, по этой причине этот круг мыслей и не оказал никакого влияния на языкоznание, хотя Бор и пытался привлечь лингвистов и психологов к своим идеям.*

* Лишь в последние десятилетия при изучении речи было открыто явление, напоминающее идею Уилера. Я имею в виду резкое различие в восприятии таких сторон речи, как ее формальная, в частности фонетическая и грамматическая структура, и просодические характеристики, прежде всего интонация. В экспериментах по изучению асимметрии мозга было обнаружено, что восприятие человеком этих двух сторон речи подчиняется таким закономерностям, что их вполне можно считать дополнительными по Бору. Сравнивая имеющуюся здесь пару дополнительных описаний речи с парой, рассмотренной Уилером, мы видим, что они совпадают ровно наполовину, в обе пары входит формальная структура высказывания. Это подсказывает существование какой-то

Представление о вероятности и дополнительности входят в качестве составной части в теорию наблюдения в квантовой физике, описывающую, как происходит изучение реальности. Ситуация здесь кардинально отличается от того, что признавалось предшествующими поколениями естествоиспытателей и получило оценочное название “классической картины мира”. В ней мир полностью независим от находящегося как бы в стеклянной клетке и изучающего мир наблюдателя. В полной противоположности, квантовая теория показала, что, по слегка перефразированным словам Бора, не только в драме жизни, но даже и в физической лаборатории, мы — одновременно и зрители, и актеры.

Но это именно то естественное, нормальное состояние, в котором человечество пребывало в течение почти всей своей истории.

Смысл теории наблюдения в квантовой физике, построенной фон Нейманом, можно проиллюстрировать на рассмотренном выше примере картин-перевертышей. Допустим, что мы хотим найти физический прибор, который бы решал, что же изображено на картине? Квантовая теория утверждает, что какое бы устройство мы ни ставили между собой и картиной, оно всегда будет воспринимать распределение красок на полотне, но никогда не смысл изображения! Можно сказать, что смыслом (ваза или лицо) наделяет наблюданную картину сознание наблюдателя, которое невозможно заменить каким-либо физическим прибором. При этом, как подчеркивал фон Нейман, этот вывод остается в силе, если мы включим в физический прибор, используемый для наблюдения, и глаза наблюдателя, и его нервные пути, и даже его мозг!

анalogии и между остающимися членами этих пар: смыслом высказывания и его интонацией. Пытаясь сформулировать эту аналогию, можно предположить, что смысл высказывания представляет собой тоже интонацию, или скорее мелодию, но развертывающуюся в каком-то ином, семантическом пространстве. Эта идея позволяет дать новую интерпретацию двум направлениям философии языка: проходящему через всю патристику представлению о двух видах речи, Божественной и человеческой; и учению П. А. Флоренского о строении слова.

Это и есть самое сильное возражение против ре-дукционизма, которое можно сделать на основе квантовой теории. В данном случае, против сведения сознания к физическим формам бытия.

Все эти идеи, появившиеся среди физиков в 20–30-х годах, вызвали неприятие у части коллег, враждебное отношение философских кругов, от позитивистов до марксистов,* полное равнодушие, а потом и незнание последующих поколений физиков и представителей смежных профессий. Хорошо известны изнурительные споры Бора и Эйнштейна об интерпретации квантовой теории. Эйнштейн так и не принял до конца жизни новых идей и надеялся на возврат к предшествующей картине мира.

Тем более все это не дошло до гуманитариев. Те же из них, кто тянулся, в духе времени, к точным наукам, предпочитали вдохновляться старой картиной мира, отвергнутой квантовой теорией. Удивительное исключение представляет наш соотечественник М. М. Бахтин, который упоминает теорию наблюдения в квантовой физике в своих поздних записях. В воображаемом диалоге, вполне в стиле книги Гейзенберга, могли бы встретиться физик Эйнштейн и филолог Бахтин. В ответ на излюбленный вопрос Эйнштейна, “изменяется ли состояние горы, если ее наблюдает мышь?” Бахтин бы ответил: “событие, которое имеет наблюдателя, как бы он ни был далек, скрыт и пассивен, уже совершенно иное событие”.

* Иногда критические отзывы показывают, что их авторы прекрасно понимают, что новые идеи уводят очень и очень далеко! Так, философ М. Бунге писал в своей книге “Философия физики”, что развитие физики в направлении идей фон Неймана потребовало бы “привлечения всех наук о человеке: антропологии, психологии, социологии и т. д.” и поставило бы физику “в зависимость от состояния наук о человеке”, что явно нежелательно, ведь “современная наука родилась как раз как оппозиция антропоцентризму”. Ему вторил Дж. Бернал: “А если электрон обладает свободной волей, то почему бы не обладать ею человеку?” А ведь действительно, почему бы?

Инакомыслие в биологии

Скажем теперь несколько слов о биологии, о том, что она “опровергла эволюционизм”, — третий тезис, отстаиваемый Тростниковым. Здесь говорить о каких-то результатах, дающих повод сомневаться в эволюционизме, по-видимому, нельзя. Новомировский автор очень неудачно соединяет идею эволюционизма* (придавая ей специально зауженный смысл) и механизм эволюции (“автоматизм развития”, в его словах). В современной биологии эти вещи тщательно различаются и отношение к ним очень разнится. Если по поводу механизмов эволюции имеется довольно много противников общепринятой теории эволюции — наследницы дарвинизма, то против самой идеи эволюции в наше время отваживаются выступать лишь находящиеся вне науки общественные течения (вроде креационистов в Америке). У нас они рисковали бы оказаться в глазах научного сообщества где-то рядом со сторонниками Лысенко, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Говоря о современных противниках принятых в биологии представлений о механизмах эволюции, интересно отметить, что среди них есть весьма известные физики и математики. В уже упомянутых диалогах Гейзенберга “Часть и целое” приводится такая беседа Дж. фон Неймана с одним биологом по этому вопросу:

“Биолог был убежденным приверженцем современного дарвинизма, фон Нейман относился к дарвинизму с недоверием. Математик подвел биолога к окну своего кабинета и сказал: “Вы видите вон там, на холме, прекрасный белый дом? Он возник случайно. В течение миллионов лет геологические процессы образовали этот холм, деревья вырастали, сохли, разлагались и снова вырастали, потом ветер покрыл вершину холма песком, камни туда забросило, наверное, каким-то вулканическим процессом, и они случайно вдруг легли друг на друга в определенном порядке. Так все и шло. Естественно, в ходе истории Земли, благодаря этим случайным, неупорядоченным

* т. е. представление о развитии жизни от низших форм к высшим.

процессам возникало большей частью все время что-то другое, но однажды через много, много времени возник этот дом, потом в него вселились люди и живут в нем сейчас". Биологу было, разумеется, немного не по себе от такой логики. Но ведь фон Нейман все-таки не биолог, и я [Гейзенберг] не осмеливаюсь выносить суждение о том, кто тут прав".

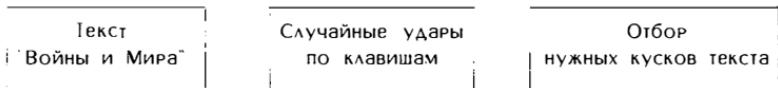
Подобная критика сопровождала дарвинизм с момента его возникновения. Один из первых и наиболее содержательных трудов на эту тему, "Дарвинизм" Н. Я. Данилевского, вышел в России в 1885 г. Впоследствии появился "Номогенез, или эволюция на основе закономерностей" Л. С. Берга (1922), где была сделана попытка построения новой теории эволюции. В своем подходе Берг отверг основанный на случайности естественный отбор Дарвина как главную движущую силу эволюции, отведя ему лишь вспомогательное место. На место отбора он поставил присущие всему живому внутренние законы, управляющие ходом эволюционного процесса. К сожалению, Бергу не удалось сформулировать эти законы достаточно убедительным образом.

Надо заметить, что обычная реакция большинства ученых на критику дарвинизма (а также рационализма и редукционизма) состоит в обвинении ее в бесплодности. И некоторая доля истины здесь есть. Это же верно и по отношению к попыткам построения альтернативных теорий эволюции. Немецкий математик Герман Вейль, явно вставший бы на сторону фон Неймана в приведенном выше диалоге, довольно сурово оценил в своей книге "Философия математики и естествознания" (1949) многие из таких попыток:

"Мыслимо ли, что нематериальные факторы типа образов, идей, "созидаательных планов" вмешивались в процесс эволюции живого мира в целом? /... / Сейчас дела обстоят таким образом, что утверждение о существовании трансцендентных созидаательных сил (идей), является ли оно с философской точки зрения опасным или наоборот желательным, ни в коей мере не помогает решению конкретных и актуальных проблем биологии".

И все же попытки представить эволюционный процесс не случайным и механическим, но созидающим и творческим делались неоднократно. Мы приведем здесь соображения, развитые французским биологом и философом Реймоном Рюе.* Он начинает так же, как и фон Нейман, с примера, объясняющего суть дарвиновского естественного отбора. Пример Рюе носит совсем шутовской характер: компания обезьян, барабанящих по клавишам пишущих машинок. Дайте срок, появятся и "Илиада", и "Война и Мир". Впервые нечто подобное возникло, кажется, у Свифта в его описании познавательной активности лагадских академиков и с тех пор кочует по страницам философской и популярной литературы, не оказывая, впрочем, никакого влияния на приверженцев подобных взглядов на эволюцию.

Чтобы получить с помощью подобных действий "Войну и Мир", ее нужно выудить из моря случайного хлама, и это невозможно сделать, не зная, что же нам нужно найти. Поэтому текст произведения должен быть дан заранее. Согласно Рюе, это можно представить следующей схемой:

На первый взгляд кажется, что весь этот процесс можно поручить машине. Но ведь кто-то должен создать текст! Таким образом, творческий акт неминуем. Он просто *перенесен* в сознание этого *кого-то*, кто тоже должен войти в схему. С другой стороны, можно сомневаться, что имеется *готовый* план (текст) эволюции. Скорее всего, он существует лишь в потенции (возможности). И гораздо ближе к подлинному эволюционному процессу ситуация, описываемая второй схемой:

* R. Ruyer, *Eléments de psycho-biologie*, P. 1946. & R. Ruyer, *Les postulats du sélectionnisme*, *Rev. Phil. France et Etranger*, 1956, v. 146, N° 3, p. 318-353.

Смутно ощущаемая
“тема” (или “идея”) стихотворения

Перебор
слов

Оценка слов.
как соответствующих “теме”

Здесь Рюйе предлагает сравнить процесс эволюции с подлинно творческой деятельностью — сочинением стихов. Из самонаблюдений многих поэтов известно, что сочинение стихов (как, впрочем, и многие другие творческие акты) укладывается, хотя бы грубо, в эту схему. Весьма обнаженно это описано Маяковским в его “Как делать стихи”. Интересно, что смутное ощущение “темы” (“идеи”) имеет часто форму некоторой мелодии или ритма.

С точки зрения скептика, аналогия между процессом эволюции и сочинением стихов есть в лучшем случае объяснение одного неизвестного (эволюция) через другое (творчество). Ситуация изменится, если мы добавим еще одно сравнение, с уже знакомым нам процессом наблюдения (познания) в квантовой теории. Выше мы использовали пример из зрительного восприятия (картины-перевертыши), чтобы пояснить характерные черты квантовой теории. Воспользуемся снова этим же приемом. Процесс наблюдения в квантовой теории будет выглядеть тогда так:

Картина сама по себе
+ все, что только
можно на ней увидеть

Показ картины
наблюдателю

Узнавание
какого-либо
конкретного образа

Начальная стадия этого процесса представляет собой неподтверженнную наблюдением реальность, находящуюся в состоянии возможности. Последняя стадия (узнавание) носит мгновенный, скачкообразный характер и известна в физике под названием “квантового скачка”. В творческом процессе ей соответствует т. н. вспышка озарения. На существование аналогии между творческим процессом человека и процессом наблюдения в квантовой теории указывали разные авторы. Параллели между творчеством и эволюцией в биологии отмечали и Берг, и Вейль, и многие другие. Наибольшую известность приобрела “Творческая эволюция” Анри Бергсона.

В этом треугольнике (эволюция, творчество, квантовая теория) остается нерассмотренной еще одна сторона — аналогия между процессом наблюдения и эволюционным процессом. В отличие от предыдущих аналогий она носит более отрывочный характер. Совершенно независимо, на эту последнюю аналогию обратили внимание два человека.

Первый — американский палеонтолог и эволюционист Дж. Симпсон, который даже ввел термин “квантовая эволюция”. Именно он заметил, что имеется некоторое сходство между “квантовым скачком” и быстрыми, резкими изменениями в эволюционном процессе, такими, как, например, возникновение млекопитающих из рептилий.* Таким образом, его замечание относится лишь к последней стадии приведенной выше схемы.

На первую, начальную стадию этого процесса обратил внимание Гейзенберг в своих диалогах. Он предложил соотнести ее с “идеальным планом” эволюции и заметил, что последний очень похож на идею универсального Живого Существа, содержащего в себе в качестве *потенциали* все живые существа. Эта мысль восходит к Платону и была подробно разработана на морфологическом уровне Гете в его работах о метаморфозе растений. В современной ситуации эту роль мог бы, по Гейзенбергу, выполнить геном организма. Иначе говоря, “нуклеиновая кислота [ДНК] — это идея живого существа”.*

* Более точно, “квантовая эволюция” — это стадия эволюционного процесса, которая за короткие (в геологическом смысле) промежутки времени приводит к внезапному резкому сдвигу популяции из одной адаптивной зоны в другую и появлению новых крупных таксономических единиц (семейств, отрядов, классов и т. д.).

** Если здесь понимать под словом “идея” что-то вроде текста, описания живого организма, то мы возвращаемся к самой первой из наших схем, т. е. к *status quo* современной биологии. Если же мы хотим иметь аналогию с первой стадией процесса наблюдения в квантовой теории, то ДНК должна обладать свойствами потенциальности и универсальности, которых она по современным взглядам явно не имеет. Тростников пытается выразить эту мысль, утверждая при этом, что она вытекает из уже достигнутого современной молекулярной биологией. Помимо этого, его намеки на роль бесконечности в строении гипотетической универсальной ДНК находятся в резком противоречии с духом финитизма, пронизывающим молекулярную биологию.

Первые итоги

Таким образом, собирая все сказанное вместе, можно утверждать, что современная наука довольно последовательно придерживается идей и концепций, которые она, по мнению Тростникова, полностью опровергла. И это вряд ли является случайностью. По-видимому, следование концепциям рационализма, редукционизма, финитизма* отвечает пока еще каким-то психологическим потребностям большинства людей, делающих науку. Лишь немногие могли бы оценить эти концепции так, как это сделал П. А. Флоренский в начале двадцатых годов:

“Но ведь это они [рационалисты] раздробили всякую форму на кирпичики; это они расстригли Слово Божие на строчки и слова, язык растолкли в звуки, организм измельчили до молекул, душу разложили в пучок ассоциаций и поток психических состояний; Бога объявили системою категорий, великих людей оценили как комочки, собравшиеся из пыли веков, — вообще все решительно распустили на элементы, которые распустились в свой черед, приводя бывшую действительность к иллюзии формы и ничтожеству содержания“.

Увы, дух времени делает свое, и вот теперь Флоренский считается предтечей структурализма, истово поклонявшегося всему тому, против чего о. Павел выступал за много лет до его создания.

Наука и религия

И, наконец, о последней части статьи Тростникова. Как связаны наука и религия? Здесь он затрагивает самый интересный и важный для переживаемого нами времени вопрос. Несколько вольно, его точка зрения сводится к тому, что наука на всех парах движется к Богу. Мне приходилось слышать в середине 70-х годов от заме-

* Финитизм — представление, что реальность можно описать с помощью конечного числа неразложимых далее элементов.

чательного математика и мыслителя А. И. Лапина такое выражение этой мысли: “В прошлом веке ученые были христианами, а наука — антихристианской, теперь же наука стала христианской, а ученые — антихристианами”. Ясно, что это образное выражение не претендует на буквальную точность. Замечу кстати, что многие мысли Тростникова, выраженные к тому же в более подобающей им поэтической форме, содержатся в работах А. И. Лапина, имевших некоторое хождение в самиздате. Лишь одна из них, “Наследник человека”, была тогда опубликована (в *Вестнике РХД*, № 125, 1978, под псевдонимом А. Филиппов).

И все же, можно ли утверждать, что в научном мировоззрении нашего столетия появились какие-то точки соприкосновения с религиозным мировоззрением? Приведенный выше обзор новых открытий в математике, физике и биологии дает скорее лишь повод для размышлений. Однако, одна вполне конкретная точка соприкосновения появилась, и именно в физике. В течение всей истории человечества мифологические и религиозные системы содержали в себе космологические представления о начале Вселенной, о том, что у нее есть возраст. Отвергнутое наукой Нового времени, это представление возродилось в 20-х гг. в рамках общей теории относительности и впоследствии лишь подкреплялось экспериментальными данными и теоретическими разработками. Появление таких моделей Вселенной (открытых А. А. Фридманом и через пять лет, независимо, аббатом Ж. Леметром и получивших впоследствии известность как модели Большого Взрыва) было настолько неожиданным, что многие физики, и прежде всего создатель теории относительности, приняли их не без внутреннего сопротивления. Его причины хорошо видны из следующего отрывка из юбилейного доклада И. Пригожина к столетию Эйнштейна: “Леметр, которого я хорошо знал, сказал мне как-то, что, когда он попытался обсудить с Эйнштейном возможность более точно представить себе начальное состояние вселенной, чтобы понять, может быть, природу космических лучей, Эйнштейна это не заинтересовало: “Это слишком

похоже на акт творения, — сказал он Леметру, — сразу видно, что Вы священник!“

Предчувствие не обмануло Эйнштейна. Много лет спустя, уже после войны, в космологии (точнее, в умах нескольких физиков) возникла следующая загадка. В первые моменты своего развития после Большого Взрыва Вселенная должна быть весьма малых размеров. Следовательно, она, как целое, должна подчиняться законам квантовой теории, о которых мы говорили выше. Это приводит к каверзному вопросу о наблюдателе этого события. В 1973 г. Уилер так сформулировал этот вопрос: “Не могла ли Вселенная /... / быть в каком-то странном смысле “ввергнута в бытие“ при участии кого-то, кто действительно является участником происходящего?“ — и предложил заменить термин “наблюдатель“ на более точный “участник“.

Как бы ни относиться к этим идеям, ясно, что их осмысление требует более широкого культурного и прежде всего философского контекста. И тут надо, конечно, вспомнить, что вопросы взаимоотношения науки и религии неоднократно обсуждались многими представителями русской религиозно-философской мысли, которые лишь сейчас, да и то с большими трудностями, возвращаются в нашу культуру. Об этом писали И. Киреевский, Чаадаев, Достоевский, Соловьев, Леонтьев, Розанов, Флоренский, Булгаков, Е. Трубецкой, Франк, И. Ильин, хотя для большинства из них эта тема и не лежала в центре их интересов.

Ясно, что конкретные выражения тех или иных взглядов по этому вопросу зависят, помимо прочего, и от особенностей личной судьбы философа. В качестве иллюстрации приведу два высказывания.

30 июля 1891 г. К. Н. Леонтьев, медик по образованию, писал из Оптиной пустыни В. В. Розанову: “Как хотите, а значительной частью того [науки] или другого [религии] надо пожертвовать. Я для моей личной жизни давно, давно и с радостью пожертвовал наукой“.

Этому предшествовали такие его размышления в “Записках отшельника“ :

“Человечество ко временам Ария, Николая Мирликийского, Василия Великого и Юлиана Богоотступника отказалось надолго и сознательно, философски отказалось от дальнейшего движения по пути Гиппократов и Плиниев, Аристотеля и т. д.

Варварские нашествия благоприятствовали, правда, этому построению умов, но разлившись во всей силе гораздо позднее, *не они его создали*. Создало его отрицательное отношение новых и вполне сознаваемых ученых идей к результатам и к практике предыдущей образованности.

Вопрос, не близится ли то время, когда человечество снова откажется от предыдущих выводов и предыдущих (европейских) пристрастий?“

Леонтьев считает, что это было бы весьма желательно, и добавляет: “Если же все имеет свой предел, то почему же и точным наукам не наткнуться наконец на свои геркулесовы столпы“.

А вот слова И. А. Ильина из его книги “Религиозный смысл философии” (1924):

“Необходима новая философия научной очевидности, отправляющаяся от пересмотра идей метода и доказательства и освобождающая науку от порабощения чувственному восприятию; это необходимо для того, чтобы осмыслить гибельный фантом противорелигиозной науки и трагическую немощь противоученной религии; — чтобы развязать предметные крылья и науки и религии, и помочь ученым возводить в себе созерцание своего предмета при свете высоких духовных Предметов“.

Многообразие имеющихся точек зрения по поводу соотношения науки и религии (и не только в русской философии) можно в первом приближении резюмировать так:

1. Наука и религия относятся к совершенно разным сферам бытия и, следовательно, должны заниматься каждой своим делом.

2. Наука и религия говорят разное об одном и том же (скажем, об устройстве мира или о морали) и поэтому противоречат друг другу. Это приводит к той или иной форме борьбы между ними.

Характерный пример — точное следование религиозным предписаниям по отношению к покойникам делает

невозможной основанную на анатомии научную медицину.*

3. Независимо от отношения друг к другу, наука и религия должны войти в единое целостное мировоззрение, соединяющее их вместе.

Приведенные выше высказывания Леонтьева и Ильина относятся, соответственно, ко второй и третьей точкам зрения. Первой, пожалуй, наиболее распространенной, придерживался, например, Семен Людвигович Франк, посвятивший ее обоснованию книгу “Религия и наука” (1925). К ней склонялся поначалу и Розанов, но затем, под влиянием Леонтьева, приблизился к его взглядам. Позднее, в “Темном лице”, он смотрел на дело так:

“Трудно постигнуть, кто выживет и одолеет, — в судьбах истории и мира, — Лик ли Христов с Его испепеляющею красотою, покоряющею всякое сердце, покорившею языческий мир, или — столп земли с его тяготами, с механикой и геометрией, теоремы которой никак тоже не “испепеляются”.

Наименее известной является последняя точка зрения. Обсуждая ее, следует иметь в виду не приспособление религии к науке, когда последняя (к тому же в ее нынешней форме) выбирается в качестве верховного судьи (например, как это получилось в философии Тейяра де Шардена).

Конечно, поначалу возможность такого единого мировоззрения, объединяющего науку и религию, кажется совершенно невероятной. Впрочем, история говорит нам о

* Имеет смысл сравнить это также с отношениями между христианством как мировой религией и национальными языческими религиями. Очень непростая история их совместного бытования в России была темой напряженных размышлений в русской философии и литературе. Их явно не завершенные плоды — мысли о. Павла Флоренского о крестьянском православии, рассказ Лескова “На краю света” о столкновении православного миссионерства и сибирского шаманства, страстная критика христианства Розановым и его симпатии к иудаизму, образ Богородицы Матери-Земли и русское народное понимание Христа у Достоевского.

существовании многочисленных традиционных обществ, соединявших принимаемую *всеми* религию с весьма тонкими и нетривиальными знаниями о мире. То, что науки, по крайней мере некоторые из них, как-то легче уживаются с языческими религиями, подметил Розанов в своих комментариях к письмам Леонтьева:

“... астрономия, геометрия, “звездочетство” и измерение “градуса меридиана” входило в древние религии “волхования” и не входит в религию только сейчас, у нас. Наша религия — “скорбей сердца” и “утешения” для “плачущих”, “алчущих” и “гонимых”. Что им даст “звездочетство”? Просто — оно им не нужно. Но только им. Нами и нашим душеустройством не исчерпывается религия, не кончается; и особенно, не была начата в истории. А “творение миров”, а идея и факт “Творца миров”? Он зовет астронома, направляет трубу его телескопа. И алгебра, и механика здесь у места“.

(Это написано лет за двадцать до того переворота в космологии, о котором мы писали выше).

Более близкий современному ученому пример, как могли бы соединиться наука и религия, — упоминавшиеся выше дополнительные картины мира в физике, например, корпускулярная и волновая, которые противоречат друг другу, но оказались включенными в квантовую теорию. Не надо, впрочем, принимать эту аналогию слишком буквально. Из приведенных выше примеров дополнительных картин к обсуждаемому нами вопросу ближе всего дополнительность смысла и формальной структуры высказывания в языкоznании. Другие примеры явно не подходят, так как обладают очевидной симметрией между дополнительными картинами. А никакого равноправия между научной и религиозной картинами мира быть не может.

И если теперь вернуться к высказываниям философов, то мне лично ближе позиция Ильина и близкие к ней взгляды Киреевского, Соловьева, Флоренского (последний был одним из немногих, кто предпринял содер-жательную попытку соединения науки и религии).

Тем не менее думаю, что интеллектуальная честность и мужество Леонтьева позволили ему проникнуть в самую суть проблемы: наука вообще, а не только ее теперешнее

состояние, противоречит религии. И не стоит это обстоятельство как-то замазывать и сглаживать. Если бы это было не так, то весь русский атеизм, от Белинского до Платонова, использовавший науку в качестве дубины против религии, стоил бы немного.

Чтобы не быть голословным, приведу одну малоизвестную историю из шестидесятых годов прошлого века — беседу М. А. Бакунина и А. О. Ковалевского. Молодой студент-зоолог, сибиряк разрабатывавший проблемы, выдвинутые Дарвином, испытывал угрызения совести, что направляет жизнь по пути своих личных устремлений, в то время как все вокруг отдают ее “делу”, полезному для общества. В ответ на его смущенное признание Бакунин сказал: “... для нашего дела Вы, действительно, не годитесь. Из пистолета Вы в цель несомненно не попадете, бомбы не бросите, если понадобится, да и доверить ее Вам я бы лично не решился бы. Вы говорите о Ваших планах в области эволюции. Ну что же, если они удастся, то Вы этим изготовите для нас такую бомбу, перед которой спасают, быть может, все бомбы, начиненные динамитом”.

И таких “бомб” было изготовлено немало. Вот один из бесчисленных примеров их действия. За три года до революции маленький Юра (потом Георгий, а затем Джордж) Гамов, внук митрополита Арсения Лебединцева и будущий автор идеи генетического кода и горячей модели Большого Взрыва как начала Вселенной, получил от отца в подарок микроскоп. Направив его на Святые Дары, он не нашел в них ни малейшего следа Тела и Крови Христовых. В конце жизни Гамов писал об этом так: “Думаю, что это был эксперимент, который сделал меня ученым”.

Примеры эти можно было бы продолжить...

Вернемся к вопросу, с которого мы начали — о конфликте между наукой и обществом. Нет сомнения, что отрицательное влияние науки и техники на жизнь связано и с неправильными действиями людей, их применяющих. Но все же должны быть более глубинные основания этого явления, коренящиеся в самом научном методе. В этом нас убеждает вся история науки, сопровождав-

шаяся ее борьбой с религией. Наука оказалась слишком удобным инструментом для бунта человека против Бога. Все остальное — лишь следствие.

Я не знаю, по силам ли человека разрешить противоречие между наукой и религией, найти знание “глубже и высшее нашей науки”, но вот осознание этой проблемы — вполне посильная задача возрождающейся религиозной мысли, важная и для судьбы самой науки.

ОБ АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ МЕЙЕРЕ (1875–1939)

I

Воспоминания слушательницы курсов Лесгафта

В дореволюционное время в Петрограде существовали Высшие женские курсы Лесгафта, построенные по типу Высших женских Бестужевских курсов, т. е. факультативные.

Во время революции эти курсы были закрыты, и лишь в 1920 г. их открыли, преобразовав в Институт Физического образования (гармонического развития человека).

Институт находился в ведении Наркомздрава, а не Наркомпроса, т. к. в программе имел медицинский уклон. Программа не была изменена и оставалась дореволюционной.

П. Ф. Лесгафт был очень либерально настроенный ученый и на Высшие женские курсы набирал либерально настроенных профессоров, в числе которых и был А. А. Мейер. Этот же состав профессоров был приглашен и в Институт физического образования, где А. А. читал курс “Введение в историю научных знаний”. Необходимо остановиться на А. А. как человеке. Он имел очень обаятельную наружность, красноречиво говорящую о том, что это человек мысли. Он действительно обладал большой эрудицией. Не было вопроса, из любой научной области, на который бы он не ответил досконально, осветив его так, как будто этот вопрос был из области его специальности. И, несмотря на это, он был очень, очень скромен. Лекции он читал зажигательно, как творческий процесс, что выражалось в его горящих черных бархатных глазах, густо обрамленных опущенными темными ресницами. Волосы, темного шатена, длинные, откинутые назад — все это и составляло его сияние. Он никогда не повышал грубо голоса. Одной из ярких черт его характера была скромность и бескорыстие. Так, например, мы, первыми при-

шедшие после открытия в аудитории Института, не были подготовлены для слушания такого предмета, как введение в философию, и после лекции о “наивном реализме” почувствовали, что нужна некоторая расшифровка, и обратились к нему с просьбой организовать кружок вольной философии, на что тот охотно, безвозмездно согласился, ущемив свой отдых, так как этот кружок мог работать лишь с 7 до 9 часов утра, для чего ему приходилось накануне оставаться ночевать, без всяких удобств, у некоторых сотрудников Института, что часто вызывало у него сильнейшую головную боль к концу дня — но все же он аккуратно, точно ко времени, приходил на кружковые занятия. Темы мы ставили разные. Помню, первая тема была — “смысл жизни”. Наш кружок был назван “Содружество”.

Придя первый раз на занятия в “Содружество”, он задал нам вопрос: “А что, собственно, вас интересует?” Мы заявили, что хотим выяснить основные жизненные вопросы, необходимые для уточнения понятия о гармоническом человеке. Он предложил следующий порядок: на каждую тему, поставленную в кружке, каждый присутствующий должен высказаться, но бесплодных споров допускать ни в коем случае нельзя, т. е. каждый, высказывая свою точку зрения, вносит свою точку зрения — нужно просто хорошо вслушаться и выбрать, проанализировав, ценное для себя. Если же допускать споры, то — с одной стороны — может получиться навязывание кем-нибудь своей точки зрения, что в конце концов, естественно, повлияет на застенчивых слушателей, а интересен взгляд каждого по данному вопросу.

Помню, была тема — “Человек-машина”. Мне А. А. предложил прочесть книгу “Человек-машина”.* Темы выдвигали мы, а он нам лишь иногда указывал, что можно прочесть к обсуждению данной темы. Например, стояла тема “о красоте”. Он мне порекомендовал прочесть “Красота в природе” Вл. Соловьева.**

* Автор говорил, что человек есть машина, что мысль — это движение вещества мозговой ткани.

Курс “Введение в историю научного знания” читался до 24 года, а далее вместо него А. Мейер читал курс “Эстетика формы и движения”. В 1928 г. он уехал из Ленинграда и до самой своей смерти в 1939 г. в Ленинграде не жил.

Нельзя было не видеть, как много он работал. В Институте Лесграфта он был не только преподавателем, но и ученым секретарем института (в отличие от технического секретаря). Кроме того, он еще работал в Публичной библиотеке. У него всегда в руках — или в кармане — была какая-нибудь книга.

Еще нельзя не указать на одну его черту — это бескорыстность. Он считал неприличным, недостойным для человека говорить о гонораре. Он много лекций читал бесплатно. Зарплату он как бы стеснялся получать. Деньги не любил, брал их небрежно и убирал в карман, не считая.

II

Отдельные высказывания А. Мейера на различные темы

О смысле жизни.

Смысл жизни, говорил он, заключается в видении всей мудрости творческой силы, создавшей вселенную. Люди, за малым исключением, не задумываются и не видят Чуда. Наука раскрывает мудрость закона, а если кто видит или думает над этим — то он не может не прославлять силу абсолютного разума и ее Творчество. Значит, смысл жизни — это пение гимнословий. Вот поэтому и созданы храмы. Человеку дана возможность познавать мироздание, т. к. он тоже обладает творческими

** Вл. Соловьев приводит очень простой, убедительный пример: он сравнивает два чистых углерода — уголь и алмаз. Химическая формула одна, но прохождение света через кристаллы алмаза делает его совершенно отличным от угля. На уголь мы не обращаем внимания, но отшлифованный алмаз (бриллиант) вызывает у нас восхищение игрой преломленных лучей, и мы говорим — красиво...

способностями, которые проявляются и в научной мысли, и во всех видах искусства. Атеисты боятся слова “Бог”, они стараются Его подменить словом “Природа”. Но сущность Бога и природы — не одно и то же. Природа — это созданное нами окружение, с которым нам всю жизнь приходится иметь дело. Бог — это разум, создавший природу.

О любви и эросе.

Любовь, говорил он, есть отклик на красоту, которая, как сияние, привлекает нас. Полюбить — значит увидеть подлинное начало в другом человеке, а если это явление природы — то красоту творческого замысла. Любовь в зависимости от объекта проявляется по-разному. Любовь человека к человеку — жертвенна. Высший вид любви — это любовь к Творцу всей Вселенной. Ее высшее проявление — принесение жертвы самого дорогого (пример — ветхозаветное приношение: Авраам—Исаак). Или — принесение в жертву себя, т. е. отказ от личной жизни, принесение своей жизни в жертву, т. е. на служение Богу. Форма проявления этого вида любви есть молитва, т. е. общение с Богом. Молитва — это не значит молить, просить. Это значит — преклоняться перед Абсолютом и славить его. Поэтому одна из главных форм молитвы — это славить (Слава Тебе, Боже наш!), а не молить, т. е. просить. Но в большинстве люди прибегают к молитве как просьбе: “Господи, помилуй”.

Одна из сильнейших форм любви — человека к человеку, половая. Любовь имеет три сущности: субъект любящий (Бог), объект, которого любят, — Сын (т. е. его творение), проявление любви — творческий акт. Отсюда и троичность в любви. Половая любовь имеет две сущности: одна — отклик на видение в человеке его личного, т. е. творческого начала и восхищение им и тяготение к этому человеку иного пола, вплоть до принесения себя в жертву этому возлюбленному. Любовь порождает в человеке стимул творить, что мы и видим у людей одаренных: будь то художник, музыкант, писатель и т. п. Слияние полов может быть только при отклике, видении подлинной творческой красоты в другом. Результат этого творческого любовного экстаза есть рождение нового человека.

А. А. не считал, что брак — в том, чтобы жить вместе с любимым человеком... Женщина высококультурная и высокоразумная — стимулирует к высшему творческому акту, вдохновляет на творчество. Эта форма любви не требует деторождения, т. к. творчество осуществляется в искусстве или науке. При такой форме совместная жизнь даже вредит, т. к. повседневные мелочи разменивают вдохновение; поэтому нужно жить раздельно. Постоянная близость становится в конце концов претящей и вызывает скуку. Нужно, чтобы не было скучной привычки. Для этого мужские начала должны объединиться и как бы представлять одно крыло, а женщины — тоже объединиться в одно крыло...

А. А. приводил взгляд Платона, который считал, что каждый человек не представляет законченного целого, а лишь половину целого. Задача в жизни — найти свою половину. Но часто в жизни бывают ошибки, имитации принимаются за настоящее, и, когда ошибка станет видной, брак должен разрушиться.

Творчество.

Без творческих проявлений не может быть жизни. Жизнь есть творческий акт, рожденный любовью. Каждый человек награжден этой силой, но в разной мере. И вот тот, кто развивает эту творческую силу, тот и откликается на призыв мироздания. Что же является главным стимулом в творчестве? Красота. Легче всего видеть красоту в природе. И вот многие атеисты пришли к религии через природу, чувствуя в ней реально творческий замысел мироздания. Все виды искусства тянутся к природе, черпая из нее силы к творчеству. Творчество — двигатель жизни, а сама жизнь — движение. Без творчества нет жизни. Что творчество есть жизнь — мы видим. Человек тянутся к гениям творчества: писателям, художникам, артистам, музыкантам. Все виды творчества вызывают отклик, желание творить, который есть наслаждение, вызывающее вдохновение.

А. Мейер любил говорить о творчестве как *Творчестве*, и еще любил говорить о Логосе — мысли — науке. Логос, т. е. слово, есть начало начал. Нет ни одного

сознательного проявления жизни без слова. Можете ли вы что-либо сделать без мысли? А мысль состоит из слов. Значит, “в начале бе Слово”. Без слова не мог начаться творческий акт. Высшее искусство — это искусство мыслить, что является основой для каждого искусства. Поэтому в человеческом обществе отдается предпочтение интеллигенту. В философском понимании интеллигент — человек гармонично образованный и воспитанный. Если человек только образован, но не воспитан — он только цивилизован. Если он только воспитан — то он культурен, а если в нем есть и то и другое — он интеллигентен. Культура и цивилизация — оценка степени развития данного общества и государства в целом.

Что такое цивилизация? Это — степень оснащения быта человека техническими удобствами. Творцами цивилизации становятся фабрики и заводы, в которых работает человек.

Культура.

В переводе — возделывание. Как в природе мы видим, например, культивирование земли, так и в человеке культивирование происходит не с помощью материальных удобств, а творческой силой. В человеческих обществах культура рождается религиями. Каждая религия имеет свою мораль, т. е. положения, с помощью которых (и на которых) она воспитывает. Вот эта воспитанность и делает человека культурным. Культура тоже была одной из главных тем нашей философии.

О смерти.

Смерть он называл порчей, т. е. одним из видов проявления зла на земле. Каждая смерть — результат разрушения от разъединения организма микробами, или технической изношенностью того или иного органа человека. Задача — бороться с порчей и не поддаваться разрушителям. К таким разрушителям относятся и пьянство, и служение мамоне (объедение), наркотики, невоздержание — все элементы безволия.

При актах смерти близких особенно выявляется эгоизм человека. Потерявшие близкого обыкновенно оплакивают не его самого, а сожалеют о самих себе, потерявших близкого. Отсюда и народные причитания: “На кого ты нас оставил, голубчик?”

Зло смерти есть результат грехопадения человека.

О любви к родине.

А. Мейер очень любил Россию и, в частности, Ленинград. О России как о Родине он говорил так: почему человек любит родину? Потому, что она равна по значению матери. Как мать рождает и питает своего младенца, так и родина, т. е. кусок земли, где родились, участвует в акте рождения и питания, а потому мы и называем Родину — Мать.

О личности человека.

Люди все — различные, нет повторения одного и того же. Что же отличает одного человека от другого? Его личность, т. е. творческая сила. Отсюда, каждый человек реагирует на каждое явление по-своему. Нужно научиться видеть в каждом человеке эту личность, которая не может не вызвать к себе любовь, если она правильно видима. Если не видеть в человеке этого личного начала, то это значит уравнять его с животным, что неверно, так как в каждом человеке, хотя и в различных формах, присутствует Разум.

Что такое — друг?

Друг — это слово означает “другой я”. Другом мы называем того человека, с которым имеем общие черты, в отличие от “товарища”, с которым у нас общие дела. Словом “друг” часто злоупотребляют, не отдавая себе отчета, в чем состоит дружественность.

Правда.

Она является синонимом прямоты. Все правдивое должно быть без искривлений, т. е. правду можно графически изобразить — прямой линией. А. Мейер не был согласен с Л. Толстым, что правда есть дословное изображение факта. Один и тот же факт может пониматься по-разному в зависимости от подхода. Например, если больной спрашивает у врача, будет он жив или нет, а врач, зная о его близкой смерти, все же ему отвечает — конечно, будете жить... Ответ врача правильный, т. к. вопрос больного имеет смысл такой: отнимет у него врач надежду на жизнь или нет? И врач правдиво отвечает — нет!..

Выражение: здоровый дух в здоровом теле — А. А. любил произносить по-латыни: *Mens sana in corpore sano*. Так благозвучнее, говорил он. Он отрицал это, т. к. считал, что больные люди, особенно чахоточные (туберкулезные), бывают сильны духом, и приводил примеры многих выдающихся, гениальных людей, больных хроническими болезнями: Чехов, Горький, Надсон и т. д.

Самоубийство.

Оно может быть или результатом сумасшествия, или результатом полного разочарования, т. е. полное отсутствие любви. Когда у человека нет любви, он перестает видеть и чувствовать красоту. Это тоже порча.

Область (размышлений) его была — философия, которую он резко отграничивал от социологии. О социализме он нам говорил мало, лишь как о положительной доктрине в области устроения быта человека.

III

Воспоминания дочери А. А. Мейера Лидии Александровны Дмитриевой

Родители Александра Александровича жили в Одессе. Отец его, Александр Карлович Мейер, был инспектором мужской гимназии в этом городе, по национальности — немец (из переселившихся когда-то в Россию швейцарцев). Исключительно одаренный музыкант (скрипач) и математик, философ. Даже глядя на его фотографию, чувствуешь, каким особенным взглядом он обладал. Мать А. А. Мейера была чисто русская, очень образованная женщина — Елена Даниловна Мейер. Детей у них было лишь двое. Два мальчика — Александр и Владимир.

Воспитывали их в семье на немецком языке. Очень рано они уже умели писать. Когда-то моя мать показывала хранившиеся в нашей семье их письма к их матери (к сожалению, все бесследно пропало во время войны 1941–1945). Но вот произошел пожар в их казенной квартире, и сгорело самое дорогое для их отца — его сочинения, плод многолетнего творчества мысли, и это так сильно подорвало его дух, что он, впав в тягостную душевную болезнь, очень скоро скончался. Саше было тогда 8 лет, Володе — 6. Не прошло и одного года, как умерла их мать. Детей взяла в свою большую семью сестра их матери Анна Даниловна Диевская. У нее было своих детей 6 человек, но все они значительно старше, все уже заканчивали свое образование. С двумя из них мы в дальнейшем встретились, в 1920-х годах — они были врачами в больнице г. Гатчины (Надежда Ивановна Диевская и Софья Павловна Орнатская). Мне папа сам много рассказывал, как он любил свою тетю Анну Даниловну. У нее, несмотря на такую большую семью, на большие заботы, была одна неукоснительно выполняемая обязанность — привычка. Она (будучи, конечно, православной христианкой) ежедневно ходила в церковь к ранней литургии, и папа мой старался, когда только мог, тоже

ходить туда с ней. Она ему все объясняла и учila самотверженной любви.

Когда же пapa поступил в университет в Одессе, он попал в общество революционно настроенной молодежи и очень скоро был арестован и сослан в Архангельскую губернию на 1 год. Его родные по отцу подали просьбу на высочайшее имя (т. е. царю, Александру III) о помиловании, указывая на то, что его увлекли революционеры. На такие просьбы всегда получался ответ — помиловать. Пapa в это время был уже на месте ссылки в г. Шенкурске Архангельской губ. и отказался от этого помилования, предпочел отбывать свою ссылку. Мама моя, тогда — Тыченко Прасковья Васильевна, тоже была уже в Одесской тюрьме за революционную работу, но получила наказание — 5 лет ссылки туда же, в Архангельскую губ. Уже тогда она была официально объявленной невестой А. Мейера.

Везли их в ссылку по этапу, т. е. пешком из Одессы, через западные области России. Женщин в этом этапе, кроме мамы, никого не было... Поселившись в Шенкурске, пapa и мама были обвенчаны в тамошней церкви. Пapa после окончания своего года ссылки съездил в Одессу повидаться с родными и друзьями и привез с собой много книг, решив, что вместе с женой будет доживать здесь ее срок, который кончался в январе 1902 г. К этому времени у них уже была годовалая девочка (т. е. я).

Все эти годы пapa выписывал себе книги философов из Германии и вообще углублял знания в той мере и на том уровне, на котором была тогда вообще наука. Латинский и греческий, немецкий и французский языки он знал блестяще, так как обладал способностью вникать в логику каждого языка. Вообще, логика — это была его самая любимая наука. Вернувшись в 1902 г. в Одессу, пapa уже всецело увлекся революционной работой, это выражалось в издании газет, где свободно призывался народ к революции.

В Одессе пapa и маме жить запретили; тогда перебрались мы в Баку, потом в Самарканд и затем обосновались в Ташкенте. Это время я уже помню ясно. В 1905 г. пapa арестовали, газету закрыли.

Мы жили в помещении редакции газеты. Редакция помещалась рядом с “дворцом губернатора”, так тогда все говорили. Когда же революция была подавлена, папа уже был в тюрьме, почему-то в Ашхабаде (тогда говорили — в Асхабаде), ... (на площади) маму потоптали лошади и избили нагайками казаки... Нас же, двоих маленьких детей — у меня к тому времени был уже и братик, Аркадий, — взяла к себе жена губернатора, и мы все это страшное время побоища находились под ее охраной. Потом нас приютила одна добрая семья — их фамилия Чернявские. Мама же поехала со мной хлопотать о том, чтобы папу перевели в Ташкентскую тюрьму. Эту поездку и ту тюрьму, и свидания наши там с папой я помню очень хорошо. И вот нам отдали папу. Мы ехали одни во всем вагоне под охраной одного только солдата. Железнодорожники города Ташкента сумели устроить папе побег из Ташкентской тюрьмы, и он поселился где-то в Финляндии, где, конечно, не говорилось, но там можно было жить свободно.

Маму с нами и со всюду сопровождавшей нас няней Олей те же железнодорожники перевезли в Петербург. Мы ехали во II классе, как семья машиниста.

Сняли небольшую квартиру. Мама поступила куда-то в редакцию служить (так тогда выражались — “служить”, а не “работать”, как теперь говорят), а через какое-то время к нам приехал и папа.

Наша квартира, хотя было всего-то 2 комнаты, стала местом приюта для каждого, кому надо было скрываться от полиции. Так мы и жили — я не вникала в то, что папа делал, а мама служила. Знаю лишь, что в 1908 г. папа поступил в Публичную библиотеку — заведовал отделом Россики и еще читал лекции “у Лесгафта”, т. е. на естественно-научных курсах Лесгафта. И еще он читал публичные лекции в Народном Университете и просто так, публичные, платные, о философах. Я хорошо помню афиши этих лекций — Лейбница, Спиноза, Франциск Асизский — мне еще не было и 9 лет, когда я стала просить папу брать и меня на свои лекции, и я тогда слушала его и считала себя самой счастливой.

Папа был такой красивый, высокий: длинные вьющиеся волосы, такие добрые глаза..., а вокруг него всегда толпились после лекции разные люди “с вопросами”. Я еще не совсем понимала значение слов; “с вопросами” звучало для меня как какое-то определение этих интересных людей. И еще долго в моем сознании интересные люди именовались — “свопросами”.

Сбор от этих платных лекций весь шел “в пользу рабочего дела”, папа не брал себе ни копейки. Так он читал лекции в 1908–12 годах; в 1913 как будто уже этих лекций не было, публичных — не было, но зато он стал читать “свои”, как тогда говорили — “Мейеровские лекции на курсах Лесгафта”, куда тоже могли ходить все, кто хотел. И опять папа был окружен этими “с вопросами”...

Конечно, в нашей семье главной была мама. С 1911 г. с нами воспитывался еще один мальчик нашего возраста — сын нашего знакомого, который разошелся с женой, и этот Глеб был нам, как брат, маму звал мамой, папу папой, и нам было очень хорошо, что нас трое. Папа в наше воспитание не вмешивался, но зато мы знали, что если уж мы в чем-то “распустимся”, тогда мама нам скажет — “идите к папе” — мы всегда коллективно отвечали за свои проступки — виноват в чем-нибудь один — отвечаем за это все трое. Но папа нас вызывал тогда по одиночке. И вот — никогда мне не забыть его слов — как он умел с нами беседовать; с какой любовью он говорил о нашем долге то-то и то-то делать! Мы готовы были нарочно что-нибудь сотворить, лишь бы попасть “к папе на суд” — как выражалась наша мама.

Сейчас я хочу писать главным образом о папе, но ведь папа же — член семьи: папа, мама, брат и я, одна семья, преданная и дружная. Всегда у нас, кроме Глеба, жил еще кто-нибудь, подолгу. Кому-то надо учиться — живет у нас; оставить ребенка — тоже у нас; а особенно много людей было после февральской революции, когда вернулись разные эмигранты. Тогда уже мама отдавала целиком свою комнату. Бывало, мы с мамой夜里 могли спать лишь по очереди — все было занято, даже в кухне. Другим мама отдавала даже мебель, когда они куда-то

переселялись. Вообще, в нашей семье каждый мог жить, сколько хочет, независимо от того, знали мы этого человека раньше или нет. А так как прислуги после революции у нас не было, то я еще должна была в их комнатах убирать и за ними убирать... И мы не роптали — папа научил нас никаким трудом не гнушаться.

Когда у папы бывал отпуск, он уезжал в какой-то женский монастырь. “На Званке” — так, мы знали, называлось это место. Я, конечно, спрашивала папу, что он там делает, и он мне говорил, что он там “ничего не читает” — вот что он там делает, и больше я уже не пыталась ничего узнать. Потом папа все больше и больше стал со мной разговаривать на все темы, и часто мы, оставаясь дома вдвоем, были весьма довольны друг другом. Я папе доверяла все о себе, решительно все, и он меня понимал...

Писать ли о времени, когда я уже стала взрослой и мама стала попрекать меня тем, что я вот много времени трачу на церковь? Моя религиозность ей совершенно была непонятна, и папа мне сказал: “Знаешь, устроим тебе самостоятельную жизнь, хотя бы летом”. Он мне нашел урок “за обед”, потом нашел комнату в Царском Селе, и я 3 лета подряд жила уже одна. Папа мне давал и деньги на жизнь, и я могла жить, как хотела. Это было уже после моего учения в Богословском институте, после моей болезни — я сильно болела туберкулезом легких и потому необходимость летом жить в Царском Селе мама вполне признала. Но она не знала, что я серьезно хотела уйти в монастырь, — тогда еще кое-где были монастыри и этоказалось возможным и мне, и папе. Папа всецело поддерживал меня в этом, но... Я даже ездила в один монастырь, где мне сказали: “возьмем, но привези согласие родителей” — ну, ясно, согласия я не получила, но все-таки в 1924 г. ушла в монашеское общежитие.

Но ведь я пишу об отце! В этот период, когда я еще жила дома, папа познакомил меня с разными его друзьями и сообщил о таком круге лиц, о котором никто не должен знать, кроме их самих. И я стала туда ходить часто, но я чувствовала себя полной невеждой, стеснялась, и когда их собрания стали совпадать с церковными

праздниками, я их оставила. Позже я узнала, что это был кружок “Воскресение”. Папа все продолжал свою деятельность с друзьями. Потом я узнала, что он имеет духовного отца, одного очень хорошего священника русской эстонской церкви в Ленинграде, о. Александра Пакляра, и я тогда тоже стала ходить к нему.

И вот папу арестовали 11.12.1928 г., а я ведь дома уже не жила. Папа сидел в “одиночке” ДПЗ (т. е. тюрьмы — дома предварительного заключения), я носила ему туда передачи и тут услыхала, как его все ругают за то, что не знающих его людей посадили в тюрьму только “за знакомство с Мейером”, а они и знакомы—то с ним не были! Брат мой тогда жил в Ленинграде с мамой, у него уже были жена и ребенок, и он учился на последнем курсе в Институте Путей Сообщения. Все были страшно запуганы, но на курсах Лесгафта, которые к тому времени уже превратились в Институт физической культуры, но где папа все равно читал лекции по логике, философии и эстетике и заведовал там еще музеем, — директор института платил маме папино жалованье, чтобы Аркадий мог закончить институт. Так мама и жила, но на передачи я у них уж денег не просила, сказав, что беру это все на себя. Я давала уроки, но за уроки деньги я должна была отдавать туда, где я жила.

Отвлекусь: папа знал хорошо еще и европейские языки; один за другим он их изучал. Он же работал в отделе иностранных рукописей. Мы, дети, хотели было учиться этим языкам вместе с папой, но нам было за ним не угнаться. Папа еще очень любил музыку. Я ведь учились играть в музыкальной школе Шлезингера вплоть до смерти ее основателя, после чего еще год учились в Консерватории. Папа очень любил Баха, как и я, и часто просил меня поиграть ему именно Баха. Был еще, тоже в Публичной библиотеке, Александр Исаич Брауде (его сын был известным органистом); он часто бывал у нас и играл вечерами, когда мы уже должны были спать в своей детской. Очень хорошо тогда бывало всем. Известная пианистка Юдина Мария Вениаминовна была тоже “папина”, он ее подвел к христианству, так что она, взро-

слая уже, крестилась. Она же по национальности — еврейка.

В 1929 г. должны были вынести папе приговор. Мама обратилась в Красный Крест с просьбой узнать заранее — что за приговор — и вот узнали — расстрел.

Тогда мама поехала в Москву и пришла на заседание ВЦИКа, где ее знали почти все члены ЦИКа — со Сталиным в Баку мама даже тайную типографию ставила, и она им говорит — это что ж за враг народа — мой муж? За что его хотят расстрелять?! Его-то они тоже знали, еще до 1905-го года — и тогда был вынесен приговор: по ст. 58 — ему расстрел, но по ходатайству ЦИКа заменить расстрел 10 годами концлагеря.

У нас уже были разрешены свидания с папой, и я с папой договорилась, что, как только мы узнаем приговор, я ему это сообщу через передачу сухого компота. Сколько будет в компоте сухих яблок, значит, столько лет концлагеря он получит, а если расстрел — яблок в передаче не будет. И поэтому, узнав все, — я могла папе все это через яблоки и дать знать. Он вообще-то внутренне готовился к расстрелу, понимая, что, как главаря “какой-то контрреволюционной организации”, с маркой “враг народа”, его не побоятся и расстрелять. Главарями считались папа и Смотрицкий.

Так что когда папе читали приговор, который он уже знал, он был спокоен. А затем его отправили в Соловки. Так назывался концентрационный лагерь особого назначения на Соловецких островах на Белом море. В прежние времена там находился монастырь. Он был окружен очень высоким кремлем. Кремль построен из огромных валунов. На этих островах был монастырь, где жизнь заключенных была сплошной пыткой. Связь с материком поддерживалась лишь через море, причем период навигации был очень короток. Все начальство в этих лагерях тоже состояло из осужденных, почти всегда членов партии. Озлобленность на людей была основным их качеством. Страшнее жизни Соловков тогда не было.

И там папа поблагодарил Бога за то, что ему дали 10 лет, а не меньше, так как лиц с его сроком не заставляли

грузить уголь, как других. Потом в Соловках он получил должность — начальника психологического кабинета, то есть его обязанность была — изучение мотивов преступления у тяжких преступников. Мы с мамой ездили к нему на свидание, и нам троим дали отдельную комнату на две недели, которые мы провели там, а он был освобожден на это время от всех обязанностей. Я посыпала большие посылки в Соловки, надо было всего послать очень много, чтобы что-то осталось ему. А потом бывшие там с ним люди рассказывали — как только получит он посылку, так зовет всех, кто около него находился в то время, и все раздавал, себе оставляя только горсточку сахара. Я, конечно, знала, что надо посыпать много, старалась — но, конечно, не жалею, что папа этим мог поддержать кого-то другого. Но мне деньги добывать на эти посылки было очень трудно — я поступила к одному врачу на нечеловеческие условия работы, чтобы получить 25 руб. в месяц на эти посылки. Самому-то этому врачу, профессору хирургии Соколову, было, ясно, стыдно, он знал моего папу, он знал, что я иду к нему работать ради отца, но жена ставила такие условия: человек может провести без еды 6 часов — так вот пусть приходит в 9 утра и до 3 часов работает — прислуга, няня с годовалым ребенком — без еды. Ребенку надо приготовить еду, накормить, погулять (на руках, т. к. галошек у него не было, а ходить он только начал), уложить спать и за это время убрать их 4 комнаты. Ребенок меня утешал, он так был привязан ко мне... Требования от жены доктора Соколова иногда были еще и — мытье пола, чистка кастрюль... но мне же надо было получить эти 25 руб.! И я работала у них долго.

Потом папу потребовали опять в Ленинград, и его из Соловков в весенне время, когда еще не была открыта навигация, переправили на лодке, по шуге — это не лед и не снег, и не вода, скорее комки льда величиной с блюдце, но их можно лодкой раздвинуть. Папа на этом пути дажетонул, и его за волосы вытащил его конвойный.

Больше папу в Соловки не отправляли, а стал он работать гидротехником на Беломорканале. Ксения Анатольевна Половцева на этом же Беломорканале строила

шлюзы. Она же ведь кончила какие-то архитектурные курсы. И вот в 1934 г. папа был досрочно освобожден, как ударник строительства, но с “– 12“, что значит — без права проживания в 12 городах. Он жил под Москвой какое-то время в Дмитрове, а потом в Калязине. Там он жил уже на попечении Ксении Анатольевны, а в Ленинград приезжал к маме раз 6–8 в год и жил у нее по 3–4–5 недель без прописки. Чтобы заработать деньги, проф. Лосев — известный вполне достаточно — давал папе заработок: папа переводил ему с греческого целые книги, а он платил папе копейки, высчитывая, за сколько строчек надо заплатить... Ну и кормил его в Москве, и восхищался — ах, какой чудесный человек Александр Александрович, какой эрудит! А мы здесь в Ленинграде снимали фотокопии с тех книг на греческом языке, которые требовались Лосеву, и посыпали эти фотокопии папе — мы не знали тогда, какие гроши Лосев платил папе за эти переводы — узнали потом.

Итак, настал 1939 год. Весной папа приехал и жаловался на боли в спине. Потом уехал, и вот пишет нам Ксения Анатольевна, что у папы водянка и она везет его в Москву в больницу. У нас тут как раз был большой наш друг проф. Крижевский, и мы просили его узнать, где папа там в Москве и что с ним. Он узнал и сказал нам, что у папы рак печени. Тогда мы стали просить перевезти его в Ленинград. Ксения Анатольевна привезла его ко мне, где я жила, но моя семья вся была на даче, дети-то еще совсем маленькие были. Я сказала папе, что давай, поедем в больницу, чтобы ликвидировать эти страшные отеки ног. Он согласился, и я его отправила в Куйбышевскую больницу, где его и взял под свое попечение проф. Крижевский. Скоро папе стало совсем, совсем плохо, и мы трое, т. е. мама, Кс. Ан. и я, по очереди дежурили около него.

Наконец, во время ночного дежурства около папы, он скончался — была агония, мама страдала с ним вместе. А я, приехав утром маму сменить, застала папу уже спокойно скончавшимся. Дала телеграмму брату в Москву — когда хоронить будем. И вот хочется написать об

удивительном его отпевании. У мамы—то ведь денег не было на похороны. Муж мой решил взять отпуск: он был главный бухгалтер и мог распорядиться это сделать, чтобы было на что хоронить. Поставили гроб в Никольском соборе на ночь. И вот позвала меня Пигулевская Нина Викторовна — друг наш давнишний, член-корреспондент Академии Наук, и говорит — вот вам 400 рублей, чтобы певчие пели литургию Чайковского в день отпевания, и, конечно же, и отпевали бы. В 1939 г. это были очень большие деньги — 400 руб.! Я пошла к репенту хора, переговорила с ним, и он, конечно, обрадовался, и таким образом было обеспечено прекрасное отпевание. Пошла я и к священнику, несу ему 30 руб., как, я знала, полагалось тогда платить священнику за отпевание, но он не взял и говорит — сколько певчим, столько и духовенству! Я говорю, помилуйте, для певчих мне дали, а у меня самой таких денег нет. — Как хотите, говорит, иначе не будем! Ну, что же, согласились, заняли и уплатили и духовенству. И вот 21 июня (умер папа в ночь с 18 на 19 июня) пришли мы с мамой в Никольский собор — пришлось попросить знакомую посидеть с детьми на даче — их ведь трое, совсем маленькие были еще. И что мы видим — на высоком катафалке посреди церкви стоит гроб с телом. Полное освещение храма! Венок я привезла из одних живых цветов — громадный, сама делала его всю ночь. Все кругом блестит. Началась торжественная служба, все духовенство собора в полном облачении — праздник да и только! Великолепный хор, так все торжественно, как будто царя хоронят. Все прислуживающие в сияющих одеждах... Свечи всюду поставлены большие. Но друзей было мало, совсем мало. А народ весь стоит и дивится: кого же это так торжественно хоронят? Брат прилетел — он уже был главным инженером авиазавода в Москве. Все смотрят, как трогательно он обнимает мать. Ксения Анатольевна плачет, мама себя сдерживает — у мамы ведь есть для кого жить: дочь, сын, внучка, а у Кс. Ан. никого — был один только папа мой. Теперь, из дали времени вспоминая это отпевание, мне хочется сказать — вот как торжественно прошло его последнее пребывание в храме. И те, кто слу-

чайно был в этот день в Никольском соборе, рассказывали потом об этом богатом покойнике.

Ну, а я — я ушла с кладбища совсем без денег: все ведь подходили и просили “на помин души” подать — и я всем давала, давала, пока не отдала последнюю монету. Пришлось у брата просить на дорогу на дачу, а он удивился — “так шикарно похоронила отца” — значит, могла!.. Не жалею, очень рада, папа заслужил!

Итак, папа скончался в 1939 г., похоронили его на Волковом лютеранском кладбище в Ленинграде, в середине кладбища, где упирается в ту дорожку Бибичева дорожка. На могиле, в ограде растут клены. Была скамейка, но сейчас нет ее. Я посещаю могилу.

Ксения Анат. после похорон очень скоро уехала обратно в Калязин. Во время войны она переселилась в город Калинин и работала там в “Плодоовоще”. Я была там у нее летом 1944 г., возвращаясь из эвакуации с детьми. Мама моя там, в Казахстане, и умерла. Ксения Анат. жила в комнате вместе с хозяйкой, Анной Васильевной Бенсфельд.

... Она приезжала после войны к нам, но только в гости. А в 1949 г. 19 сентября она умерла в Калинине, я ездила ее хоронить. Предполагала что-нибудь привезти оттуда папино, но абсолютно ничего, что стоило бы везти, мы с хозяйкой не нашли, кроме записки, в чем ее класть в гроб. Потом мне сообщили, что умерла и ее хозяйка, и теперь уж ее могилку — причем кладбище очень далеко от города — некому и посетить. Только я, когда вспоминаю покойных в церкви, вспоминаю и ее после имени моего брата. В Москве живет сын моего брата Александр Аркадьевич, физик-атомщик, но он совсем не нашего духа, и я его взрослого даже не видела и не знаю, где он живет. А мои дети знают, какой у них дедушка, только не помнят, так как слишком все были тогда малы; но некоторые письменные труды мы бережем.

*

Теперь надо бы сказать о самом главном таланте моего отца. Это — дар слова. Не оратор он был, что-то провозглашавший, не просветитель или учитель — нет, его

слово сразу овладевало всем существом слушающего. Он как будто сразу брал всю твою личность, всю, какой бы она ни была, и говорил — “пошли”, пошли со мной в страну познания, и покажу тебе свет.

С первых же слов ощущалась какая-то радость, хотелось сказать — как хорошо быть взятым с тобой, как хорошо видеть истину, видеть мысль живую о живом. Он называл это — отклик — связь душ — “я говорю — ты откликаешься” и мы уже вместе. Любовь уже связала нас, и в свете любви мы будем познавать жизнь. Он всегда помнил, что все люди — братья, дети Единого Отца. И всеми силами чар своего слова старался передать это ощущение — что все мы братья — *каждый раз*, в любой теме, о ком бы и о чем он ни говорил. Если братья, то должны знать, *КТО наш Отец* Когда собирались около него друзья, всегда на столе должен был быть простой хлеб, и папа так глубоко и проникновенно говорил: “Отче наш, Отче наш”, “Ты, который на небесах, да святится имя Твое” и далее слова молитвы — и эти слова, и стоящие и повторяющие за ним люди. Сразу вдохновение поднимало каждого, и в какой-то трепет приходило сердце. Слова всем хорошо знакомые и простые, особенно знакомые тем, кто их часто слышит в церкви; но папин голос облекал эти слова таким ощущением сыновства, что иногда казалось просто — у тебя нет сил вынести этот голос! Уж я ли не знала очарования папиного голоса, а все равно, когда он только произнесет **НАШ** — все, ты уже не “ты”, а мы, не Отец мой, не Бог мой, а Отец нас всех; тут, перед этим хлебом, уже нет тебя, а есть **МЫ**, и Ты — Бог — **ОТЕЦ НАШ!**

Он же и научил меня этой молитве, и я долго, долго не знала никакой другой, ведь папа сказал мне, что так надо молиться Богу. Потом уже, в последние годы его жизни, я один раз спросила его: “Ну, скажи мне, папа, а чему ж ты учишь своих друзей, вот тех, которых у тебя так много и которых я не знаю?” И он тогда сказал мне: “Только *одной* этой молитве я их учу и больше — *ничему*.” “Как *ничему*? Ты так долго и убедительно умеешь говорить”. “Да, но все, что я говорю, основано и логически

связано с тем, что есть в этой всем известной молитве“. Логически связано! Вот что и было силой, убеждающей!

Когда я еще не умела читать, но любила сидеть где-нибудь в углу и слушать, как разговаривают взрослые (но лишь когда среди них был “мой папа“), то я запомнила, тогда совершенно не понимая слов, фразу “с моей точки зрения“, или, как я сама любила повторять эти слова, когда никто не слышит (ужасно нравилось это слово): точкизрения. Пока я как-то не сказала маме: “Мама, у меня тоже есть точкизрения!“ А мама спрашивает — а где она, покажи! — но я не сумела показать и перестала повторять, хотя сама страшно любила просто это слово, — да еще это было слово “моего папы“!!

Вот и потом, всю жизнь, когда он приходил в мою семью,— только посмотрит, уже не говорит, а просто посмотрит, и ты сразу чувствуешь — *пришла его любовь*. Вот сижу, пишу, — и его мысли, как живые реки, вновь потекли во мне. Никакое чтение того, что он написал, не может дать жизнь. Его слово нужно было слышать, даже иногда самому повторить, но читать это же его слово написанным или, еще хуже, напечатанным — это совсем ничто. Видишь, например, нотный знак, скажем до — но оно ведь не звук, а только значок — так и папины слова — написанные — только значок, а нужен — звук.

И вот я пишу сейчас сама об этом, я слышу папин голос, я вижу его взгляд, и это воодушевляет меня — надо произнести это — а я сижу, вот вожу пером по бумаге, душа горит у меня и какая-то радость вливается даже сейчас в душу. Кто-то прочтет эти воспоминания, и, может быть, если у читающего сердце способно воспринимать прекрасное, оно хоть чуточку всколыхнется и на папины слова — “Мы же все братья, — скажет, — да, братья, дети Одного Отца, и как дорого умение это сознавать!”

Будучи философом, стремясь увидеть логику во всяком мировоззрении, а сердцем ощущая бытие Бога, папа стремился как бы освятить логику мысли — благодатью света веры. Вера ведь свет! Прекрасен мир, в каком бы микроскопе или телескопе его ни рассматривать. Логика мирозданья прекрасна, величественна, но она — только

устройство, разумное устройство вместилища духовной жизни. А жизнь — это любовь. Это так ясно. Любовь — сама ясность, радость и самая достоверная реальность.

Теперь постараюсь осветить революционную деятельность Александра Александровича Мейера — хотя для меня он всегда был *наш папа*, а я пишу личные воспоминания, а не биографию, где все должно быть показано. Вся революционная деятельность отца — это была, главным образом, деятельность *его мысли*. Издавались вместе с товарищами газеты, проводились митинги и собрания.

В России уже намечались организованные партии, но ни папа, ни мама не находили нужным для себя становиться членами какой-нибудь из них. Позволю себе вспомнить, как нас, маленьких детей, сердило, когда чуть ли не каждый приходящий спрашивал нас: “ты эсер или эсдек?“; а когда мы отвечали, что мы не эсдеки и не эсеры, а просто дети, то нашей маме говорили, что это плохо. И в те же годы, когда мы были уже в Петербурге и к нам ходили не только взрослые, но и дети (всякого возраста) революционеров, — “гуляя“ и такой вопрос: Бог ли сформировал человека, или человек произошел от обезьяны? Эти дети, постарше нас, просвещали нас, а их родители дарили нам книги. И одной из первых была книга о первобытных людях “Борьба за огонь“.

В 6 лет я уже умела читать, но многое не понимала. Была у меня интересная книжка с картинками, но не детская, детских книг у нас просто не было, а в этой книжке были разные инфузории, бактерии всех видов, а под ними стояло непонятное мне рис. (5, 8 и другие цифры). Я понимала, что это не крупа “рис“, но я очень долго ломала голову, почему же под каждой картинкой написано рис. Приставать ко взрослым не разрешалось — мы ведь были уже “не маленькие“! Все должны были сами уразумевать. Но зато это была *моя книжка*, мне подарила ее наша студентка. Мы сперва (пока еще папа скрывался в Финляндии) сдавали одну комнату “медицинке“ (т. е. студентке мед. института). В ее комнате был настоящий большой скелет, вот она-то и подарила мне

мою книгу. Мне особенно хочется отметить умение моей мамы не насиливать нас ничем...

Так как папа о Боге сказал мне, что “Он тоже есть, так же, как вот ты сама, ты же — есть!” — то при всех детских дискуссиях я была тверда. Не знала я только, почему это многим взрослым хотелось, чтобы Еgo не было. Когда же папа поступил на работу, мы, дети, видели его совсем мало, лишь за обедом... Мы знали, что наш папа — “пламенный оратор” — так о нем говорили наши знакомые. Иногда папа спрашивал нас, какие игрушки купить нам, и что мы попросим — то и покупал. Мы его очень любили, но не за игрушки, а за то, что он иногда вечером приходил к нам в детскую и отвечал нам на все наши детские вопросы. Теперь, вспоминая то сладкое для нас время, когда мы никуда еще не ходили учиться, видишь, как папа умел вкоренять в нас глубинные истины, говоря о правде, как о самом нужном в жизни.

Но особенно сильным было впечатление вот от каких его слов. Тогда ведь не было электрического освещения и спать нас укладывали в темной комнате, и у нас был страх перед темнотой и почему-то страх чего-то под кроватью и в углах, что там находилось. И вдруг папа нам говорит, что там сидят злые духи — вот эти духи нас пугают, но их бояться совсем не надо, хотя они есть. Он сказал, что если мы их никогда бояться не будем, то они уйдут от нас. И вот мы начали свои детские попытки — лезли под кровать и говорили: “А я не боюсь!” Идти в совершенно темную комнату, сидеть там в полной темноте и твердить: “А я не боюсь!” И действительно, исчез в нас страх, причем всякий. Бабушка нам рано рассказывала всякие страшные истории про разбойников, и мы боялись, — а после папиных разговоров из нашей жизни вообще исчезло чувство боязни чего бы то ни было...

Я стала проситься брать меня с собой на лекции. Мама сказала, что папе неудобно ходить на лекцию с девочкой, но сама девочка, если хочет, то пусть идет. Я знала уже, что мама сама определила себя в гимназию, будучи маленькой девочкой, да еще в платочке. В те времена “девочка в платочке” — это многое означало, это означало социальное положение. Я не была “девочкой в платочке”,

я носила красивые шапочки. И вот на лекцию о Франциске Ассизском я и пошла сама в какой-то большой зал. В начале зала стоял столик и там спрашивали билет на лекцию. Я этого ничего не знала, а прямо пошла и села. Потом меня кто-то спросил: "Девочка, что ты тут делаешь?", и я в великом упоении ответила: "Я тут сижу потому, что это мой папа читает лекцию!" Я так ясно помню то свое счастье. А папа говорил о таком святом человеке, который отказался от всех благ мира ради служения Богу. И с тех пор образ Франциска Ассизского стал моим идеалом.

Мы жили тогда на Песочной улице на Петроградской стороне и бегали по ней, как бегают в деревнях, и помню, я громко кричала кому-то из детей, с кем мы бегали, и вдруг папа остановил меня и стал говорить, что *кричать вообще никогда и нигде нельзя*, что можно говорить, петь, смеяться, но нельзя кричать и плакать. Удивительно умел папа дать правило жизни. Сказал, что всегда надо говорить только правду; сказал, что надо любить каждого человека, с кем ты встречаешься; сказал, что не надо никогда ни на что жаловаться, и все это вошло в сердце потому, что в голосе была какая-то особая сила. Никакого пафоса, никакого подъема голоса не было у него, а только особенная задушевность, любовь и мир. Потом, в дальнейшие годы, когда началось наше учение, папу мы меньше видели. Он часто уезжал в другие города, — тоже читать лекции... В нашей семье дети не имели права сидеть за разговорами взрослых. Наше место — наша детская. Я имела право входить в мамину комнату лишь играть — там стоял рояль, а я учились музыке. В других семьях нас пускали сидеть со взрослыми, но в нашей квартире — нет. А вот когда пошел мне уже 16-й год, вот тогда я имела право слушать, что говорят взрослые.

* *

*

Это был день папиных именин. Он назван был в честь святого князя Александра Невского. Этот день у нас отмечался тем, что мы с ним всегда накануне ходили в собор Александро-Невской Лавры ко всенощной. Там, в Лавре, это было пышное богослужение. Вечером же у нас всегда собирались гости, но немного, и вместе с гостями были и мы, дети. Папа был скромен, как всегда, и изо всех сил старался быть незаметным... Мы, его дети — брат мой и я — называли сыновей своих тем же именем, ради дедушки. И, действительно, некоторые манеры, чисто папины, я вижу и у моего сына Александра...

Я пишу не биографию. Я пишу воспоминания, и потому нужно вспомнить еще и папиного брата Владимира. Он был младше на два года, оба воспитывались одинаково в семье Диевских и оба вошли в круги революционной молодежи г. Одессы. Владимир был смелым и не видел для себя ничего более нужного, чем пожертвовать своей жизнью ради революции. И потому он покушался на убийство генерал-губернатора Одессы, зная, что его за это казнят. Но убить не удалось, и потому за покушение на убийство он получил пожизненную каторгу в Сибири. У нас в семье была карточка нашего дяди Володи, и мы — по карточке лишь — и то восхищались им и любили его. Незадолго до войны 1914 года мама ездила в Москву, к кому, я не знаю, чтобы выхлопотать дяде Володе перевод с каторги в Бутырскую тюрьму в Москве, чтобы можно было ездить к нему на свидания и хоть этим скрасить его тяжелую жизнь. И его перевели, и мама хоть раз в год, но ездила к нему. И вот февральская революция 1917 г., все политические заключенные получили свободу, и Владимир сразу же по выходе на свободу попросился добровольцем в армию — защищать родину. Но армия тогда еще не вся была на стороне большевиков, война с немцами еще шла, и он оказался в рядах белогвардейцев и очень скоро был убит революционными солдатами, так как оказался “белым офицером”. Так, отдав всю жизнь каторге и тюрьме ради революции, нашел он смерть от руки тех, ради которых лишен был права на жизнь.

Александр Александрович Мейер среди лиц, “делавших революцию” в 1917 г., не находился. Он по—прежнему служил людям, открывая им цели жизни и отдавая всю свою душу ближним. Для рабочего движения нужны были средства, деньги. И папа *все деньги*, какие полагалось ему получить за чтение публичных лекций (на лекции же надо было покупать билет), все всегда отдавал на это “рабочее движение”. Ни от одной лекции денег в нашу семью не поступало. С таким условием устроителям этих лекций папа давал согласие на чтение. Мы все это знали и крепко стояли за то, чтобы все деньги шли рабочим. Мы даже упросили маму, чтобы она и нам дала какую—нибудь работу, чтобы и мы могли заработанное нами отдавать рабочим. Тогда мама сказала — хорошо, будете работать и вы, только для этого нужно быть хорошо грамотными, писать быстро и без ошибок.

Мы тогда еще занимались дома, в те времена мало кто отдавал своих детей в I класс, больше старались обучать детей дома. Мама же, сама будучи учительницей, с нами и занималась, как в классе. Она приносила из редакции какого—то журнала (кажется, “Трудовая жизнь”) большие листы текста, и мы помогали ей проверять опечатки. Но денег нам мама не давала. Два раза в год, перед Рождеством и перед Пасхой, она говорила нам: “Ну—с, собираите посылку тем детям в деревне, у которых ничего нет”. И мы расставались с любимыми игрушками, книгами, картинками и прочим, и мама все это отсыпала куда—то. Для нас это было гордостью — и мы можем помочь кому—то! Большой частью мы старались отдать все, что у нас было, но мама все—таки никогда этого не позволяла.

Но я нашла еще один способ быть полезной заработанными мной деньгами. Один из мальчиков, к нам постоянно ходивших, сказал мне, что вот как он заработал деньги: в те годы два или три раза в году собирали пожертвования на детей, погибающих от чахотки (тогда говорили “от бугорчатки”). Это был день “синего цветка”. Потом, в войну 14—17 г., стали устраивать еще и дни “белого цветка”, и еще какие—то в пользу раненых. Организовано это было так: привлекались “сборщики”, им

давалась металлическая кружка с отверстием, как бывает в копилках. Кружка была запечатана крепко и надевалась через плечо. И еще давался картонный щит размером приблизительно 60 на 60 см. На нем на простой булавочке прикреплен был цветочек в форме незабудки: в “день синего цветка”—синий; в “день белого цветка”—белый; в день помохи раненым — красный. Стоил он пятак. Сборщик ходил и продавал эти цветки, а деньги люди клали в кружку. И затем, в зависимости от суммы собранного, он получал какой-то процент из этих денег. Сборщиком мог быть любой человек, начиная с 11 лет. А мне тогда как раз исполнилось 11. Я узнала, куда надо пойти, чтобы стать сборщиком, и незадолго до “дня синего цветка” (это был какой-то день в марте) я пошла и записалась. Мне дали кружку, дали щит с цветочками и сказали, куда мне надо идти, если у меня кончатся цветочки. Это было не очень далеко от нашего дома. И еще сказали, что сборщик имеет право бесплатно ездить на трамвае и входить в любое учреждение, хоть в ресторан, хоть куда, и нигде его никто не тронет. А вечером сдать оставшиеся цветочки и кружку с деньгами. А потом ему пришлют повестку и он может прийти получить причитающуюся ему сумму. И вот я стала сборщицей. В комитете, который организовал эти сборы, я сказала, что мне пусть никаких повесток не присылают, что мне никаких процентов не надо, пусть все идет на помоху, ради которой мы эти цветочки продаем. Меня поблагодарили и сказали, что тогда они будут мне присыпать другие повестки — приглашения принять участие в другом каком-нибудь цветке. На это я согласие дала. И вот эти незабываемые дни “цветков”! Ходишь и восклицаешь: “Пожертвуйте 5 копеек на детей, ...раненых, ...слепых”. Тебе бросят в кружку, ты снимаешь цветочек, прикалываешь жертвователю, благодаришь и желаешь здоровья и счастья (это в зависимости от возраста!). И так было до революции. Мало кто бросал пятак, иные давали и бумажки, иные цветочки не брали, и эти дни летаешь как на крыльях. А помню один раз — это был день, когда я должна была идти к своей учительнице музыки на урок. Я, конечно, пошла и на урок, но она так тронута была моим занятием,

что и урока не стала спрашивать, а сунула мне в кружку что-то очень большую сумму денег. Вот когда я узнала, что можно быть счастливым человеком. А как приятно было иногда встречать особую доброту и даже благодарность за возможность пожертвовать! А один раз мне пришлось сдавать очень поздно вечером на Крестовском острове. Я сдала, и вдруг меня стали спрашивать, как это я не боюсь идти домой, когда так темно. Я сказала, что не боюсь, но они сказали — мы вас (тогда ведь “барышне” не смели сказать “ты” — хотя тебе было лишь 12 лет) отвезем. Посадили меня в автомобиль, и я поехала в первый раз в жизни в автомобиле. Так я нашла, чем и мне, как папе, можно помогать бедным.

*

... В первые годы после революции мама пошла работать в детский дом “для трудновоспитуемых” воспитательницей. Пошла тогда работать в Совдеп (Совет Депутатов) и я. Папа опять стал выступать публично. Тогда всем стало ясно, что он не является защитником атеизма. В среде революционной таких, как папа, называли богоискателями. И в этот период папа познакомился с людьми церковными и решил, что теперь он может поддерживать близкую связь. Мы часто бывали в таких местах, где собирался цвет религиозной мысли. В кругу этих людей папа появлялся всегда с мамой. Это были незабываемые беседы. Я также всегда там бывала. Я не буду называть, кто это был, — большие деятели Церкви, большие богословы — сейчас никого нет в живых. Папа вносил живую мысль в рассуждения этих людей.

В 1918 г. был собран церковный поместный собор, и папа был одним из его членов. Он был там как представитель религиозно-философского общества. В этом обществе папа был все время, какое я помню. От религиозно-философского общества папа ездил в те города, где были его отделения. Помещалось это общество (во время после революции) на квартире Ксении Анатольевны Половцовой. Это была уже конспиративная квартира, так как права на существование это общество уже не имело. В эти годы членом религиозно-философского общества состояла

и я. Здесь обсуждались многие вопросы современной философии, но все же настал момент, когда пришли туда, на квартиру Ксении Анатольевны, с обыском и правом ареста тех, кого там обнаружат. Обнаружен был там лишь один человек. Глубоко религиозный и прекрасный певец (он окончил Петроградскую консерваторию по классу пения). Пел он басом, но таким бархатным, что очаровать мог каждого. Его арестовали и привезли на Гороховую. Он был один в комнате, его стерег один часовой. Когда под утро часовой уснул, Павел Дмитриевич Васильев решил бежать. Дело было летом, он открыл окно. Второй этаж, раннее утро. И он прыгнул со второго этажа, ничего не повредив, и прибежал к нам. У нас он и скрывался какое-то длительное время. Он был затем сослан в Соловки “по делу Мейера”, но, не добравшись до Соловков, умер от сыпного тифа в Кеми, в 1929 г. Позднее, когда изменилось отношение ко многим явлениям жизни, все те, кто был выслан “по делу Мейера”, были реабилитированы. Но осталось меньше, чем пальцев на одной руке.

Вот так, кратко, без точных дат, пишу я о человеке, каких больше нет. Резюмировать я не смею. Особенности у папы были. Это — его исключительная скромность во всем, исключительное терпение всех невзгод. Поразило меня, например, и такое обстоятельство: я учились чертить, и папа нес мне чертежную доску (сама я мала была ее тащить), был сильный мороз, у папы не было даже перчаток, а идти надо было долго. На мое сочувствие папа сказал: “надо уметь все терпеть, меня этому научил Суворов”. Я тогда о Суворове знала только то, что ему стоит памятник на Суворовской площади, как полководцу. Потом я маму спросила, а когда же жил этот Суворов, что научил папу все терпеть? И тогда мама что-то дала мне прочесть о Суворове, и опять мне и самой тогда захотелось этому терпению научиться у Суворова. Зимнего пальто у папы тоже не было долго.

Вот малая капля из многоводной реки жизни Мейера Александра Александровича. На Евангелии, которое он мне подарил, выгравированы слова: “Больше сея любве

никто же имать, да кто душу свою положит за други своя". И это он исполнял всю жизнь. И для всех, кто его знал, именно знал его, а не только о нем слыхал, — для всех он жив. Свет его мысли, любви и жизнетворчества как не-преходящее пламя согревает всех нас и теперь.

12. сент. 1977 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. К. Мейер умер в 1882 г.
2. Е. Д. Мейер умерла в 1883 г. Прасковья Васильевна Тыченко родилась 10 ноября (н. стиля) 1872 г. Скончалась в эвакуации 30 октября 1942 г. в населенном пункте Банновка Чимкентского района Южно-Казахстанской области.
3. Аркадий Александрович Мейер (род. 18. 6. 1902 — † 17. 3. 1970). В Публичной библиотеке Алекс. А. Мейер работал до 1928 г.
4. Монастырь "на Званке" — скорее всего Успенский женский монастырь, расположенный в Старой Ладоге, на берегу Волхова. Впервые упоминается в 1569 г. Возобновлен в 1619 г. Большая часть построек сохранилась. В настоящее время в монастыре расположена школа.
5. Лидия Александровна Мейер обучалась в Богословском институте с первого дня его работы (24 мая 1920 г.) до закрытия института в начале мая 1922 г.
Женское монашеское Общежитие находилось на улице Конной, дом № 8. Здание сохранилось. Руководил Общежитием о. Гурий (Егоров). Происходил из крестьянской семьи, из Новгородской губернии. О. Гурий, в миру Вячеслав Михайлович, учился в Коммерческом училище в Петербурге, потом поступил в Духовную Академию, которую окончил в 1917 г. Дипломное сочинение писал под руководством проф. Титлинова, по истории Русской Церкви. В 1917 г. принял постриг с именем Гурий. В 1922 г. был арестован и сослан в Туркестан, на границу с Персией. Вернулся в 1925 г. и служил в храме Александро-Невской киновии на правом берегу Невы. В 1926 г. назначен начальником Богословского пастырского училища (размещалось в Русско-Эстонской церкви, на углу Лермонтовского проспекта и канала Грибоедова, б. Екатерининского). Здание храма сохранилось, оно занято реставрационными мастерскими). С апреля по ноябрь 1927 г. — арестован. Затем арестован 11. 12. 1928 по делу кружка "Воскресение". Был на Беломорканале. Освобожден в 1934 г., но сразу же снова сослан, на этот раз в Среднюю Азию (за посещение Ленинграда по дороге из лагеря). В 1944 г. вызван в Москву и назначен наместником Троице-Сергиевой Лавры. Поставлен во епископа Ташкентского. В 1946 г. переведен в Саратов, позже занимал кафедры Черниговскую, Днепропетровскую, Минскую, а затем назначен ми-

трополитом Ленинградским, откуда по личной просьбе переведен на более спокойную кафедру — в Симферополь, где и скончался. Погребен близ храма Всех Святых в Земле Российской просиявших, что на так называемом “Новом кладбище”, рядом с архиеп. Лукой (Войно-Ясенецким). Само кладбище было почти полностью снесено в начале—середине 80-х годов и на его месте построен стадион. Храм и незначительное число могил чудом удалось сохранить, однако недавно опять был поднят вопрос о “необходимости” уничтожения оставшейся части кладбища.

Л. А. Мейер ездила вместе с о. Гурием в Вохановский женский монастырь во имя св. Марии Магдалины, в 7 км от станции Елизаветино, в 15 км от Гатчины; существовал до 1928 г. (Монастырь находился в имении Платоновых, где, по завещанию владельцев, для его постройки специально был выделен участок земли).

6. В Соловецком лагере А. А. Мейер находился с лета 1929 по 1931 год. Л. А. Мейер и ее мать ездили к А. А. Мейеру в лагерь в 1930 г. После доследования он был сослан в Медвежьегорск.

(составил А. К.)

IV

О книге А. А. Мейера “ФИЛОСОФСКИЕ СОЧИНЕНИЯ”

Примечания Л. А. Дмитриевой

Приношу глубочайшую благодарность всем лицам, создавшим эту книгу и столь высоко оценившим творчество моего отца.

Вместе с тем не могу не обратить внимание на то, что не под силу передать никакой книге и что лишь в очень малой степени отразилось в отцовских сочинениях: обаяние его личности, высоту и благородство его духа. К сожалению, ныне осталось в живых лишь двое из тех, кому довелось испытать это непосредственно. Беспредельная скромность А. А. Мейера и теплота его любви к каждому человеку делали его другом всех.

Фотография последних лет жизни, которой открывается издание, ничего не говорит о его подлинном облике. На самом деле он был по—настоящему красив, высок ростом, имел вьющиеся каштановые волосы и добрые

карие глаза. Но самым главным и поразительным в А. А. был его голос, истинный дар слова, которым с первых звуков он умел завоевать все существо слушателя. Ни печатные или рукописные работы А. А., ни конспекты его лекций, выполненные самыми добросовестными учениками, — не в состоянии это передать.

Вся жизнь А. А. была проникнута идеей свободы и наполнена возвышенным служением этой идеи. Он был женат и имел двоих детей, но внутренней сутью его жизни была глубокая аскеза, и он жил монахом в миру, а семья лишь стремилась избавить его от повседневных забот.

Возможно, что с точки зрения исторической или социологической то, что А. А. в молодости увлекался революционными учениями и преследовался царским правительством, и имеет какое-то значение, но для понимания личности моего отца, как мне представляется, это совершенно неважно. Здесь гораздо существеннее не тот путь духовных исканий, который ему довелось преодолеть “наряду с целым поколением русской интеллигенции”, а тот результат, к которому он пришел персонально.

Теперь я хочу внести несколько конкретных исправлений и уточнений в эту книгу (с указанием страниц изд. La Presse Libre, Париж, 1982):

- 1.(с. 7) – Дата рождения А. А. 10/23 сент. 1874.
- 2.(с. 7) – Срок его ссылки в Шенкурск — 1 год.
- 3.(с. 8) – В 1905 г. А. А. был арестован в Ташкенте и отправлен в Ашхабадскую тюрьму, откуда был не освобожден, а по ходатайству жены переведен в Ташкентскую тюрьму. Из последней он бежал при помощи местных железнодорожников, после чего скрывался некоторое время в Финляндии.
- 4.(с. 9) – В редакции журнала “Трудовая помощь” работала П. В. Мейер, а сам А. А., хотя и печатался там часто, но в редакции не работал.
- 5.(с. 9) – В Императорскую Публичную Библиотеку А. А. поступил в 1908 г. и работал там в отделе Россика, с 1914 он возглавил этот отдел.

6.(с. 9) – В годы, о которых идет речь, А. А. один за другим изучил английский, испанский, итальянский, шведский, финский, голландский и польский языки. Латинским, древнегреческим, французским и немецким он прекрасно владел с детства, причем немецкий был его вторым родным языком.

7.(с. 9–11) – Преподавателем А. А. был только на Естественно–Научных курсах Лесгафта. Что касается Народного университета Н. В. Дмитриева (мне именно так запомнилось это название, об Обществе народных университетов я не слышала), то от него исходила только организация лекций моего отца, а в штате он у них не был. Сбор со всех лекций А. А. (в том числе и публичных) шел всегда на “рабочее дело”, как тогда называлось революционное движение.

8.(с. 13) – С лекциями в разные города страны А. А. ездил, насколько мне известно, исключительно по направлению Религиозно–Философского общества, в т. ч. и на Дальний Восток, а отнюдь не “по семейным делам“.

9.(с. 15) – К. А. Половцева никогда не была “второй женой” моего отца. Одно время К. А. была замужем за П. Д. Васильевым, затем они разошлись и П. Д. женился на М. П. Преображенской. Дружба К. А. с моим отцом продолжалась до самой его смерти, но женой А. А. Мейера, первой и единственной, была только моя мать — П. В. Мейер.

10. (с. 20) – По распоряжению Н. А. Морозова, жалование отца после его ареста выплачивалось нашей семье не “до окончательного утверждения приговора“, а до окончания Института инженеров путей сообщения моим братом Аркадием в дек. 1929.

11. (с. 21) – Дата кончины А. А. — 18 июня 1939 г.

12. (с. 453) – Описанный Е. Н. Федотовой эпизод, “имеющий глубокое мистическое значение“, (встреча А. А., везомого в “тюремной карете“, с В. С. Соловьевым) — вряд ли мог быть на самом деле. Через Москву А. А. не везли, а из Одессы в Архангельскую губ. он шел пешим этапом вместе с уголовными через западные районы страны (Гродно, Новгород, Вологду), не заходя в крупные

населенные пункты. Долгих лет ссылки, о которых пишет Е. Н., также не было: был 1 год; в Туркестане А. А. жил вольным и издавал там газеты, а не “занимался самообразованием”.

В заключение к сказанному хочу добавить еще одно, быть может, наиболее существенное. Привожу молитву А. А. Мейера для всех, 1923–29 г. :

Просим Тебя, Христос, Учитель,
Сделать сердца наши чистыми
От всякого страха человеческого;
Ибо в страхе неправда.
Да будем свободны по воле Твоей,
Да будем свободны в любви Твоей.
Свободны во всех путях наших к Тебе.
Не уклони, Господи, путей наших.
Дай нам крепость сердца, силу жизни,
И вольное дерзновение, даже до смерти.
Пошли изгоняющую страх совершенную
любовь,
Совершенную любовь пошли нам, Господи,
Упование и радость мира.
Господи, помоги нам,
Протяни руку каждому из нас
И не дай погибнуть тому, что было.
Укрепи соединение наше,
Скуй цепь нашу крепче,
Чтобы ничто не могло разорвать ее.
Веди нас, куда знаешь,
Но не покинь в пустыне.
Научи нас жить в Тебе, служить Тебе
И умереть ради Тебя.
Себя, друг друга и всю нашу жизнь
Научи, Господи, Тебе предавать. (*трижды*)

(Затем следовала молитва 3-го часа, также повторяемая трижды)

Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолам Твоим ниспославый, того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас, молящихся.

(А затем молитва вечерняя) :

Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух святый, Троица Святая, слава Тебе.

ДВА ПИСЬМА СВЯЩ. ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО
Н. Н. ГЛУБОКОВСКОМУ

Два публикуемые ныне письма о. Павла Флоренского по времени написания отделены одно от другого более чем четырнадцатью месяцами. Первое из писем отправлено вскоре после переезда в Сергиев Посад из Петербурга выдающегося современника о. Павла — Василия Васильевича Розанова. Розанов приехал в Сергиев осенью 1917 г. и поселился в доме, арендованном у священника Беляева.¹ “Дом был большой, неуклюжий, верх деревянный. Внизу помещалась большая комната-столовая, сырая, с зелеными пятнами по углам ... наверху было пять комнат, одна большая, в которой был ... кабинет и впоследствии размещалась ... библиотека, в других комнатах были ... спальни.”² Несколько позже дочь Розанова Татьяна перевезла из Петрограда в Сергиев книги и рукописи отца, хранившиеся в Александро-Невской Лавре у профессора Духовной Академии Зарина. Вскоре после ее приезда в Сергиев в Петрограде произошел Октябрьский переворот; тогда же Розанов начинает работу над последней своей книгой “Апокалипсис нашего времени”³ Лишенные средств к существованию, Розанов и его семья жили в основном “продажей вещей, мебели, книг, изредка кто-нибудь присыпал продукты”⁴ Найти работу смогла лишь одна из дочерей — Татьяна, служившая машинисткой в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Ученым секретарем комиссии и хранителем ризницы был Павел Флоренский.⁵ В начале осени 1918 г. сын Розанова Василий с сестрой Варей уезжают, спасаясь от голода, на Украину, но в Курске Василий заболевает и умирает спустя три дня.⁶ Розанов “... страшно изменился после его смерти, и единственное его утешение было — дружба с П. А. Флоренским и Олсуфьевым. Два факта — смерть сына и потеря самых любимых монет, с которыми он никогда не расставался, вечно любуясь на них, сильно на него подействовали... Однажды он пошел в баню, а на обратном пути с ним случился удар, — он упал в канаву, недалеко от нашего дома, и его уже кто-то на дороге

опознал и принес домой".⁷ Розанов не перенес удара и вскоре скончался.⁸ Описание последних часов его жизни и погребения содержится во втором письме о. Павла.

Сегодня, когда кажется окончательно решен вопрос о возвращении Церкви Черниговского скита — места упокоения К. Н. Леонтьева и В. В. Розанова, мы считаем необходимым собрать вместе все известные нам описания последних часов жизни и похорон Розанова, что, надеемся, сможет помочь поиску и установлению местонахождения их могил.⁹ С другой стороны, воспоминания эти должны послужить пресечению слухов, распространявшихся вскоре после смерти Розанова, о том, что перед кончиной он поклонился Озирису, Изиде, Апису и Астарте.¹⁰ Тексты этих воспоминаний приводятся в примечаниях к основной публикации.

Примечания к вступлению

1. В. В. Розанов приехал в Сергиев в сентябре 1917 г. Дом Беляева подыскал для семьи Розанова о. П. Флоренский. Дом сохранился — ул. Полевая, дом 1.
2. Цитируется по: “Воспоминания об отце — Василии Васильевиче Розанове и всей семье” Татьяны Васильевны Розановой (машинопись, частное собрание). Опубликовано в отрывках в “Новом журнале” и “Вестнике РСХД”. Далее — “Восп. Т. В. Р.”
3. “Апокалипсис...” вышел в Сергиевом Посаде в 1917 г. (№№ 1 и 2) и в 1918 г. (№№ 3 по 10) в типографии И. Иванова. Распродавался через книжный магазин Михаила Савельевича Елоева. Переиздан в эмиграции: “Версты” №2, Париж, 1927. Выпуски 1–9 (стр. 294–352), с предисловием П. П. Сувчинского (стр. 288–293).
4. “Воспом. Т.В.Р.” — Вместе с Розановым в Сергиеве жили: его жена Варвара Дмитриевна (ур. Руднева, в первом замужестве Бутягина), сын Василий (1899–1918), дочери Татьяна (1895–1975), Вера (1896?–1919), Варвара (1898–1943), Надежда (1900–1956) и падчерица Розанова Александра (Аля) Михайловна Бутягина (†1920). Аля и Вера были похоронены рядом с В. В. Розановым.
5. Комиссия действовала с 1 ноября 1918 г. по 15 января 1925 г. Отец Павел был приглашен в Комиссию 22 октября 1918 г. В эти годы им создано несколько работ по древнерусскому искусству: “Троице–Сергиева Лавра и Россия”, “Обратная перспектива”, “Храмовое действие как синтез искусств”, “Небесные знамения”, “Моленные иконы Преподобного Сергия”, а также собран материал к книге “Опись панагий Троице–Сергиевой Лавры”.

6. Василий умер 9 октября 1918 г. и был похоронен в Курске.
7. "Восп. Т.В.Р." — Розанов многие годы коллекционировал монеты, в его собрании насчитывалось около 6000 греческих и римских монет, научным описанием и классификацией которых он занимался много лет. П. Флоренский советовал ему издать книгу об этой коллекции. После революции Розанов не смог получить обратно свою коллекцию, сданную частично на склад, а частично в Государственный Банк — на хранение. Однако, с тремя золотыми монетами он никогда не расставался — носил их в кармане брюк и часто ими любовался. Они были украдены на вокзале в Москве, во время переезда в Сергиев.
8. Скончался В. В. Розанов 23 января (ст. стиля) 1919 г., в четверг, в 12 часов дня.
9. Черниговский скит находится в четырех километрах от Лавры. Основан в середине XIX в. Здесь часто бывали П. А. Флоренский, М. В. Нестеров, С. Н. Булгаков, М. А. Новоселов. В 1891 г. здесь был похоронен К. Н. Леонтьев († 12 ноября). Розанов завещал похоронить себя рядом с К. Леонтьевым. Там же были погребены и дочь Розанова Вера († 1919), и его падчерица Александра († 20 декабря 1920). В 1923 г. скитское кладбище было срыто, а надгробие Леонтьева и крест на могиле Розанова уничтожены. В настоящее время предпринимаются попытки определить место их захоронения.
10. Первым писал о необходимости опровержения подобных слухов Э. Ф. Голлербах. Один из таких рассказов занесен в дневник бывшего секретаря Религиозно-Философского общества. Сергея Платоновича Каблукова (1881–1919). 23 апреля 1919 г. Зинаида Гиппиус посетила в Петрограде тяжело больного Каблукова и среди прочих новостей поведала о некоторых подробностях кончины Розанова. На следующий день Каблуков отмечает в дневнике: "24.04. Из вчерашних рассказов З. Н. Гиппиус. /.../ 9. Осмерти В. В. Розанова. Умирал он по чину: соборовался, исповедался и причастился. Когда все это было исполнено, он сказал: ну хорошо, а теперь поднимите меня, я помолюсь "своему" (или "моему") Богу. И далее произошло нечто неописуемое и непристойное. Все были поражены". (Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 322, № 63, лл. 108–109).

ПИСЬМО 1

1917.X.20. Сер[иев] Под[аг] 1

Крайне виноват перед Вами, глубокоуважаемый Николай Никанорович, своим длительным молчанием, но непрестанная занятость, постоянные посетители, церковные службы и семья до такой степени мешают переписке, что я действительно физически не способен иногда целыми месяцами написать письмо. Спешу, теперь, ответить на Ваши вопросы, а пока что — прошу принять от меня несколько брошюр (среди них имеется и рецензия на Завитневича),² посланных сегодня с прaporщиком А. Репловским.

Относительно знаменитого примечания, касающегося Вас, ничего не могу сообщить, ибо ни рукописи, ни корректуры не имею, да и не имел (они остались в руках Автора). А восстановить его теперь, после стольких утекших времен и пронесшихся бурных событий решительно не в состоянии. Ведь я не обладаю Вашей алмазной памятью, неизгладимо сохраняющей все прошедшее через сознание, и забываю очень скоро все подробности, оставляя в уме лишь общие отношения. О диссертации своей “О Духовной Истине” я хотел бы сказать лишь то, что ни в ней, ни где бы то ни было я, в угоду кому бы то ни было, не писал ни одной запятой.³ Но [неразб.] существенно [неразб.] книги моей пришлось поступиться, не потому, чтобы я боялся Св. Синода, а потому, что я не был в нравственном праве требовать Синодской санкции тем сторонам своей книги, которые казались моему рецензенту недостойными таковой, и это пишу по чистой совести: я не позволю стеснять своей совести и своей мысли никому, но потому не хочу насиливать и чужой совести и чужого разумения, хотя бы они и казались мне [неразб.]

Итак, что же опущено в “О Духовной Истине” сравнительно со “Столпом и Утверждением Истины”?⁴ Во-первых лирические места. В моем понимании, эти места были не украшением, [неразб.] в книге, а методологическими прологами [неразб.] глав. Удались ли эти места, судить не мне. Но хотел я именно таких вступлений, подготавляю-

щих читателя к пониманию доктринальных и философских построений. Далее, опущен ряд глав. писем, как мне кажется, представляющих собою философско-богословский *тέλος*⁵ книги. И это сделано не без боли. Что же касается до примечаний, то их сокращение обусловлено исключительно экономическими соображениями — ради дешевизны вторичного набора, и следовательно эти сокращения м[огут] б[ыть] и ущербны для материальной пользы книги, со стороны идейной не представляют важности и должны рассматриваться как *адιάφερον*.⁶

Итак, если Вам угодно сделать мне честь [неразб.] моих методов и воззрений, то желательно, чтобы таковое было на основании “Столпа”, а не “О духовной жизни”. Но к сожалению у меня нет ни одного экземпляра “Столпа” и [неразб.] Вас таковым я не могу, а достанете ли Вы [неразб.] его — не знаю.

Вас. Вас. Розанов с семьей спаслись в Москве и живут здесь. Вас. Вас. часто вспоминает Вас и почему-то питает к Вам исключительную нежность и уважение, — делая для Вас едва ли не единственное исключение из всей духовной школы. При свидании с ним не премину передать ему Ваш привет, который будет ему приятен. Вам же желаю доброго здоровья и спокойствия, в нынешнее неспокойное время.

С уважением Ваш священник Павел Флоренский.

1917.X.26 — четверг.

P.S. Говорят, письма с титулами пропадают. Посему пишу без “Е.В.”

ПИСЬМО 2

1919.III.13.⁷

Многоуважаемый Николай Никанорович!

Рад был получить от Вас весточку и узнать что Вы живы. Ведь ни о ком ничего не знаешь. Василий Вас. Розанов скончался, скончался мирно и благочестно, за время болезни несколько раз причащался и соборовался. От своих убеждений он не отрекался, но как-то совместил в себе радость благодати — ибо он таинственно был крещен за время болезни — и свои думы о важности рождения.⁸ Погребение его было бедное, чтобы не сказать убогое; везли его на розвальнях, [неразб.]. Но все было благостно и светло, — тепло, искренно и красиво. Пишите о своем обзоре русской богословской литературы, страстно жду ее, но пока не дождался. Не пропала ли книга [неразб.]

— Что до меня то я всецело занят комиссией по охране Лавры⁹ [далее неразб.]

Господь да хранит Вас.

Ваш искрен. священ. П. Флоренский

Примечания к письмам

Оба письма публикуются полностью впервые. (Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 194, оп. I, № 891).

1. Письмо без конверта. Написано на сложенном пополам листе бумаги.
2. Речь идет о рецензии на книгу Владимира Зеноновича Завитневича (1853–1927) “Алексей Степанович Хомяков”, тт. I в 2-х книгах и II, Киев, 1902–13 гг. Рецензия Флоренского вышла в 1916 г. в журнале “Богословский вестник”, редактором которого он был с сентября 1912 по май 1917 г. (“В. З. Завитневич. Алексей Степанович Хомяков”. См. *Богословский вестник*, 1916, II, 7/8, с. 516–581).
3. Работу “О духовной Истине” о. Павел подал 5 апреля 1912 г. в совет Московской Духовной академии в качестве сочинения для защиты на степень магистра богословия. См.: “О духовной Истине. Опыт православной теодицеи”, Москва, 1913, с. 534 + LXIII. Диссертация была защищена 19 мая 1914 г., оппонентами были епископ Феодор (Поз-

деевский) и профессор Академии С. С. Глаголев. См.: Игумен Андроник. Священник Павел Флоренский — профессор Московской Духовной Академии и редактор “Богословского вестника”. — В кн.: “Богословские Труды”, Сб. 28, М., 1987, с. 296–300.

4. Полный вариант книги “Столп и утверждение Истины” впервые был выпущен в Москве издательством “Путь” в 1914 г. (814 сс.) и трижды переиздавался — в Берлине (1929), в Англии (1970) и в издательстве *Utna-Press*, Париж (1989).

5. *τέλος*, — *τό* = цель, достижение.

6. *αδιάφερον* = спорный пункт.

7. *На почтовой карточке с оплаченным ответом:*

“Петроград

Профессору Николаю Никаноровичу Глубоковскому
Невский проспект д. 186, кв. 5“

Рукой Глубоковского:

“Получено 1919, III, 18 (31) [неразб.]
Н. Глубоковский“

8. См. ниже отрывок из письма Флоренского к М. В. Нестерову.

9. См. примечание № 5 к “Вступлению”.

Приложение:

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В. В. РОЗАНОВА

Ниже приводим все известные нам упоминания о последних часах жизни и погребении В. В. Розанова.

1.

Из воспоминаний Т. В. Розановой

В ночь с 22 на 23 января 1919 г. старого стиля (5 февраля н. с.) отцу стало совсем плохо. Надя осталась с ним ночевать и прилегла рядом. Я вошла в его комнату и увидела, что у него уже закатились глаза. Тогда я сказала Надя: “Беги за священником”. Надя побежала к Флоренским, но не могла к нему достучаться, тогда она

побежала в Рождественский переулок, к отцу Александру. Он тотчас же пришел, но отец уже говорить не мог, и ему дали глухую исповедь и причастили. Это была среда. Рано утром в четверг пришел П. А. Флоренский, Софья Владимировна Олсуфьевна и С. Н. Дурылин. Мама, Надя и я, а также все остальные стояли у папиной постели.

Софья Владимировна принесла от раки Сергея Преподобного плат и положила ему на голову. Он тихо стал отходить, не метался, не стонал. Софья Владимировна встала на колени и начала читать отходную молитву, в это время отец как-то зажмурился и горько улыбнулся — точно видел смерть и испытал что-то горькое, а затем трижды спокойно вздохнул, по лицу разлилась удивительная улыбка, какое-то прямо сияние, и он испустил дух. Было около 12 часов дня, четверг, 23 января старого стиля. П. А. Флоренский вторично прочитал отходную молитву, в третий раз — я. Мы молча стояли у его постели и смотрели на его лицо.

Отпевать его повезли в приходскую церковь Михаила Архангела, близ нашего дома. Отпевали его три иерея: священник Соловьев, очень добрый, простой, сердечный батюшка, Павел Александрович Флоренский и инспектор Духовной Академии, архимандрит Илларион, будущий епископ (впоследствии он был сослан и по дороге в ссылку скончался в больнице). Отец при жизни часто у него бывал, они дружили.

Хлопоты по похоронам взяла на себя Софья Владимировна Олсуфьевна, она достала разрешение похоронить его на Черниговском кладбище, среди могил монахов монастыря, рядом с могилой Константина Леонтьева, близкого нам по духу друга моего отца. Свезли отца на дровнях, покрытых елочками, на кладбище в Черниговский скит. Там встретила его монашеская братия с колокольным звоном...

2.

Из воспоминаний Надежды Васильевны Розановой

Священник о. Павел Рождественский пришел первым и причащал В. В. Розанова и читал отходную... Пришел о. Павел Флоренский. Он прямо прошел к В. В. и стал читать отходную. В. В. Р. слышал и пытался говорить. Стонать перестал, лежал тихо, раскрыв широко глаза. О. Павел просидел до 11 час. утра. В 12 пришел С. Н. Дурылин и С. В. Олсуфьева. С. В. Олсуфьева положила на голову покров, снятый с изголовья преп. Сергия, и мы все молились, стоя на коленях, а С. В. читала молитвы. Дыхание В. В. Р. становилось слабее, слабее, он улыбался радостно, потом тень прошла по его лицу, и он тихо, незаметно умер. Было 23 янв. (5 февр.), среда 1919 г.

*(Публикуется по копии с дневника Н. В. Розановой.
Фонд М. А. и Т. Г. Цявловских. ЦГАЛИ. Опубликовано впервые
в журнале "Литературная учеба", № 1/1990)*

Умер он совсем тихо ; радостно, радостно со всеми простился. 4 раза он причащался, 1 раз его соборовали, три раза над ним читали отходную, во время которой он скончался. За неск. минут до † ему положили пелену, снятую с изголовия с мощей преп. Сергия, и он тихо, тихо заснул под ней.

Похоронили его в монастыре Черниговской Божией Матери, рядом с К. Н. Леонтьевым. Много, много чудесного открыла его кончина и его последние дни и даже похороны.

*(Из письма Н. В. Розановой П. П. Перцову от 6 февраля 1919 г.
ЦГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, ег. хр. 191.
Опубликовано впервые в журнале "Литературная учеба"
№ 1/1990, стр. 88 Евг. Ивановой)*

3.

Из письма В. Д. Розановой дочери Александре

Милая, дорогая Шура! О смерти не пишу, дети напишут. Он тебя каждый день ждал, за день до смерти перестал говорить о тебе. Умер, как христианин. Смерть очень тихая, четыре раза приобщался, маслом соборовался, три отходных было, от Сергия Преподобного воздух положили на главу его, и он как бы заснул, улыбка светлая была три раза...

*(Письмо написано Н. В. Розановой 10 февр. под dictовку.
Печатается по "Воспоминаниям..." Т. В. Розановой,
см. прим. 2 к Вступлению)*

4.

Из письма П. А. Флоренского М. В. Нестерову

... Начну с Вас. Вас. Да, он умер 23 января 1919 г. после одной из бань, решительно ему запрещенных, его постиг удар; в параличном состоянии он пролежал несколько месяцев, очень неистовствуя и измучив родных. Но наряду с делами почти безумными с ним происходил и благотворный духовный процесс: В. В-ч постигал то, что было ему непонятно всю жизнь. Он тонул в бесконечно холодной воде Стиksа, тосковал "хотя бы об одной сухой нитке от Бога", между тем как стикийские воды проникали все его существо. "Вот каким страшным крещением сподобил меня Бог креститься под конец жизни", — сказал он мне при посещении его. Потом у него началось странное видение: "все зачеркнуто крестом". Я: "У вас двоится в глазах, В. В.?" — "Да, физически двоится, а духовно все учетверяется, на всем крест. Это очень странно, очень интересно". Мне он продиктовал нечто в египетском духе на тему о переходе в вечность и об обожествлении усопшего: "Я — Озирис и т. д." Много раз приобщался и просил его соборовать, он нашел тут священника о. Павла себе по нутру. Твердил много раз, что он ни от чего не

отрекается, что размножение есть величайшая тайна жизни; но принял как-то и Христа. Были у него какие-то страшные видения. Когда увиделся с ним в последний раз, за несколько часов до смерти, то В. В-ч встретил меня смутно — уже прошептанными словами: “Как я был глуп, как я не понимал Христа”. За последнее слово не ручаюсь, но судя по всем другим разговорам, оно было сказано именно так. То, что он говорил затем, я уже не мог разобрать. Это были его последние слова... Погребение его было скромное—прескромное, но очень благообразное и красивое. Собрались только самые близкие друзья, бывшие в Посаде. И гроб — Вы знаете, как тут трудно добыть гроб, — попался ему изысканный: выкрашенный фиолетово—коричневой краской, вроде иконной чернели, как бывает иногда очень дорогой шоколад, с фиолетиной, и слегка украшенный — крестиком из серебряного галуна. Повезли мы В. В-ча на розальнях, по снегу, в лиkующий солнечный день к Черниговской и похоронили бок о бок с К. Леонтьевым, его наставником и другом. Все было мирно и благолепно, без мишуры, без красивых слов, подружески сосредоточенно... Для могильного креста я предложил надпись из Апокалипсиса, на котором В. В-ч последнее время [пропущено слово] и на котором мирился со всем ходом мировой истории: “Праведны и истинны все пути Твои, Господи”.

*(Печатается по тексту доклада П. В. Палиевского
“Розанов и Флоренский”, прочитанного на международном
симпозиуме, посвященном жизни и творчеству П. Флоренского.*

*“П. А. Флоренский и культура его времени” .
Бергамо. Италия. 10-14 января 1988 г.
Опубликовано впервые в тексте этого доклада в журнале
“Литературная учеба”. № 1/1989)*

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Сергей СТРАТАНОВСКИЙ

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

I

С болью наедине,
С Богом наедине
Страшно оставаться мне —
Зверю Его охот,
Рыбе Его тенёт.

II

... Я вернулся из провинции потрясенным.
Там в меня бросали комья грязи,
И толпа разъяренная орала:
“Убрайся вон, оккупант!

Это твои легионы, Луций,
Наших прадедов свободу потоптали.
Не забыли мы об этом, пес имперский,
Да воздастся вам, агрессорам, сторицей!”

Я вернулся потрясенный в столицу,
Я пришел к императору в покой,
Я сказал ему: “Плохо дело, кесарь.”
“Плохо дело, Луций, — сказал император, —

Мне сегодня напророчила сивилла,
Что погибнет Рим — краса вселенной.
И забудется в глуши веков грядущих
Даже имя нашего народа“.

III

В какие канули пространства
Твои крестьянство и дворянство,
Твое духовенство
и Твое чиновничество,
И Оптино Пустыни белые, белые стены,
И к мощам исцеляющим —
massовые паломничества?

Нынс девы безумные — Злость и Обида
Хмуро бредут по Твоим дорогам.
Спросят: а где же отмеченность Богом,
хлебный экспорт, соборность, купечество?
Я не отвечу. Я тебя не умею судить,
Отечество.

1990 г.

Петр ВЕГИН *

* * *

Звезда далекая, дрожащая,
над головой моей нависшая,
ты искра страшного пожарища
иль искра счастья наивысшего?

Как женщина, в ночи лежащая
своим присутствием излечивающая,
где — непонятно — настоящая:
дарующая иль калечащая?

Куда тебя несет нелегкая,
твое Сиятельство, Высочество,
ты может тоже одинокая
и светишься от одиночества?

Я помню — звался свет по имени,
был женщиной, спасал от нечисти...
Не опускайся к нам, не вымокни
в слезах ночного человечества.

Прости меня, что свет твой пользую,
звезда дрожащая, непознанная,
прости меня за все несозданное
и Господа — за все, что создано...

1989

* Петр Вегин — с осени 1989 г. живет в США. До этого — видный советский поэт, автор многих лирических сборников.

* * *

Не надоело ли ночью ворочаться,
старый бродяга, певец, дон-кихот?
Плачешь в утайку,
да громко хохочется.
Что там пророчества,
коль одиночество
вместо невесты любит и ждет?

Кто вас придумал,
страсты молельные —
душу вымачивать в горьких словах,
из-за которых полпоколения
гнутся в чужбине и в лагерях?

Нам — исполать.

Что-то рухнуло начисто,
криком взметнувшись до облаков —
то ли пророчество, то ль одиночество,
то ли любовь...

1990

Заполночь, с Богом наедине,
слышу как бьется на веретене
парки — моя судьба.
Крепкая нить, шершавая нить,
хочется думать, что перекусить
ведьма будет слаба.

Обувь сними и пыль отряхни...
Мать закрывала глаза на твои
чертовы чудеса...
Матери нету. Не хочется знать,
что на меня, но не как мать,
Бог закрывает глаза.

Смерть умерла. Жизнь не живет.
Только два мальчика гонят вперед
кбней на водопой..
Тихо зеленая речка течет.
Вот и меня к этой речке ведет
ангелов белый конвой...

1990

* * *

В малолюдной церкви,
в облетевшей роще
понимаешь четко и спокойно —
жизнь под горку, словно детский почерк,
и торчит под звездным многоточьем
одиночество умолкшей колокольней.

От своих уставших заморочек,
без страны, где плачут соловьи,
ключ найдя, я потерял замочек...
Господи, чего-нибудь попроще —
если смерти нет, то дай любви...

1990

* * *

Нынче медно-зеркальное солнце,
И, как темным колодезем, дым
Вдоль стволов в световое оконце
Шел миндальным столпом винтовым.

Жгут листву, и беспрепетно древо!..
... Сколь нешумно Твое торжество.
Богородица, радуйся, Дева,
Наступило Твое Рождество.

За окладами елей столетних
Облака розовой и нежней.
Стал на воздухе в травах последних
Запах темной крапивы слышней.

От сиреневых, палевых сосен
Вкось неяркая тень пролегла...
Даже вид наш, наверно, несносен
Стал Тебе, а не то что дела...

Сколько лет Ты от нас в отдаленьи!
Нас детьми от Тебя увеличи.
Чуть не век, будто на поселеньи
Пробыла Ты за краем земли...

С той фатальной ошибки российской
Мы в посмертном долгу пред Тобой,
Но склони же свой плат византийский
К голове моей полуседой:

* Московская поэтесса, автор двух сборников лирики и многих стихотворных публикаций в периодике. За рубежом печатается впервые.

Обрати свое сердце к затворам,
К тем, где даже и слезы не льют,
Где овчарку с уклончивым взором
Инородцы—солдаты ведут.

* * *

О, ярким утром в сентябре
Еще полуприкрытый тенью
На переделкинской горе
Телесный храм Преображенья!
Столь древен и столь дик на вид
Сад за церковною калиткой,
Что весь предел восточный скрыт
Сплошною теневой накидкой.
И лишь по трем—пяти местам
Сквозь ель гигантскую пролеты —
Легли под купол через храм
Изысканные пятна света.
Сыновний куполок блестит
Оливково от крон недальных,
Но и на нем уже дрожит
С фасада свет — в мазках зеркальных.

Вот свет дошел и к голубям,
взблеснувшим сизым перламутром...
Так тихо источает храм
Тепло, надышанное утром,
Чуть слышный, сложный аромат
Резных убранств и одеяний,
Задутых свечек тонкий чад
Да скудный ладан службы ранней...
И чудится, воздушный ток
Несет из скважины замочной
И мглу кладбищенских дорог
И гарь составов полуночных,

И дым печной, и тлен листвы
При поздних пасмурных восходах,
И запах сохнущей ботвы
Картофельной на огородах...

А голуби сквозь забытьё
Бормочут, сдерживая голос,
И вдёт в чугунное литьё
Калитки — алый гладиолус...
Но что за странный звук глухой,
Достаточно однообразный?
Кто там раскрытою рукой
Всё бьёт по дверце безучастной,
Не так, как бьёт из нас любой, —
Так бьют отбитыми руками
И с нелюдской уже мольбой...
И так долбят тюремный камень...
Вон сбоку там, где дверь в стене
Ладонью страшной бьёт негулко
В плаще, в платке, спиной ко мне...
То местной дурочки фигурка.

И весь тот срок, пока я шла
Отсюда — вниз к одной могиле,
Потом назад, — она ждала...
И ей, как сказано, открыли.
И кто-то в ряске щегольской
Держа запоры, видно снова
Вскипел душою молодой
От постоянства столь тупого.
Зачем, зачем она чуть свет
Стучится с силой хулиганской,
Как вестница грядущих бед,
И, может быть, войны гражданской?
Не видит, что ли — храм закрыт...
И он, в смущенье и досаде
Ей сочным голосом твердит:
“Уйди отсюда, Христа ради!“

* * *

Ты существуешь. Мне сказала это
(Ты существуешь. Мы не умираем!) —
Та на закате яркая планета
Меж яблоней и сливой над сараем.

И в нежном зимнем сумраке равнины
Вняла я этой вести с небосвода,
Хотя вчера прошли сороковины
С немыслимого твоего ухода.

И за твою жизнью, просиявшей
Над тем, что в этом мире стало мною,
Рвалась и я, с моей почти пропавшей,
С моей, почти погибшею, душою.

Но эта весть из синей тьмы свободной,
Но родственный за мной призор вселенский!..
Внизу, сквозь куст рябины черноплодной
Глядит фонарь последний деревенский.

И темный драгоценный снежный воздух,
Осиновыми пахнущий дровами,
Дошел ко мне блиставшими при звездах
Можайскими несметными лесами.

Какие тайны есть на белом свете!..
Еще вчера проснулась я в тревоге,
И сердце шло во мне, как ходят дети
В ботинках по промерзнувшей дороге.

И видела я плача, обмирая,
И глянцевую кожу рук истертых,
И то, как без тебя лежат, родная,
Те бедные очки для дальновидных.

ПАМЯТИ ЮРИЯ СЕЛИВЕРСТОВА *

Сквозь пролеты моста
Осиянный собор
Промелькнул, как виденье.
Только тень от Креста
На чело вдруг легла,
Отлетела мгновенно...

Или это твоя
Отлетела душа
К заповедным пределам?
В небывалый простор,
Оборвав разговор,
Разлученная с телом.

Разделенный с тобой
Неизбытной судьбой,
Я как в воду опущен.
Та же ночь надо мной
Захлебнется волной.
Чую холод гнетущий.

Но тебя этот Стикс
Не страшит, ибо спиши
Вечным сном, безответно.
Смертью жизнь спасена,
Отлетела душа,
Будто якорь бессмертья!

* Художник-график Юрий Селиверстов, скончавшийся в Москве в 1990-м году. См. о нем статью В. Амурского в "Вестнике РХД" № 120.

— Будто дым от костра,
Будто взор, от лица
Отведенный устало.
Опустел твой собор,
И притворы, и двор —
Ибо вечность настала.

июнь 1990 г., Париж

О “ПОЛНОЧНЫХ СТИХАХ” *

Выбор темы обусловлен, в первую очередь, одной репликой из моего парижского общения с Анной Ахматовой, и потому мне придется начать нескромно “*pro domo sua*”. В третий мой, предотъездный визит к Анне Андреевне я принес подарок для передачи Надежде Яковлевне Мандельштам (главной виновнице нашей встречи) и заодно спросил Анну Андреевну, как она считает, писать ли мне книгу о Мандельштаме? Анна Андреевна отчеканила — как сейчас слышу глухие шипящие звуки ее произношения: “Конечно, пишите”, — и тут же прибавила: “а я вас благословляю писать о “Полночных стихах”. Накануне мы расстались в полночь, после длинной четырехчасовой беседы о стихах, с ее незабываемым чтением (в том числе и из “Полночных стихов”), и я в то утро смутно понял, что наказ мне дан не случайно, а как итог нашего общения.¹

Прошло четверть века, книгу о Мандельштаме я в свое время написал,² а вот пожелание Ахматовой исполняю лишь по случаю ее столетия, и то лишь в виде краткого доклада. Завороженность “Полночными стихами” за эти годы не слабела, только росла, но в то же время проникновения в их смысл не прибавлялось. Не так обстояло дело с “Поэ мой без героя”. При первом чтении я ее нашел, как многие, сложной и не всегда понятной, но при более близком знакомстве, и, надо признаться, при помощи исследований Р. Тименчика, В. Топорова, Т. Цивьян и др., смысл ее прояснился, так что теперь она мне кажется почти насквозь прозрачной. С “Полночными сти-

* Доклад, прочитанный на юбилейной конференции, устроенной Гарвардским университетом в Bellagio (Италия) в мае 1989 г. В английском переводе будет напечатан в сборнике Гарвардского университета, посвященном этой конференции.

хами” этого не произошло. Литература о них невелика, и они остаются для меня, как и прежде, таинственными.

*

Непонятность стихотворения не должна смущать: она эстетическая категория, и даже прозрачные стихи всегда, в какой-то мере, по ту сторону прямого смысла. Малларме определял стихотворение как ребус, к которому читатель должен отыскивать ключ, причем существенно не столько нахождение ключа, сколько процесс его поиска. Парамадоксальнее выразился другой французский поэт, Поль Клодель, в прологе к своему огромному драматическому полотну “Le soulier de satin” (Атласный башмачок), заявляя зрителям, что “самое красивое будет вероятно то, что вы не поймете”.

Анна Ахматова любила говорить, что “Полночные стихи” — лучшее, что она когда-либо написала. Не знаю, должны ли мы соглашаться с самооценкой автора, часто склонного выделять свое последнее по времени произведение, но нельзя не признать, что этот цикл поразительно завершает творческий ее путь. И даже больше: есть в этом цикле нечто исключительное во всей русской (а может быть и мировой) поэзии. Ни один русский поэт не сохранил в преклонном возрасте такую поэтическую свежесть и силу, как 74-летняя Ахматова. “Прекрасная старая дама”, как ее назвал в одном из своих стихотворений А. Найман, на склоне лет писала не старческие “халатные” стихи, как князь П. Вяземский (правда переживший ее на целых десять лет), не пронзительно скорбные, как Ф. Тютчев, и даже не величественно-умудренные, как А. Фет, а непосредственно лирические, вроде бы “любовные стихи”, оставляющие читателя иной раз в недоумении (“как, в ее возрасте...”)

*

По форме “Полночные стихи” представляют собой подлинный лирический цикл: семь объединенных между собой стихотворений. В первый период (1909–1925) у Ахматовой мы встречаем лишь двусторочатые или трехсторочатые стихи. Тяготение к организации стихотворного материала, к преодолению малой формы и фрагментарности, появилось у нее естественно во второй период

(1940–1965), чаще всего в виде перегруппировки по теме (“Тайны ремесла”, “Венок мертвым”, отчасти “Реквием”) стихотворений, написанных в разные годы, на сравнительно большом временном пространстве. Спонтанных циклов, не организованных *a posteriori*, а образовавшихся за короткий срок, у Ахматовой только два: “*Cinque*”, написанный за полтора месяца между 26 ноября 1945 г. и 11 января 1946, и “Полночные стихи”, на которые потребовалось немногим больше шести месяцев (если не считать “послесловья”), с 10 марта по 13 сентября 1964 г.

В виде подзаголовка Ахматова сочла нужным обозначить “семь стихотворений”. Как известно, это число означает совершенную, заключенную в себе полноту и носит печать библейской сакральной символики — от семи дней творения до многократного использования этого образа в “Откровении” Иоанна Богослова (семь церквей, семь печатей, семь труб). Ахматова подводила итог своим судьбе и творчеству через это число: “Седьмая книга” непомерно разрослась по сравнению с шестью предыдущими, потому что Ахматова не хотела допустить образования восьмой; не состоявшийся в полном объеме цикл “Северные элегии” задумывался как седмеричный: “Их будет семь, я так решила”.³ Семь полунощных стихотворений как бы последнее слово Ахматовой, завершение ее лирики. После них она напишет еще несколько прекрасных стихотворений на случай (например, на смерть подруги детства В. Срезневской, или в связи с поездкой в Выборг), но это будут стихи антологического характера.

*

Сама Ахматова любила подчеркивать загадочность всего цикла: “Даже мой первый читатель не может понять, кому они посвящены”.⁴ Принято считать, что одним из толчков к “Полночным стихам” был Анатолий Генрихович Найман, ставший за год–два до этого ее личным секретарем. С некоторым несправедливым раздражением, а может быть и не без женской ревности, Н. Я. Мандельштам писала, что они посвящены “мальчишке третьего сорта”.⁵ Не отрицая личной историко–литературной заслуги А. Наймана, непосредственного, вероятно, виновника “Полночных стихов” и, в той или иной мере, в

них присутствующего, мы считаем необходимым отрешиться от проблемы посвящения и, тем более, адресата, как от элементов второстепенных. Не случайно Ахматова предпослала всему циклу четверостишье, озаглавленное “Вместо посвящения”. Вероятнее всего, адресат стихов — некое собирательное “ты”, разновременное и многоипостасное. Сам А. Найман в книге об Ахматовой старался перевести интерпретацию “Полночных стихов” в объективно-литературную плоскость. В частности, он нам предлагает проследить в них “английскую” тему упоминания Офелии в первом фрагменте, Люиса Кэрролла в заглавии третьего и даже в эпиграфе из Горация, в котором богиню, владычествующую над счастливым Кипром, он почему-то (чтобы получилась тема?) отождествляет с владычицей морей “Бриттания”. И даже березы у Наймана неожиданно становятся английскими...⁶

Этот путь объективирования и систематизации каких-то литературно-географическо-биографических пластов нам представляется неправомерным и ничего не разъясняющим. Офелия и Зазеркалье достаточно универсальные мифологемы, чтобы их связывать с определенной страной. Несколько больше дает сопоставление “Полночных стихов” с не менее (а скорее даже более) темными стихами нового, так и не оконченного “Пролога”: Т. Цивьян, на основании формообразующих мифов античности — Кассандра, Диодона и Федра, — видит в этих двух произведениях общность темы вины и преступления.⁷ Общее в них, пожалуй, подведение итогов, попытка обрести единство на глубине раздробленной временем жизни. Но “Полночные стихи” свободны от использования мифов, свободны они и от культурных реминисценций, если не считать двух эпиграфов и упоминания об Офелии и об “Адажио” Вивальди.

Разбирая стихи К. Вагинова, которые ей в 1926 г. принес П. Лукницкий, Ахматова так выразила свое отношение к непонятному: “Когда Иванов бывает непонятен, то это значит только, что тот, кто его не понял, — чего-нибудь не прочел, что ему нужно прочесть для понимания... Но стихи В. Иванова можно всегда расшифровать. Их непонятность происходит от того, что В. Ива-

нов многое больше знает, много культурнее своего читателя”.

Эта давняя запись освещает от противного характер непонятного у Ахматовой: не скрытые намеки на полу забытые или недоосвоенные читателями мифы, а скорее философемы, сочетание конкретного с предельным обобщением, обнажением последних тайн бытия.

*

“Полночные стихи”, как мы уже говорили, обладают всеми признаками “любовных стихов”. В каждом фрагменте присутствуют отчетливо ты и я, сливающиеся большей частью в мы; говорится о встрече, всегда краткой или невозможной, или о разлуке, богаче, чем встреча, о прощании навсегда, об общности несмотря на пространственное расстояние и т. д. Однако, воспринимать “Полночные стихи” как любовную лирику, в обычном смысле этого слова, а тем более искать в них конкретные черты старческой привязанности — тем самым и экзистенциально, и эстетически ущербной — ведет к радикальному снижению высокого смысла этого последнего взлета Ахматовской лирики.

Ахматова не сохранила первое вводное четверостишье к “Полночным стихам”, в котором говорилось о попытке восстановить единство разбитого зеркала жизни:

Если бы брызги стекла
Что когда-то, звения, разметались,
Снова срослись — вот что бы
В них уцелело теперь.

Вероятно она считала его слишком лобовым, декларативным, слишком повернутым на прошлое (“когда-то”), несмотря на выделение в конце строфы наречия “теперь”. Стоит обратить внимание на то, что “Полночные стихи” поданы почти целиком в настоящем времени, обращенном в будущее (*praesens perfectivus*): “разлуку неплохо снесу”, “чаще, чем надо”, “придется”, “что делаем”, “тебя я спрячу”, “ты позовешь”, “встретимся опять”, “протекут”, “прочитаешь”, “уведет”, и только последний отрывок протекает в прошлом, хотя и заканчивается на настоящем:

“бормочет”... “Полночные стихи” — свободны и от груза воспоминаний: они предельно актуализированы.

*

Отброшенный эпиграф—четверостишье Ахматова заменила заклинательным двустишием из второй части “Поэмы без героя”:

Только зеркало зеркалу снится,
Тишина тишину сторожит.

Мотив зеркала, таинственной переклички судьбы, — сохранен, хотя и переведен в настоящее, но двустишие раскрывает, в первую очередь, ключевое слово цикла: *тишина*. Оно употреблено четыре раза, но к нему примыкают и другие речения того же семантического поля (гул затихающих строчек, замолчала, в немом ... стоне), а также “немые” сцены 3 и 7 отрывков.

Тишина здесь не просто источник поэзии, а сама поэзия.

Если бы одним выражением сконцентрировать “тему” “Полночных стихов”, мы бы так сказали: сама поэзия, или еще более выпукло по—английски: *mere poetry*. Ахматова в “Полночных стихах” буквально отождествляет поэзию с тишиной: в первом отрывке “нам пела сама тишина”; во втором, поет сам автор; несколько дальше, в четвертом, снова поет тишина. Есть у Андре Мальро прекрасное определение поэзии: “*Une courte parole entre deux longs silences*” (краткое слово между двух длящихся молчаний). Да и в конце жизни Мальро озаглавил свой труд об искусстве: “*Les voix du silence*” (Голоса тишины). У Ахматовой тишина уже не придаток, а подлежащее, она не слово, а тишина между двух длящихся тишин.

Но тишина—поэзия у Ахматовой предполагает, как это ни парадоксально, общение с человеком. Есть поэты, которые общаются с культурой, с природой, с Богом — не обязательно через посредство другого. Ахматова же всегда через “ты”. “Ты” ей необходим для выделения гармонии, для осуществления связи с миром. Мандельштам преимущественно, Пастернак исключительно — космоцентричны. У Мандельштама человек присутствует через его

дела, культуру. У Пастернака, как отмечала Ахматова, человек начисто отсутствует. В этом отношении Ахматова — полная противоположность Пастернаку, она целиком антропоцентрична:

Но человека
Ждала я до потери сил.

Как писал в своей эпохальной статье Н. Недоброво,⁹ Ахматова поэт не *ewigweibliche* (каким был Блок и многие романтики), а *ewigmännliche*, она первая создала в мировой поэзии образ “вечномужеского” начала. Ту же мысль Недоброво более непосредственно высказал в стихотворной форме:

Как ты звучишь в ответ на все сердца,
Ты душами, раскрывши губы, дышишь
Ты в приближены каждого лица
В своей крови свирелей пенье слышишь.¹⁰

“Полночные стихи” и есть тот чистейший звук, который рождается в поэте при приближении к нему “человека”, и который, в свою очередь, рождает в нем ответные звуки: Ахматова делает другого — читателя, собеседника, встречного, друга — пусть на миг, но поэтом. Не случайно Ахматова и ее поэзия вызвали такое необъятное количество откликов: она живет уже не в одной сотне зеркал.

В первых книгах “другой” часто сливался с мужем, суженым, другом; в “Полночных стихах” телесность, конкретность уступают место зеркальным отражениям: сам лирический герой “мерещится” себе, тот, другой, только “кажется”, он обручен с тишиной, реальной встречи (“на листопадовом асфальте”) не будет, а в самом загадочном, драматическом отрывке даже самоотождествление становится под вопрос: “А может это и не мы?”

*

Следующие два ключевых слова, тревога (употребленное трижды) и смерть (четырежды) — позволяют определить особые свойства тишины: поэзия и ее носитель не достигают запредельности божественного покоя. Поэзия

сопряжена с тревогой, граничит с безумием (Офелия), отождествляется с болью, с горем, проходит через круги ада, грозит или сопровождается смертью. Наи глубочайшее общение, проникновение, приближение “к какому-то крайнему краю”, поэзия — мгновенное озарение и преображение (слово “миг” тоже ключевое) и неминуемо, хотя бы в силу своей мгновенности, влечет за собой расплату.

“Полночные стихи” — отнюдь не любовная лирика (как впрочем почти вся поэзия Ахматовой), а своего рода *ars poetica*, последняя исповедь и предельное обнажение Ахматовской музы: *mere poetry*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н. Струве. Восемь часов с Ахматовой, впервые в *Собрании Сочинений*, т. II, Мюнхен, 1968, стр. 325–346; перепечатано в “Звезде”, 6, 1989, стр. 118–126 и в: Анна Ахматова. После всего. Москва 1989, стр. 251–271. Небольшие дополнения к этим воспоминаниям см. “Вестник РХД” № 156, 1989, стр. 222–234.
2. Ossip Mandelstam, Paris IES, 1982, 300 р., затем в авторском переводе: Н. Струве, Осип Мандельштам, OPI, London, 1987, 335 стр.
3. И умерла Ахматова на 77-ом году жизни. Впрочем, число 7 было излюбленным и у Марины Цветаевой, и у Райнера Мартина Рильке.
4. Н. Струве. “Восемь часов с Ахматовой”, *op. cit.*
5. *Книга третья*, Ymcia-Press, Париж 1987, стр. 326.
6. А. Найман. *Рассказы об Анне Ахматовой*. М. 1989, стр. 107–110.
7. Т. В. Цивьян. “Кассандра, Дионис, Федра”. *Литературное обозрение*, 5, 1989, стр. 29–33.
8. “О Вагинове. Из дневника П. Лукницкого”. *Там же*, стр. 71.
9. Впервые “Русская мысль”, 7, 1915. Перепечатана в цит. книге А. Наймана.
10. *Альманах муз*. Пб 1918. Перепечатано в “Литературном обозрении”, *op. cit.*, стр. 41.

И. Ф. МАРТЫНОВ (Иерусалим)

“ПОСЛЕДНИЙ НАРОДОВОЛЕЦ“
Новый штрих к портрету Л. А. Каннегисера
(1898 – 1918)

*Мальчишка, поэт и скиталец.
От счастья волнился слегка.
Кладет указательный палец
На тонкое тело курка...*

Юрий Колкер. *Послесловие. Стихи.*
Иерусалим, 1985.

Помню, как восемь лет назад, в далеком “Петрополе“, работая над подборкой стихов Леонида Акимовича Каннегисера для альманаха “Гумилевские чтения“ (Вена, 1984), я тщетно искал во всех крупнейших библиотеках СССР (тогда мне еще не закрыли окончательно доступ в их “спецхранины“) парижский сборник 1928 года, посвященный памяти поэта–мученика. Пришлось удовольствоваться “глухой“ ссылкой на него.

Все полтора года, прожитые мною в Израиле после отъезда из России, я был прилежным читателем Национальной и университетской библиотеки в Иерусалиме, пересмотрев сотни книг, хранящихся в ее русском фонде. Должен отметить, что этот просмотр не принес мне каких-то сенсационных находок (за исключением “обломков“ библиотеки поэта и журналиста Амари — М. О. Цетлина, пожертвованной Еврейскому университету его вдовой Анной Моисеевной), так как русский фонд комплектовался небрежно и чисто “стихийно“, а потому страдает большими “лакунами“ как в “профильной“ для него “русской иудаике“, так и в подборке книг русских эмигрантских издательств (не говоря уже о советских и дореволюционных).

Тем более приятным открытием был для меня экземпляр вышеупомянутого сборника памяти Л. А. Каннегисера (шифр: 58 С 8315) с сумбурными пометами на форзаце и в тексте друга юности поэта — Якова Борисовича Раби-

новича (1899–?), сделанными много лет спустя после его выхода в свет, уже на территории независимого Израиля.

Ниже мы приводим все эти пометы и краткие комментарии к ним:

1) На обороте верхней обложки:

Забыл.

Нашей встречи окончанье
Освятил я мадrigалом,
В нем хвала бессмертной книге...

Все забыл.

Мой милый Дориан Грей
Моей петербургской юности,
Как гордился бы он
Героической эпопеей Израиля!

*Петербургский Политехнический институт
октябрь 1915 г.*

2) На 1 с. форзаца: *Я. Б. Рабинович. Париж.*
Ему [Каннегисеру] было 18, мне 17 лет.

Мои встречи с Леонидом: Политехнический институт 1915, 1916, 1917 год и военное училище, и Союз евреев-политехников (Идельсон, Виленчук, Мелуп — все старше нас), и “Бродячая Собака”, и ночь 25 октября в Зимнем дворце, и влюбленность в Ирину и Олю (на которой я был женат позже), и Максимилиан Филоненко, и Савинков весной 1918-го года в Летнем саду, и смерть его — Тристана и Ионатана, и мимолетная дружба...

Вспомнился в Хайфе и в Париже мне посвященный акrostих:

*Ярко красным транспарантом
Кто-то скрыл от Вас пастели,
Освещенные гореньем петербургских вечеров,
Вы растерянно стоите (не помню) эмигрантом
У дворцовых стен Растрелли —
... были дымчатых веков.*

3) На обороте форзаца:

Вспоминаю с [Г. В.] Адамовичем.

Какая насыщенная и бурная юность.

/Говорили обо всем:/ от Джона Рескина, Патера, Кузмина, верховой езды, Теодицей, Шницлера, стихов /до/ сладостной смерти — подвига — обо всем, обо всем, только не об Израиле, /не о/ сионизме. Нет, говорили (не Виленчук и Идельсон — они казались плоскими позитивистами). /Говорили/ с Дмитрием Майзельсом (“Оставили ночью в трюме, Вручили глухой волне, От жажды давно я умер...”), немного с девочкой из сельскохозяйственных курсов. Девочка с клоком и горбатым носом — Белла Майданекова. Призраки воплотились в Израиле. Виленчук оказывается в Махцовей, а девочка — почтенная деятельница и бабушка в Тель-Авиве.

4) На титульном листе: “*Душе влюбленной невозможна смерти сладкой не мечтать...*“ Я. Б. Рабинович.

5) На с. 19 к следующему абзацу в статье М. А. Алданова: “В апреле (или мае) 1918 года он уже ненавидел жгучей ненавистью большевиков и принимал какое-то участие в конспиративной работе по их свержению. Гибель друга (Перельцвейга) сделала его террористом” — помета Я. Б. Рабиновича: “*Филоненко Макс (его двоюродный брат) утверждает, что был в заговоре. Врет ли?*“

Нам удалось собрать пока еще очень мало сведений об авторе этих пометок. После отъезда из Советской России бывший студент-политехник и кадет военного училища Яков Борисович Рабинович появился в русской парижской эмиграции (жил в Париже на рю Ренуар), где стал активным масоном “шотландской” ложи “Юпитер” (его имя — не путать с другими Рабиновичами — отсутствует в “Биографическом словаре русских масонов XX века” Н. Н. Берберовой, см. ее монографию “Люди и ложи” — New York, 1986), а в годы второй мировой войны — одним из руководителей еврейского Сопротивления во Франции. Друг Рабиновича, редактор “Нового журнала” Роман Борисович Гуль, отмечал его “ум, образованность, остроумие и такт” (Гуль Р. Б. Я унес Россию. — “Новый журнал” —

Нью-Йорк, 1985, кн. 159, с. 30–33), однако не сообщил читателям своих мемуаров никаких сведений о дальнейшей судьбе этого незаурядного человека. Жил ли он какое-то время в США, вернулся ли после войны в масонскую ложу “Лотос”, как и когда оказался в Хайфе — ответить на эти вопросы могут помочь нам только читатели и архивные материалы (в частности, архив Гуля).

Как видно из первых помет Я. Б. Рабиновича, он и Л. А. Каннегисер учились вместе в Петербургском Политехническом институте (в фондах этого института, хранящихся в Ленинградском государственном историческом архиве на Псковской улице, — а мы ведь там много работали, но не знали, что искать! — могут найтись интересные материалы — “личные дела” и др. — о поэте-мученике и друзьях его юности) и в военном училище (?), вместе ходили на заседания Союза евреев–политехников (думается, что выходца из ассимилированной семьи и убежденного христианина Каннегисера едва ли увлекали всерьез в эти годы проблемы сионизма) и в знаменитое литературное кафе “Бродячая Собака” на Театральной площади, где так же, как Георгий Иванов (автор парижских воспоминаний о Каннегисере) и другие его засегдатаи, слушали манерные песенки М. А. Кузмина — “гвоздь” последнего предреволюционного сезона. Нам ничего пока, к сожалению, не говорит ни имя возлюбленной поэта — Ирины, ни довольно странный факт посещения друзьями (Каннегисером и Рабиновичем) Зимнего дворца в ночь 25 октября 1917 (?) года (в качестве кого?), однако их тесные контакты весной 1918 года с видными лидерами эсеров, в прошлом — “опорой” Временного правительства и будущими активными масонами, Максимилианом Максимилиановичем Филоненко (двоюродным братом Л. А. Каннегисера!) и Борисом Викторовичем Савинковым, заставляют серьезнее отнести к “версии”, согласно которой герой—“одиночка” Каннегисер, еще недавно горячий сторонник большевиков, радикально пересмотрев свои взгляды, стал на путь *сознательной подпольной борьбы* против тоталитарного режима.

Из дальнейших пометок Я. Б. Рабиновича могут представлять интерес лишь перечень тем его разговоров с

Каннегисером — творчество английских писателей-моралистов У. Г. Патера (1839–1894) и Д. Рескина (1819–1900), психологические драмы австрийского писателя А. Шницлера (1862–1931), стихи М. А. Кузмина, проблема Теодицеи — Божьей Справедливости и др., а также беглое упоминание о симпатии к сионизму одного из молодых поэтов петроградской группы “Арион” Дмитрия Львовича Майзельса (см. о нем подробнее: Струве Г. П. К истории русской поэзии 1910–х–начала 1920–х годов. Berkeley, 1979, с. 19–20) — может быть, именно здесь и находится “ключ” к последним страницам его таинственной биографии.

Время идет, унося с собой живых современников Леонида Акимовича Каннегисера, тех, кто мог бы расширить немногие, отрывочные строки о его трагической и славной судьбе до связного биографического очерка. Мы давно уже мечтаем проделать эту работу, однако недостаток архивных и мемуарных источников (сначала в СССР, затем в Израиле) побуждает нас обратиться ко всем, кто может помочь нам шаг за шагом воскресить “труды и дни последнего народовольца”. Писать по адресу: Faina Koss. For Dr. Ivan F. Martynov. 650 Water Str., 5 “B”. New York, N.Y. 10002. USA. Это — наш общий долг перед памятью поэта, и мы заранее благодарим всех наших будущих помощников.

Издательство «YMCA-Press»

11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, France

Новинки :

Николай БЕРДЯЕВ : том IV “Собрания Сочинений”

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(статьи 1917–18 г., собранные впервые)

и

ФИЛОСОФИЯ НЕРАВЕНСТВА (3-е изд.)

598 стр. Цена: 160.- фр. (в переплете: 240 фр.)

* *

*

прот. Иоанн МЕЙЕНДОРФ

ВИЗАНТИЯ И МОСКОВСКАЯ РУСЬ

Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в.

440 стр.

120.- фр.

Переиздания :

Прот. Г. В. ФЛОРОВСКИЙ

том I – *Восточные отцы IV века*

том II – *Восточные отцы V–VIII вв.*

Классический, непревзойденный учебник по патрологии

Каждый том по 100.- фр.

* *

*

еп. Александр СЕМЕНОВ ТЯН-ШАНСКИЙ

ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (2-ое изд.)

380 стр.

100.- фр.

СУДЬБЫ РОССИИ

Проблемы Церкви в эмиграции

Д. ПОСПЕЛОВСКИЙ (Канада)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ СЕГОДНЯ И НОВЫЙ ПАТРИАРХ

Автор *нижеизложенной* статьи провел три месяца в СССР весной и ранним летом 1990 г., сначала в качестве лектора Московской и Ленинградской духовных академий по истории РПЦ в ХХ в., а потом в качестве гостя Академии наук СССР в рамках программы научного обмена между Канадой и СССР. За это время он побывал в Москве, Ленинграде, Минске, Ровно, Воронеже, равно как в ряде монастырей, в т. ч.: Оптина пустынь, Троице-Сергиева лавра и Валаамский монастырь на Ладожском озере. Было много продолжительных бесед с церковными людьми, от патриарха — тогда еще митрополита — Алексия до приходских священников, монахов и семинаристов, не говоря уж о мирянах — церковной интелигенции всех возрастов и профессий. Поскольку никто автора не уполномачивал упоминать имена и приводить точные цитаты, статья является обобщением собственных наблюдений и упомянутых бесед с теми лицами, которым у автора есть основания доверять или чьи слова находили подтверждение в устах других лиц или в материалах документального характера.

10 июня 1990 г. был избран 15-ый патриарх Московский и всея Руси, 61-летний Алексий II, митрополит Ленинградский, Таллинский и Новгородский.

Это, несомненно, самое важное событие в судьбах Русской Православной Церкви не только этого года, но и по-

следнего десятилетия, когда покойный патриарх Пимен фактически был уже не у дел, Церковью управляли его именем временщики, окружавшие патриарха, а временщиками в значительной степени управляла небезызвестная “контора”, нередко посредством шантажа. Избранием нового патриарха Церковь снова приобрела управление, и поэтому так важно выяснить, кто же этот новый земной ее верховный правитель, что можно ожидать от него.

И вопрос этот не “частное дело” Церкви, т. к. Церковь сегодня больше не закрытое, отрезанное от советского общества учреждение, судьбы которой, мол, не имеют отношения к обществу в целом. Попадая в Советский Союз с секуляризованного Запада, поражаешься, как часто тема Церкви встречается в средствах массовой информации; духовная музыка — в концертах; тема христианства, его нравственно-спасительная роль для общества и человека — в театрах и кино; религиозное искусство — на выставках. Как сказал один деятельный молодой священник, восстановливающий храм из руин и меньше чем в три месяца собравший вокруг себя тесную молодежную православную общину (в значительной степени из безотцовщины, детей алкоголиков и падших матерей): “Коммунисты грабили Церковь и уничтожали христиан, а когда народ, доведенный коммунистами до полного морального одичания, стал неуправляемым, они обращаются к Церкви, ожидая, что, раздавленная, обескровленная и деморализованная ими, Церковь сможет вернуть народу нравственность, сделать его снова трудоспособным и производительным, честным. Если это Церкви удастся с Божьей помощью, то коммунисты снова ударят по ней и постараются выжать все соки в свою пользу”.

И действительно, все, от политических партий (в том числе и коммунистической), средств массовой информации и учебных заведений до простых граждан, — уповают теперь на Церковь как на источник нравственности, трезвости, трудолюбия, гражданской ответственности и милосердия.

Оправдывает ли Церковь эти надежды? Не слишком ли много чудес ожидается от нее после 70 лет жесточайших

преследований и выкачивания из нее всех соков, в том числе и материальных, через грабительские размеры налогов и разных добровольно-принудительных поборов? От Церкви, паралич которой затянулся на целых первых пять лет “перестройки”?

Придет ли через Церковь чудо морального оздоровления и спасения России — ответ на этот вопрос лежит в области чудесного. Правда, само выживание и нынешнее возрождение Церкви, или во всяком случае веры, уже чудо. Чудо, что на выставке художественных работ 10–12-летних школьников больше всего картин оказалось религиозно-церковного содержания. Чудо, что опросы общественного мнения показали огромный рост доверия населения к Церкви за период с 1989 по 90-ый год (в этом году доверие к Церкви как общественному институту — 64% против 5% в пользу КПСС!). Чудо, что если два–три года назад примерно 19% населения страны заявляли себя верующими православными христианами, в апреле 1990 г. их оказалось 33%.* Рост и прыжки слишком стремительные, чтобы быть прочными и стойкими. И вот этого рода динамика, сохранение доверия общества к Церкви как морально-духовному руководителю общества, будет в большой степени зависеть от личности нового патриарха, от того, что и как он сумеет сделать и насколько лично будет примером для Церкви.

Что же представляет собой патриарх Алексий II как личность и церковный руководитель? Деятельное, активное духовенство в России — а это значит, относящееся весьма критически к высшему епископату и во всяком случае прошлой политике Патриархии — подчеркивает, что, характеризуя нового патриарха, надо учитывать, что это доперестроечный архиерей, ставший епископом в годы хрущевских гонений, когда снова, как в тридцатые годы, стоял вопрос о сохранении хотя бы костяка Церкви любой ценой, чтобы донести его до лучших времен. А за-

* См.: С. Н. Павлов — О современном состоянии РПЦ, “Социологические исследования”, № 4, 1987; и “Кестон ньюз сервис” №№ 352 и 353 (14 и 28 июня 1990).

тем его деятельность развивалась в эпоху застоя, когда личность, возглавлявшая Церковь, патриарх Пимен, была по своей бездеятельности, серости и безвольности вполне подстать личности, возглавлявшей государство и партию. Да и коррупция, окружавшая Пимена, была подстать брежневской. А храмы по-прежнему, хотя и не в тех масштабах, что при Хрущеве, продолжали закрывать и при Брежневе, и при Черненко. Что же в этих условиях мог делать митрополит Алексий Таллинский и Эстонский, управляющий делами Патриархии? Почти ничего. Хотя: он не только спас Пюхтицкий женский монастырь в Эстонии от закрытия, но обеспечил в нем такие условия, способствовал подбору таких кадров, что монастырь стал в духовно-нравственном и экономическом отношении образцовым во всем Советском Союзе, и самым многолюдным (на сегодня около 170 монахинь и послушниц), и молодым по среднему возрасту насельниц, и интеллигентным с очень высоким процентом насельниц с высшим образованием. Это уже было немалым достижением для тех лет. Да и сегодня этот монастырь служит “рассадником” для некоторых новооткрывающихся женских монастырей: игумении и их первые помощницы в новооткрытых Иоанновском монастыре в Ленинграде и женском монастыре под Новгородом были возвращены в Пюхтице. Немало он потрудился и для упорядочения и стабилизации Эстонской епархии, где в первые послевоенные десятилетия резко сокращалось число православных эстонцев, т. к. православие отождествлялось с russkostyu, т. е. в глазах эстонцев — с оккупантами. Митрополит Алексий, уроженец Эстонии, владеющий эстонским, как родным языком, человек германско-балтийского происхождения, воспринимается эстонцами как свой, пользуется в Эстонии большой популярностью.

Платить за это “доперестроечному” архиерею приходилось активностью во всяких советах и фондах мира, пропагандными выступлениями за границей. Но те же, кто подчеркивают его “доперестроечность”, признают, что Алексий II — лучший из всех кандидатов, выдвинутых и собором епископов, и общим поместным собором.

Так в России, в церковных кругах. Но не так в зарубежье, где отзывы в эмигрантской печати оказались настороженными, скорее даже отрицательными, в писаниях не только эмигрантских авторов (например, о. Виктор Потапов в “Русской мысли” 3 авг.), но и диссидентских из России (напр., свящ. Георгий Эдельштейн, там же, 8 июня, который еще до избрания патриарха разносит всех возможных кандидатов, а митр. Алексию навешивает ярлык “матерого стукача”, опираясь на пресловутые записи зампредом Совета по делам религий Плехановым бесед с тогда еще архиепископом Алексием в 1968 г.). Тексты эти были на Западе с конца 70-х годов,* вместе с пресловутым отчетом Фурова о состоянии Церкви и епископата, где он относит и (тогда еще митрополита) Пимена, и Алексия к наиболее лояльным епископам (по отношению к советской власти), но общественность обратила на них внимание только после опубликования их в 13-м номере “Гласности”.

О чем же говорят эти, якобы уличающие патриарха в обыкновенном стукачестве, документы? О том, что и митрополит Никодим, и архиепископ Алексий, и митр. Пимен (будущий патриарх) вынуждены были являться периодически в Совет по делам религий на “беседы”. Должны были это делать и все остальные члены Синода, а также все деятели Церкви после поездок за рубеж или встреч с иностранцами. Как сказал пишущему эти строки один из самых выдающихся и смелых пастырей РПЦ: “Все мы пишем отчеты. Вопрос в том, что мы включаем в них, а о чем умалчиваем и как преподносим”. Митрополит Никодим прямо сказал в свое время мне: “Вот вернусь в Союз и сразу же расскажу о нашем разговоре Куроедову. Ему надо знать, за что и как нас критикуют на Западе, а мы этим путем и для Церкви кое-чего добиваемся, указывая ему, что если на Церковь будут слишком жать в СССР, кредит доверия к ней падает на Западе, а это не должно быть в интересах сов. власти”. Так вот всем, кто

* См. ссылки на них в моей книге “The Russian Church under the Soviet regime” (Крествуд, Н.-Й.: изд. Св. Владимирской дух. академии, 1984).

вешает ярлык стукача на патриарха Алексия II, очень рекомендую внимательно изучить архив Совета по делам Русской Церкви за 1943–65 гг., открытый теперь для ученых в Центральном госархиве Октябрьской революции в Москве, что удалось сделать пишущему эти строки. Там вы найдете точно такие же “беседы” или “доносы” митрополита Николая Крутицкого (Ярушевича) и патриарха Алексия I (Симанского) друг на друга. Но есть и еще одна общая черта в этих записях “бесед”: ни в беседах архиеп. Алексия 1967–68 гг., ни в “беседах” с патриархом Алексием или митроп. Николаем нет политического доноса. Так, разговоры о деловых и пастырских качествах друг друга, желательности, с т. зр. Церкви, чтобы тот или иной архиастырь, священник или преподаватель духовных школ занимал те или иные посты и пр.

Кстати, как подчеркивает Валентин Никитин в своей отличной и правдивой статье (“Новый патриарх — новые проблемы”, “Р. М.” 29 июня),* в архивах дореволюционного Оберпрокурора Синода найдутся не только записи бесед с членами Синода, но прямые донесения епископов—членов Синода Оберпрокурору. Это печальная дань закрепощения Церкви государством, будь то монархическим или коммунистическим.

Возникает, однако, вопрос, почему на Запад попали лишь записи бесед с архиеп. Алексием и митр. Пименом, а в “Гласности” за декабрь 1987 г. оказались только пле-хановские записи бесед с архиепископом Алексием? В России существует вполне правдоподобное мнение, что документы эти были подброшены диссидентам в 1987 г. теми, кто не хотел избрания митрополита Алексия в патриархи, чтобы скомпрометировать его, представив дело так, что он служил чуть ли не профессиональным доносчиком. А ведь такого рода компромат можно было пустить в самиздат и на любого другого члена Синода. Известно, что наряду с этим распускались слухи об Алексии, что он еврейского происхождения, с одной

* Другим исключением из преобладающего отрицательного тона является отличная и подлинно церковная статья о. Дмитрия Константинова “Церковь высказывается”, “Р. М.” 3 августа.

стороны, а с другой, что только великоросс может быть патриархом, а Алексий — немец, да еще с родственниками за рубежом.

Но давайте взглянем на эти пресловутые беседы митр. Алексия в Совете по существу. О чём в них идет речь? Обсуждаются кандидатуры на руководящие посты в Церкви в предвидении скорой кончины патриарха Алексия. Архиеп. Алексий выдвигает кандидатуру митр. Никодима на пост митр. Крутицкого вместо Пимена, указывая на слабости последнего: замкнут, грубоват, слабоволен, “епархией почти не управляет, самостоятельности не проявляет”. Главное качество Пимена, что он хорошо, вдохновенно служит, и это приносит ему определенную популярность в верующем народе. Никодима он выдвигает как волевого, умного, самостоятельного и деятельного архипастыря. Приветствует желание Никодима убрать Пимена из Синода, чтобы у Никодима не было конкуренции, когда умрет патриарх. Иными словами, Алексий прочит самого выдающегося архиерея своего времени в патриархи. Это свидетельствует о его озабоченности судьбами Церкви, а не о каком-то злостном стукачестве!* Мог ли он предположить тогда, что его соображения только убедят “органы” в том, что патриархом быть именно Пимену, а не Никодиму? Известно, что накануне Собора 1971 г. КГБ вызывало архиереев и требовало от них (запугивая) голосовать за Пимена, а, явившись к Никодиму на дачу, чин ГБ категорически потребовал от него не выставлять своей кандидатуры в патриархи!

И еще: читая тот же отчет Фурова (зампреда Совета по делам религий, см. “Вестник РХД” № 130), мы легко обнаруживаем грубые ошибки, а то и прямую ложь, но когда хотим опорочить архиерея РПЦ, в данном случае патриарха Алексия II, готовы совершенно некритически,

* Другой вопрос: допустимо ли брать себе как бы в союзники чиновников из СДР, обсуждая с ними кандидатов в патриархи, но, к сожалению, эта традиция в Русской Церкви восходит к Иосифу Волоцкому; а что касается патриарших кандидатур, то их весьма решительно и авторитарно выдвигали еще византийские императоры, а потом и московские цари.

на веру принять каждое слово и утверждение того же Фурова или его предшественника Плеханова, согласиться с их оценками.

Да, патриарх Алексий — личность “доперестроечная”. Путь его архиерейства до недавнего прошлого отличался осторожностью, двойственностью, как и всех его собратий той эпохи. Но далеко не у всех у них есть те заслуги перед спасением и сохранением русского монашества и перед малым православным стадом, ему вверенным, о которых мы говорили выше. Потенциал его, однако, развернулся на Ленинградской кафедре, которую он занял после смерти митрополита Антония в 1986 г., почти развалившего ее. За три года управления Ленинградской и Новгородской епархиями, первая выросла на 41 церковь (с примерно 80), а вторая на 30 (с 26); возвращены Церкви Валаамский мужской монастырь, Иоанновский женский в Петербурге, создана женская обитель в одном из монастырей Новгорода, удвоена площадь, занимаемая Ленинградскими духовными академией и семинарией, при последней создалось и развились в большое и очень активное движение Братство милосердия, началось духовно-пастырское регулярное окормление тюрем, приютов, уголовных колоний и пр., равно как и Ленинградского университета и Ленсовета (часовни, богослужения, катехизаторство). Дальнейшие планы митрополита Алексия включали создание большого церковного издательства в Ленинграде, с собственной типографией, для духовного обслуживания малых народов севера и востока на родных языках, создание при Иоанновском женском монастыре школы православных сестер милосердия. Речь шла о возвращении Церкви еще нескольких монастырей, в т. ч. Тихвинского, Коновицкого, Петропавловского в Петергофе и Александро-Невской лавры в Петербурге.

Патриарх Алексий — сторонник расширения самостоятельности епархий, создания автономных митрополичьих округов, в соответствии с решениями Собора 1917–18 гг., активизации и автономизации приходов. Иными словами, соборного начала во всей структуре и жизни Церкви, что и отразилось в его первом интрони-

зационном соборном послании, которое делает упор на активизацию мирян, дело милосердия и просвещения, издательскую деятельность, необходимость независимости Церкви от государства и закрепление за ней статуса полноправного юридического лица, удовлетворение национально-духовных чаяний каждого народа, входящего в состав Православной Церкви на территории СССР. Мало кто знает, что еще пять лет назад митрополит Алексий предлагал в Синоде предоставить Украинской православной Церкви автономию или даже автокефалию, против чего решительно возражал митрополит Филарет Киевский (Денисенко), пользовавшийся полной поддержкой Щербинского и его мафии.

Теперь совершенно ясно, что если бы эти предложения были приняты 5 лет назад, то сегодня не было бы автокефалического раскола на Украине, да и возрождение Унии не носило бы такого массового и бурного (нередко с насилиями) характера в Западной Украине, где православие (во всяком случае до возникновения автокефального раскола архиеп. Иоанна Бондарчука) отождествлялось с "москалями", а последние с коммунистической диктатурой.

Будучи митрополитом Ленинградским, Алексий сумел воспользоваться и своим председательством в Фонде мира, и депутатством на Съезде народных депутатов СССР. Указав Фонду мира на многолетние богатые взносы Церкви, он потребовал и получил сумму в несколько миллионов на восстановление монастырей и храмов Северо-Запада. Опираясь на свое депутатство, он добился получения подвижного и строительного транспорта у армии на очень льготных условиях, финансовой ссуды и части строительных материалов от Новгородского химкомбината на восстановление женской обители, открытия дополнительных храмов в Новгороде, в чем ему местные власти отказывали, пока он не стал депутатом.

Не правы оказались в своих предсказаниях ни Нежный (в "Московских новостях"), ни священник Эдельштейн (в "Русской мысли"): выборы патриарха на этот раз были подлинными и вполне демократичными, а не внутренним сговором между Синодом и ГБ; и совсем не все

равно, кого выберут, как утверждал Эдельштейн. Как говорят верующие ленинградцы (совсем не раболепствующие перед церковноначалием), митрополит Алексий за три года сделал больше для епархии, чем другой делает за тридцать лет. И прощание паствы с архипастырем, которое наблюдал пишущий эти строки, было подлинно трогательным и искренним.

Но есть и мистическая сторона в выборе патриарха Алексия. Один из трех самых почитаемых старцев сегодняшней России, архимандрит Кирилл, духовник монашеской братии Троице-Сергиевой лавры, предсказал еще год назад, что патриархом быть Алексию. А когда это свершилось, он возликовал и поблагодарил Бога. А это человек святой жизни, ничем себя не запятнавший, в горячих своих проповедях осуждающий атеизм и антицерковные действия местных властей.

Новый патриарх взошел на свой высокий пост в тревожный момент междувластия, двоевластия и безвластия в стране, в момент распада империи по всем почти габаритам, в момент завихрения и смущения умов и сердец, когда так легко свернуть людей на любой путь.

И вот в момент, когда РПЦ, наконец, только-только встает на собственные ноги, начинает говорить собственным, церковным голосом, а не по подсказке СДР; когда открываются тысячи храмов и сотни воскресных школ и катехизаторских центров, десятки монастырей, новые семинарии и епархиальные училища, необходимые для создания новых кадров духовенства для растущей Церкви; когда под бременем этого роста, требующего колоссальных духовных и материальных средств и затрат, когда, как никогда в прошлом, необходимо церковное единство и помочь зарубежья, когда следует забыть и простить прошлое и всем верующим объединить общие усилия, Русская Зарубежная Церковь (“Синодальная” или “Карловацкая”, как она широко известна в России по географическому месту ее первичного зарождения в 1921 г.) решает перенести 65-летний зарубежный раскол на территорию России. “Послание архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей” от 16 мая,

полное исторических неточностей и прямой неправды, напечатано в “Русской мысли“ лишь 3-го августа, и то с сокращениями. В Россию оно завезено было гораздо раньше, и пишущему эти строки привелось прочитать его полностью. В частности, в тексте, напечатанном в “Р. М.“, стыдливо опускаются строки, в которых говорится, что Зарубежники не только будут создавать свои епархии и приходы в России, но принимать в свои ряды клириков РПЦ только через покаяние. Иными словами, священник в России, взявший на себя крест служения в условиях полного бесправия Церкви и духовенства, подвергавшийся и еще подвергающийся гонениям и притеснениям за свое служение, приводящий еженедельно по несколько десятков людей из неверия в Церковь, должен за все это каяться перед эмигрантским архиереем, пользующимся всеми благами жизни на Западе и являющимся фактически наследником архиереев, покинувших свою паству в 1920-м или 1944 году!* В этом их заслуга и превосходство перед духовенством Православной Церкви в России? И авторы — весь епископат “Карловецкой Церкви“ во главе с митрополитом Виталием — еще смеют утверждать, что этим актом они не сеют раскола, сваливая всю вину на митрополита Сергия, его Послание о лояльности 1927 г., “забывая“, что зарубежный раскол состоялся на год раньше, в 1926 г., когда “Карловцы“ наложили “прощение“ (запрет служить) на митрополита Евлогия и Платона за то, что оба митрополита отказывались признать над собой власть Карловецкого синода, справедливо считая источником своих прерогатив Патриарха Тихона (т. е. Московскую патриархию), назначившего их соответственно на Парижскую и Нью-Йоркскую кафедру. Трижды патриарх Тихон требовал роспуска Карловецкого церковного управления, которое этим распоряжениям не подчинилось, а теперь в вышеупомянутом послании выдает себя за верных заветам патриарха Тихона. Послание (как принято теперь в среде многих диссидентов, не знающих церковной истории) все вины сваливает на сергиевскую декларацию лояльности, в то время как она была простой совокупностью всех заявлений на эту тему патриарха Тихона,

вс всяком случае между 1922 и 1925 гг. (включая и отрицание мучеников за веру, о чем патриарх Тихон однажды заявил западным журналистам в интервью). Поэтому нельзя называть себя последовательным тихоновцем, предавая “анафеме” митрополита Сергия. Единственные новшества в декларации Сергия и его дальнейших действиях были требование к эмигрантскому духовенству дать подпись лояльности советской власти и слова о том, что радости родины (не Советского Союза, как это часто утверждается, ибо митр. Сергий пользуется женским родом, относящимся к Родине!) являются радостями Русской Православной Церкви и печали ее — печалями Церкви.

Но помимо исторических и фактических ошибок, послание Заграничного Синода грешит горделивым самовозношением: “обращаются к нам священники . . . из России с просьбой . . . дать им благодать”. Иными словами, благодать является монополией Карловацкой церковной группировки; ее лишены пастыри в России и иноки, поднимающие храмы и монастыри из руин, возвращающие Бога русскому народу!

Но кто же к Зарубежному Синоду обращается за этой самой “благодатью”? Явно, что в проекции этой антиканонической возможностью юрисдикционного выбора будут пользоваться священники, конфликтующие со своими архиереями, т. е. вклиниение Зарубежной Церкви будет иметь те же последствия, что Обновленческий раскол 20-х годов: недостойные пастыри смогут шантажировать епископов, а пользоваться этим будет “третий лишний”, как и в 20-х гг. Из достоверного источника известно, что один из руководителей Совета по делам религий заявил несколько месяцев назад: “Мы не допустим единства Православной Церкви в СССР в новых условиях”.

Пока что перешли к “Карловчанам”, кажется, четыре духовных лица в Омской епархии, где конфликт с местным архиереем действительно очень сложный. Но в нашумевшем случае с архимандритом Валентином рука

* Как правильно сказал один клирик Московской патриархии: “Нам всем надо каяться, но не перед эмигрантами!”

“третьего лишнего“ видна без всякого сомнения.* Дело в том, что архимандрит Валентин, настоятель сузdalской Цареконстантиновской церкви, около 20 лет занимавший пост официального представителя Московской патриархии** по приему иностранных делегаций в Суздале, имел такую сильную руку в ГБ, что управы над ним не имели не только правящие епископы Владимирские, но и Патриархия. Ничего не могла она сделать, когда в 1974 г. священник Валентин отдал гражданским властям большой Казанский собор в Суздале, взяв взамен две крохотные церквушки — Цареконстантиновскую и Скорбященскую. Вместо оказания какого-либо сопротивления, Валентин даже награждает членов двадцатки, отдавшей властям собор “на поругание“, как говорится в официальном заявлении Московской патриархии об этом. Затем им затрачиваются колоссальные суммы, якобы на восстановление и украшение вновь полученных указанных церквушек, для чего он устраивает сбор по епархии и получает из епархиальных сумм кредит с фантастическими сметами, например 100.000 р. на ограду церковную. В 1977 г. он непосредственно участвует в закрытии “величественного Св. Георгиеvского храма в с. Березники и разграблении его имущества, якобы для украшения храма в Суздале“. Когда председатель местного сельисполкома Р. Канискина пытается предотвратить это разграбление, священник Валентин грозит ей исключением из КПСС!***

В России о. Валентина верующие, никакого отношения к церковной политике не имеющие, называют “человеком с погонами“, т. е. имеющим офицерский чин в

* Правда, не исключено, что и оставление Феодосия на Омской кафедре в прошлом году Синодом произошло не без давления той же руки.

** Т. е., на самом деле, уполномоченного КГБ, т. к. функции ведения постоянных официальных контактов с иностранцами, особенно в “годы застоя“, были подчинены непосредственно КГБ.

*** Парадокс: член КПСС пытается спасти церковь, а священник, над которым у Патриархии нет управы, закрывает. Как сообщается в заявлении Патриархии, иконы, награбленные в закрытом храме, в сузальских церквях не обнаружены. Георгиеvский храм снова действует, но внутри ободран и изуродован!

КГБ. Вот такого “пастыря” приобрел митрополит Виталий, очевидно для придания еще большего блеска белоснежной чистоте риз такой “непримиримой” ни к каким политическим компромиссам “Зарубежной Церкви”. Ведь как все выглядело принципиально: Владимирский архиерей потребовал у архимандрита Валентина отчета о его встрече с английской делегацией. И вот, видите ли, такой кристально чистый пастырь — он отказывается доносить и за это страдает. Разыгрывается комедия “преследования принципиального и свободолюбивого” пастыря “тираном”—епископом. Легковерные диссиденты (равно как и 700 прихожан) становятся на его сторону. Ленинградское “5-е колесо” посвящает целую программу “гонимому”. И он обращается к Зарубежному Синоду. Не знаю, с покаянием или без оного, но Синод, не разобравшись, поймался на очередной чекистский Трест или Внутреннюю линию. А для ГБ зародыши раскола и здесь, и на Украине теперь есть. Можно ими манипулировать, шантажировать и ослаблять Церковь.

В своем Послании Зарубежный Синод, как всегда, манипулирует полумифической Катакомбной церковью; и ему невдомек, что в разгар хрущевских гонений, когда руководство Московской патриархии опасалось, что наступают последние дни открытой Церкви, митрополиты Никодим (Ротов) и Иоанн (Вендланд), а может быть и другие архиереи Московской патриархии, рукополагали тайных священников, как при патриархе Тихоне. Священники открытой Церкви теперь жалуются, что при нынешней катастрофической нехватке священников в связи с открытием 4-х тысяч православных храмов за последние два с половиной года, знакомые их “катакомбники”, рукоположенные упомянутыми архиереями, вместо того, чтобы пополнить собою кадры священников, которые в открытых приходах буквально валятся с ног от перегруженности, предпочитают оставаться в “подполье” с маленькими общинками в 10–15 человек, а то и меньше, — привыкли.

Правда, нашелся некий епископ Лазарь в “катакомбах”, не признающий Московской патриархии и при-

нятый в общение с Зарубежным синодом. Но смотрите: катакомбник, не зарегистрированный властями, явный их противник, без всяких проблем получает визу на собор Зарубежного Синода в Джорданвилль, на “сборище белогвардейской реакции”, как еще совсем недавно об этом писала бы советская печать. Беспрепятственно, не подвергаясь обыску, епископ Лазарь возвращается в СССР с целым чемоданом антиминсов. Столы же легко получает визу в СССР карловацкий епископ Германский Марк, который приезжает, чтобы рукоположить диакона в Суздале. Нужно быть очень наивным, чтобы не видеть здесь руки ГБ, которая хочет раскола в Церкви, чтобы не допустить ее независимости. В двадцатых годах раскол устраивался под знаменем христианского социализма. Теперь на эту удочку в России никто не поймается. Другое дело — раскол справа, под монархическими знаменами. При нынешних правых и монархических настроениях в России и идеализации белой эмиграции, на эту удочку могут клюнуть многие. А тут у ГБ-ЧК-ГПУ опыт большой, достаточно почитать “Три столицы” Шульгина, чтоб в этом убедиться.

Вот еще характерный эпизод. В комиссиях Верховных советов СССР и РСФСР идут теперь дебаты относительно окончательной редакции Закона о свободе совести, наконец — при участии представителей главных конфессий СССР. Нынешний вариант Закона предусматривает предоставление статуса юридического лица приходским общинам (“двадцаткам”), монастырям и другим церковным организациям, но не Церкви в целом как иерархической организации. Он же дает право частного или в воскресных церковных школах преподавания основ вероучения, но не на территории государственных школ. Церковь добивается права преподавания в школах. Кстати, тут Православную Церковь поддерживает представитель иудаизма, московский раввин Шаевич.

Главным противником обоих прав Церкви является Розенбаум из Института Государства и Права, автор одного из вариантов Закона о Свободе совести. В Верховном Совете СССР представителю РПЦ удалось одержать

победу по обоим пунктам. Тогда Розенбаум перенес свое сопротивление в Верховный Совет РСФСР, где неожиданно получил поддержку со стороны священника — депутата РСФСР — Полосина, побывавшего в Джорданвилле и заявившего, что он не то уже перешел или собирается переходить в Зарубежный Синод. Стратегия Полосина ясна: если Церковь как целое получит статус юридического лица, то она будет иметь государством признаваемое право контроля над деятельностью своих священников, будь то в качестве преподавателей Закона Божьего или членов парламентских формирований.

В заключение следует сказать, что воздействие Послания Зарубежного синода на консервативную православную общественность, именно на те круги, которые были очень положительно расположены по отношению к этому Синоду, совершенно противоположно тому, на которое надеялись составители Послания. Когда я читал лекции по истории РПЦ в Московской духовной академии в конце апреля 90-го года, мне постоянно приходилось иметь дело с апологетами “карловацких” позиций. Такими апологетами были некоторые монахи, преподаватели и даже студенты МДА/МДС. Все перевернулось после Послания. Священники, которые откровенно причисляли себя к сочувствующим “Карловчанам”, решительные анти-сергиане, резко повернулись против Зарубежного синода: “Это уже открытый раскол, сатанинская гордыня, уход карловчан из вселенского Православия в схизму”, — говорили они. Та же реакция в православном братстве “Радонеж”, братстве монархической направленности, очень критически относящемся к политике и священноначалию Московской патриархии, проявлявшем большие симпатии к зарубежникам до 16-го мая. “Радонеж” — организация очень деятельность — с 1-го сентября начинает работать в Москве первая православная гимназия, созданная “Радонежем” и узаконенная Моссоветом; кроме того, у “Радонежа” четыре воскресных школы в Москве; братство финансирует восстановление нескольких церквей, льет и продает церковные колокола, создает свою типографию для

издания религиозной и религиозно-педагогической литературы и т. д. Это одно из самых значительных объединений активной православной интеллигенции, имеющей выход и в телевидение, и на радио. Буквально за сутки Зарубежный синод превратил эту влиятельную группу из своих потенциальных друзей в противников. И так повсюду.

Вероятно, однако, что какую-то часть диссидентов новый церковный раскол может привлечь. Это еще одна иллюзия максимализма, веры, что в больном, доведенном до внутреннего распада обществе может быть идеальная, абсолютно здоровая Церковь. Но, как в свое время писал покойный священник Сергий Желудков, в больном обществе не может быть абсолютно здоровой Церкви. Она только может быть здоровее, чем окружающая среда. И так оно и есть. Стоит только посетить восстанавливаемые монастыри, например Оптину или Валаам, поднимающиеся из руин церкви, и сразу почувствуешь, что попадаешь из социалистического ада почти в рай, но только "почти". Однако, именно там, в этих храмах и молодых зарождающихся церковных общинах идет духовное возрождение, а не в церковно-политических и партийных расколах и дроблениях, в которых так глубоко погрязли многие диссиденты, не заметившие, что уже не та погода и что появились возможности подлинного христианского делания, а не только критики.

И тем не менее, можно понять недоверие к епископату Московской патриархии, нежелание того же Полосина, чтобы у иерархии были права назначать и снимать преподавателей закона Божьего в школах, разрешать или запрещать священникам баллотироваться в парламентские учреждения. При нынешних кадрах всегда останется сомнение: мотивируются ли действия и решения епископа его совестью или он действует по подсказке ГБ? Поэтому, для восстановления доверия новому патриарху необходимо принять по крайней мере следующие меры:

Во-первых, провести подлинный акт публичного покаяния. Частично этот акт уже содержится в Послании последнего Собора (8. 7. 90) в следующих словах: "нам необходимо критически осмыслить свое прошлое . . . осудить

в себе то . . . что происходило от нашей слабости и несовершенства . . . “ Но этого недостаточно. Надо, чтобы было так, как с архиереями, возвращавшимися из Обновленчества при патриархе Тихоне: публичное покаяние перед народом в храме, начиная с патриарха: “ Да, мы вынуждены были делать то–то и то–то, простите нас, братья и сестры...“

Во–вторых, должна быть произведена чистка через настоящие церковные суды с исключением из рядов духовенства и церковных деятелей лиц, наиболее запятнавших себя нравственно, нравственно–политически и духовно.

В–третьих, должна быть восстановлена подлинная соборность с выборностью кандидатов в священники и епископы верующим народом.

И наконец, только через подлинные соборы можно надеяться на возможность пресечь зарождающиеся расколы. Собраться на общий собор украинским автокефалистам, РПЦ, остаткам ИПЦ (с местными нео–карловчанами), как когда–то собирались в первые века, без помпы, но и без сроков закрытия, и по–брратски обсудить все разногласия, урегулировать каноническую сторону украинской автокефалии и признать ее, как признали автокефалию грузинскую.

Такими и подобными мерами установится взаимное доверие в Церкви, наступит оздоровление внутреннее, без которого Церковь вряд ли сможет до конца выполнить миссию оздоровления вверенного ей Богом народа.

ЗАЧЕМ УГЛУБЛЯТЬ РАСКОЛ ?

*Заявление Православной Церкви в Америке по поводу
Послания “Русской Православной Церкви заграницей”*

— В те дни, когда Русская Православная Церковь, после 70-летних преследований и государственного контроля, обрела возможность новой жизни, свидетельства и свободы действий;

— после того, как Священный Синод Русской Православной Церкви в январе этого года открыто признал реальность условий, в которых Церковь вынуждена была существовать, и приступил к процессу прославления мучеников коммунистического периода;

— в канун судьбоносного всероссийского собора при участии епископов, священников и мирян, на котором тайным голосованием был избран новый Патриарх;

— и не дожидаясь результатов Собора;

так называемая “Русская Церковь заграницей” (известная также как “Русская Церковь в изгнании”) сочла возможным принять надменную и фарисейскую позицию осуждения по отношению к мученической Церкви и заявить о намерении установить свою юрисдикцию в самой России, тем самым учиняя разделение в Теле Христовом.

Что такое “Русская Церковь зарубежом”? Это отдаленная преемница группы епископов, чье временное “Высшее Церковное Управление” было официально распущено Святым Патриархом Тихоном в 1922 г., по причине участия в политических действиях, компрометировавших Церковь. Даже в настоящее время “Русская Церковь зарубежом” не находится в общении с Церковью Вселенской, по сути дела, пребывает в расколе. Трагичность заявления “Зарубежной Церкви” состоит в том, что оно появилось как раз в то время, когда сама Русская Церковь и, конечно, наша автокефальная Церковь в

Америке готовы праздновать возрождение свободной церковной жизни в России путем всеобщего примирения и церковного мира.

Мы искренне надеялись обрести исцеление прошлых разделений в совместном служении Божественной Литургии словами взаимного призыва: “возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную!”

Именно эта надежда и эта радость были разрушены заявлением “Русской Церкви зарубежом” как раз в то время, когда в эти судьбоносные дни России превыше всего нужна единая Церковь.

Далее “Послание Русской Церкви зарубежом” содержит простую “дезинформацию”, включающую следующие детали:

1. “Русская Церковь зарубежом” заявляет, что она была создана семьдесят лет назад беженцами-епископами и “в основание” ее “были положены церковные каноны, определения Всероссийского Собора 1917–18 годов и указ Святейшего патриарха Тихона от 1920 г.” Все эти три утверждения не соответствуют действительности. Каноны Православной Церкви запрещают епископам, покинувшим свои епархии, пользоваться юрисдикционными правами. Собор 1917–18 гг. установил соборность, вручив власть Соборам, включающим епископов, священников и мирян (а не только епископов). Патриарх Тихон в 1920 г. уполномочил епархиальных архиереев не-беженцев принимать в областях, отрезанных от патриархии, временные административные меры, подлежащие дальнейшему патриаршему утверждению.

2. “Русская Церковь зарубежом” скрывает от своих членов, что в 1922 г. патриарх Тихон, в согласии со своим Синодом и Патриаршим Советом, официально объявил о неканоничности “Высшего Церковного Управления” и “Зарубежной Церкви” (указ номер 342) и назначил митрополита Евлогия (Георгиевского) единственным правящим епископом для российских беженцев в Европе. В 1923 г. он также назначил митрополита Платона главой американской епархии. Следовательно “Русская Церковь

зарубежом“ не имела совершенно никаких канонических связей со святым исповедником патриархом Тихоном.

3. Не осмеливаясь обвинить самого патриарха Тихона в том, что он был большевицким агентом, “Русская Церковь зарубежом“ сосредотачивает свое осуждение на митрополите Сергии (Страгородском), заместителе местоблюстителя в 1927 г. Перед своей кончиной и до времен митрополита Сергия, патриарх Тихон тоже искал пути к сохранению Церкви при тоталитаризме и заявил, что “он не враг советской власти“. Митрополит Сергий пошел дальше и в 1927 г. потребовал “лояльности“ по отношению к Советам. Это требование лишило митрополитов Евлогия и Платона возможности далее пребывать под административным контролем митрополита Сергия. Ни один из них, однако, не осмелился судить братьев, пытающихся сохранить Церковь при сталинской власти, потому что право суда не могло принадлежать тем, кто жили в безопасности на западе, вдалеке от сталинских гонений. “Русская Церковь зарубежом“ заявляет, что декларация митрополита Сергия от 1927 г. вызвала оппозицию со стороны большинства русского епископата. Это не соответствует действительности. Широкое большинство, включая некоторых критиков — среди них находившегося в ссылке местоблюстителя митрополита Петра, — оставалось в общении с заместителем местоблюстителя. Более того, во время последовавших страшных гонений, те, кто поддерживали митрополита Сергия, страдали в той же мере, как и несогласные с ним.

4. Хуже всего то, что “Русская Церковь зарубежом“ провозглашает и подтверждает свое решение о прекращении евхаристического общения с Церковью. Таким поступком она устанавливает учение, противное Православию. На самом деле Православная Церковь учит, что личные слабости епископов или священников не могут препятствовать силе Святого Духа в полноте совершения таинств. Учение о том, что действительность таинств зависит от достоинства их совершителя, существовало во многих сектах с ранних времен христианства и всегда осуждалось Церковью. И наконец — может ли “Русская Церковь зарубежом“, не впадая в крайнее фарисейство,

утверждать, что за короткую ее семидесятилетнюю историю в рядах ее духовенства не было ни одного недостойного или непорядочного священнослужителя?

5. Среди разнообразных “ложных учений”, в которых “Русская Церковь зарубежом” обвиняет современную Русскую Церковь, находим определение “экуменизма” как движения, стремящегося “объединить все ереси и религии” через участие в Мировом Совете Церквей. Составители послания знают, что это обвинение не соответствует действительности. Православные участники в экуменическом движении всегда утверждают, как в общественном, так и в частном порядке, свою веру в Православную Церковь как в истинную Церковь Христову. Напротив, как раз “Русская Церковь зарубежом”, “перекрещивая” приходящих к ней не-православных христиан, ранее принявших крещение во имя Святой Троицы, отходит от издавней практики Русской Православной Церкви.

Цель наша не в том, чтобы опровергать все то, что появилось в декларации “Русской Церкви зарубежом”. Осведомленные читатели будут иметь собственное суждение. Мы же желаем выразить наше беспокойство и печаль, что такое фанатичное и разрушительное отношение принято небольшой группой беженцев, не обладающих ни каноническим, ни моральным правом предавать суду Церковь в России, особенно в то время, когда большая свобода и не поддающийся сомнению факт духовного возрождения требуют единства, прощения и общих усилий в служении Господу. Каноны церковные справедливо порицают тех, кто “воздвигают престол” там, где он уже существует, и считает их пребывающими в тяжком грехе.

Молимся и уповаляем, что как духовенство, так и миряне “Русской Православной Церкви зарубежом” вскоре осознают, что единство и любовь лучше, чем раскол в эти судьбоносные дни церковной истории.

Протоиерей Родион Кондратик
Правитель дел Православной Церкви в Америке

Архиеп. Иоанн ШАХОВСКОЙ

НУЖНО ЛИ КАНОНИЗИРОВАТЬ НИКОЛАЯ II?

(Письмо прот. Александру Трубникову — 11 авг. 1981 г.)

Всечестной о Господе и дорогой о. прот. Александр,

В последнем № “Русской Мысли” я прочел Ваш отчет о недавнем Съезде Вашей Епархии. То, что Вы передали в этом отчете, слова владыки Архиепископа Антония на съезде, мне пришлось по сердцу. Мне кажется, что эти слова — исповедание и отражение подлинной веры Церкви.

Вы так передали слова своего Святителя:

“Съезд был открыт докладом Архиепископа Антония о предстоящем прославлении Русской Зарубежной Церквию новых русских мучеников. Канонизации подлежат не жертвы революции вообще, а те, кто прияли мученическую кончину за веру, те, кто могли избежать смерти, своевременно отказавшись от Христа, но этого не сделали; как известно, такие случаи были.

Прославление святых обычно совершалось постепенно: сперва проявлялось местное почитание, которое приводило, после расследования, к прославлению всей поместной Церковью. Прославление же мучеников происходило особым порядком. С первых же дней гонения на христиан, сам факт растерзания или убийства на арене за исповедание веры во Христа причислял пострадавшего к лику святых, независимо от прошлой его жизни”.

Но я был бы неискренним, если бы сказал, что такое же впечатление произвело на меня недавнее Послание Вашего Первосвятителя, в котором ясно увиделось — с чем нельзя согласиться — более “душевное”, чем “духовное”. Я понимаю, мы, старые люди, хотим в своих делах торопиться, потому что наши земные сроки подходят. Но, в

таких высоких делах “dire trop — rien dire” (“сказать лишнее, это ничего не сказать”). Лучше тут недоговорить, чем переговорить и сказать тут несоответственное святой вере.

Подвиг святых благоверных князей Бориса и Глеба есть подвиг не только пролития невинной своей крови, но и непричастности к жизни страстей и грехов правления. И примером для людей не может быть [период] последнего правления царского, состоявший из целой мучительной цепи ошибок, непонимания и религиозной цели своего царского правления (непонимание даже этого), пребывания в прельщенности благополучием внешним, когда вся земля уже разверзается, как пропасть, от грехов России, и черные вороны — Распутин с его кликой, Филипп и другие, отринувшие у царя благодать помазания, — окружают его.

Смысл прославления святого есть указание на его путь, как пример жизни. Это предложение от Бога следовать его путями. Этому не соответствует царствование императора Николая II-го. И около этого не нужно говорить слащавых и абстрактных слов. И такое восхваждение его — унижение его. Никаких сурдинок здесь не нужно.

Посмотрим в первоисточник истины — Библию и на историю первосвященника Илии. Поглядим на дела Саула и как он не раскрыл своего царского помазания, которое было бесспорно. Что с ним стало? Не говорю о Валтасарах языческих, царство которых быстро теряло вес и значение в мире, и рука Господня писала на стене “Менэ текэл фарес, упарсин”... Царство русское тоже, ведь, найдено было легким... Хотим ли мы это честно и покаянно признать? Лучше, если это мы признаем и отойдем от прельщенности властью, не оказавшейся Богу верной. Номинализм — наш грех. И пусть наше покаяние будет таким, каким его желает Господь, нас зовущий к восстанию. И оно — не в отвлеченности и не в тщеславии наших льстящих нам провозглашений. Нужна борьба с безбожием мировым и русским (не только настоящим, но и прошлым). Всё требует от нас огромного покаяния и хождения во вретище мыслей и чувств.

Мы подобны сейчас тем, о которых Сам Господь наш Иисус Христос изрек: “... вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников и говорите: “если бы мы были во дни отцев наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков” (Мф. XXIII, 28–31).

Краткие, но столь выразительные примеры:

Вот церковные наши славянские книги, полные чудесных молитв. В начале их, торжественное предисловие вещает, при каком императоре и членах его Дома изданы они были. Текст церковный, извещающий об этом, огромный. А в книге — шрифт, для Имени Господа Бога Благословенного, малый (по сравнению с именами царствующего царя и его Фамилии). Пристойно ли, пристойно ли это? Можно ли было так относиться к Имени Божьему, к Самому Богу! Это было — хотя и бессознательным богохульством, даже со стороны архиереев — издавать такие книги. Кто более борется с Богом, тот ли, кто бесовски ненавидит Имя Божие, как советские безбожники, или тот, кто воздает Богу показное, лицемерное почитание, но умаляет Имя Божие пред именем царя земного? Вот каков лже–триумфализм, не самой Церкви, конечно, а тех, кто говорит от ее имени, а в действительности мучает ее.

А это повсеместное в России (с начала XIX–го века) служение по церквам в день Рождества Христова — молебна “об изгнании из России Галлов и двунадесяти языков (народов)? Было это благочестиво или нечестиво? День спасения всего мира Христом: “Бог явился во плоти“, — не сравнимый ни с каким событием не только светской, но и церковной истории, отстраняется и закрывается маленьkim преходящим торжеством русской победы над Наполеоном. Но, хотя и под сурдинку, была все же выбита в России и медаль, справедливо гласившая — “НЕ НАМ, НЕ НАМ, А ИМЕНИ ТВОЕМУ“ (Господи, дай славу).

Кто задержал необходимость Церковного Собора в России? Все буквально иерархи Русские его хотели, была создана Синодом Предсоборная Комиссия... Церковь задыхалась под монаршой волей и ее обер–прокурорством.

Кто же не дал Собору собраться в начале ХХ-го века? Монарх, опасавшийся социальных “осложнений”, не имевший нужной веры, не бывший примером веры. Тут ответственность помазания. Не само по себе оно спасает. Оно может быть и губительно, если нет веры и дел веры.

Святитель Зарубежный, о коем я упомянул, не слишком ли легко в своем Послании “сбрасывает со счетов” дело Распутина, что, мол, ничего “грязного” не было у него в сношениях с Царской Семьей. Дело здесь не в этом. Грязь Распутина, лившаяся на престол царский, была не моральная грязь. Она была, но не в отношении Семьи Царя. Дело Распутина, это не проблема блуда и грязи. Это явление *духовного блудодеяния*, в которое был введен Царь.

Все пророки Библии кричат против духовного прелюбодейства (физический блуд образ духовного): грех отхода от Бога, от любви к Нему. События русского ХХ-го века и революции пред нашими глазами; и через эти десятилетия после них, мы, верующие, можем и должны смотреть на них в свете вечности Божьей, как смотрит на нашу земную жизнь и на все в мире Священное Писание. И церковное зрение истины не может быть иным. Подкрашивание вещей и замалчивание греха недостойны нашей веры.

Послушаем, что говорил — и говорит — нам праведник бесспорный России отец Иоанн Кронштадтский, истинный пророк России, за десять лет до революции 1917 года. В 1907 году отец Иоанн Кронштадтский обратился к России с такими словами: “Приветствую вас, братья и сестры, необычным *новым* поздравлением: с новым небом и новою землею. Не удивляйтесь и не говорите, что рано поздравлять с тем, чего нет еще. Но, ведь, слово Божие истинно, и тайнозритель Иоанн благовествует о новом небе и новой земле, как о настоящих: “... Ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет” (Откр. XXI, 1). “Небо и земля прейдут, — говорит Господь, — но слова Мои не прейдут” (Мф. XXIV, 35). Посмотрите, как мір близится к концу; смотрите, что творится в мире: всюду безверие, всюду хула на Создателя, всюду дерзкое сомнение и неверие,

неповиновение; повсюду в міре вооружения и угрозы воиною; во многих местностях России и других странах острый голод; повсюду угрозы смертью, повсюду убийства, всюду расхищения казны и частной собственности; повсюду потеря стремления к высоким духовным интересам, ибо весь почти интеллигентный мір потерял веру в бессмертие души и вечные ее идеалы или стремление к богоподобному совершенству, о котором Господь говорит: “будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный” (Мф. V, 48); повсюду одно стремление к удовлетворению животных страстей; алчность к корысти и обогащение хищническим образом; огульное пьянство, неуважение брачных союзов. Смотрите и сами судите: мір окончательно растлен и нуждается в решительном обновлении, как некогда через всемирный потоп” (“Слово на Новый Год” о. Иоанна Сергиева Кронштадтского, газета “Котлин” 1907 года).

Одно из характерных явлений отпадения народа от Бога — распространение ложной мистики. Материал к познанию такового явления в русской жизни перед революцией дает В. Быков в двух книгах, написанных вскоре после его отхода от увлечения спиритизмом: “Спиритизм пред судом общества, науки и религии” и “Тихие приюты для отдыха страдающей души”. Быков утверждает, что когда он в России “приступил к широкой пропаганде и насаждению спиритического учения в духе Аллан-Кардека, Рустано, Роберт-дель-Оэна, — в философской доктринальной части его, а в практической — в духе эксперименталистов Крукса, Пальнера, Рише, Роша и других”, — то “сверх всякого ожидания, откликнулись, в первые годы издания журналов “Спиритуалист”, “Голос всеобщей любви”, “Смелые мысли” и газеты “Оттуда” — до 50.000 человек, желавших подписатьсь на них. Это обстоятельство вызвало переполох даже в церковной печати”. “Я помню, — говорит Быков, — в Оренбургских Епархиальных Ведомостях была напечатана статья, автор которой вполне резонно отмечал в этой пропаганде угрожавшую людям, слабым в вере, опасность отойти от родной религии, скрепляя свои доводы тем соображением,

что если считать около каждого подписчика не менее десяти человек читателей, то контингент их составит 500.000 человек в год“.

В России увлекались спиритизмом и иными ложными явлениями духа не только помещики и чиновники, но даже священники и крестьяне. Спустя много лет, после своего раскаяния и отхода от спиритизма, Быков “встречал в Тамбовской губернии, в Борисоглебском уезде, правильно организованные спиритические кружки среди крестьян“.

Как в великосветских петербургских салонах, так и в крестьянских избах происходили различные псевдо-духовные явления... Согласно Библии, эти явления всегда были в истории показателем омрачения и симптомом духовного разложения народов. Библия ясно говорит всякому народу: “... не научись делать мерзости, какие делали народы сии (т. е. язычники — Е. И.). Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель,зывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего. Будь непорочен пред Господом, Богом твоим. Ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и прорицателей; а тебе не то дал Господь, Бог твой...“ (Второзаконие, XVIII, 9–14).

Если мы хотим продолжить свою речь о симптомах нечестия какого-либо народа и приближения смутного времени к России, нам надо остановить свое внимание и на одной жуткой по своей простоте заметке помещенной в одном из лучших религиозных журналов предреволюционной России: “Вера и Разум“ (Харьков, 1900 г.). Заметка напечатана мелким шрифтом и на последней странице этого журнала, хотя ее следовало бы напечатать огромными буквами на первых страницах всех русских газет и журналов того времени. Вот текст этой заметки:

“Санкт-Петербургский Вестник“ сообщает следующие сведения о деятельности Общества распространения книг св. Писания в России за 1899 г. Отчетный год, вопреки опасениям, в финансовом отношении закончился благополучно: в приходе было 46.315 рублей, в расходе 45.392 рубля; таким

образом, оказалось в остатке 923 рубля. Книг Свящ. Писания распространено в разных губерниях Европейской России и на Кавказе, по городам, селам, железным дорогам и на пароходах — 49.519 экз. (за 36.212 рублей), в том числе Библии, которые народ теперь так охотно покупает, ознакомясь с содержанием сей богоухновенной книги, — 4.169 экз. Распространяли св. книги шесть книгонош, один испытуемый в книгоноши и 23 лица, в том числе 8 членов Общества с процентной уступкою; кроме того, по требованию выслано было 5.484 экз. священных книг в 28 различных общественных учреждений, в школы, монастыри, братства, военные части, земские управы, в один завод и в одну тюрьму. Главными деятелями по распространению св. книг, как всегда, были книгоноши. Их сообщения о том, как относится человек к св. Писанию, и как оно благотворно действует, в особенности на простолюдина, представляют интерес. Можно только благодарить Бога, что скромное Общество, не располагая, можно сказать, никаким почти капиталом, вот уже 37 лет неослабно продолжает свою деятельность”.

На пороге ХХ-го, чреватого столь большими событиями века, в кассе “Общества для распространения книг Св. Писания в России” оставалось *923 рубля!* Спросим себя, сколько же этих русских рублей оставалось на карточных столах и рулетках европейских курортов, сколько тратилось на отделку особняков, дворцов, дач, сооружение парков, псовых дворов, оранжерей, конюшен для скаковых лошадей? Сколько шло на туалеты, драгоценности, балы, маскарады?... В рабочем и крестьянском кругу — сколько миллионов трудовых страдальческих русских рублей оставалось в “казенке”, шло на доходный для правительства алкоголь, эту так разворачавшую народ “красную головку”, обратившуюся в огромную красную голову революции?

Несомненно, что на пороге ХХ-го столетия русские люди (говорим лишь о них) не предложили воплощенному в міре Божьему Слову достойного помещения. Христову Слову была предоставлена ими только одна Вифлеемская солома. Удивительно ли, что судьба России ХХ-го века оказалась столь похожей на судьбу Иудеи I-го века? То же мировое рассеяние, и то же попрание национальной святыни.

Атеистический максимализм вышел не только из иностранных недр; он выполз, вылетел, как саранча, из собственной русской греховности и материалистичности... Не просвещенное Христовым светом горячее русское сердце так часто уходило и в темный фанатизм, и в мертвящее обрядоверие, опьяняло себя распутством, отчаянием, тоской, разбоем и алкоголем... И мы, пастыри Русской Церкви, может быть, более всех виновны в том, что не защитили своего стада от волков воинствующего атеизма.

Предвестие о падении православной России прозвучало над страною в падении Царя–Колокола... Образ этого великого колокола, ставшего безгласным и расколотым, остается в Кремле до наших дней перед глазами всего русского народа. Царь–Колокол лежит на земле, как притча, как зов к покаянию. Но русские люди привыкли более гордиться своим Царем–Колоколом, чем уразумевать значение его падения. Этот лежащий во прахе Царь–Колокол Кремля остается до наших дней символом недостигнутой цели русского народа, недостроенности “Дома Пресвятая Богородицы”. И рядом с этим образом падения стоит образ Ивана Великого, Пророка и Предтечи Господня, этот “глас вопиющего в пустыне”. И в самом своем молчании он зовет русский народ — и все народы — к покаянию.

И вот, некоторые размышления, которые нельзя не принять. Кроме мучеников за Христа, никого не надо прославлять. Царь Николай Александрович и царица Александра Федоровна — не исповедники и не мученики за Христа. Они страдальцы и со–страдальцы своему народу, который страдал и за свои и за их грехи. Достаточно прочесть “Дневник” царя и “Письма императрицы”, чтобы видеть, сколь несоответственны были они своему положению, своей ответственности. Заграничная канонизация их — акт не религиозный, не духовный, а душевный (житейский акт нравственности “обще–человеческой”, благородной гуманности); монархисты верят в царя, как святого, в силу сакраментального помазания св. миром. Но это помазание есть усугубление ответствен-

ности, а не провозглашение святости человека в Церкви, это не “почетная грамота” Церкви человеку, а постановление человека на священное служение, явление человека — как жизненного примера всем людям. А сами мы кто такие, чтобы раздавать святость?! Господь Один ее раздает в соборном Слове Петровом. И дело не в большинстве, а в Божьем Слове.

Что сейчас нам надо делать? Нам нужно прославить Бога, чтить то, что ведет к прославлению Бога. *Причисление к лицу святых* последнего российского императора Николая II-го (отрекшегося от российского престола своих отцов под общественным давлением группы политиков)? Нет, не ведет, а скорее искривляет само понятие святости.

Если бы я дерзал охарактеризовать Словом Писания дело Николая Второго, как православного Царя, я бы приложил к его жизни и к жизни многих русских людей, и особенно пастырей, такие слова:

“Каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, — тот получит награду; а у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасется, но так, как бы из огня” (I Кор, III, 13–15).

Не будем никому раздавать святость. Будем молиться за всех, чтоб простились грехи наши. И нигде нашего прощения не может быть, как только в том, что русский народ перестанет быть колесницей безбожия в мире, но станет исповедником — словом и делом — православной веры.

У истоков церковной смуты в эмиграции

ПИСЬМА С. Л. ФРАНКА К КН. Г. Н. ТРУБЕЦКОМУ

(Публикация Н. А. Струве) *

История церковной смуты в эмиграции еще не написана, о чем приходится особенно жалеть в наши дни, когда эта смута перекидывается и в Россию и когда об этом периоде можно встретить в прессе самые невероятные измышления.

Письма крупнейшего религиозного мыслителя С. Л. Франка (1877-1951) к кн. Г. Н. Трубецкому, младшему брату известных двух философов, дипломату, ставшему в эмиграции церковным деятелем, проливают яркий свет на самый острый момент церковного раздора в эмиграции.

Как известно, в апреле-мае 1922 г. святитель Тихон был вынужден упразднить "Высшее церковное управление", находившееся в Сремских Карловцах, из-за сугубо политических его выступлений (в частности, за восстановление монархии и дома Романовых).

Одновременно святитель Тихон подтвердил назначение митр. Евлогия единственным управляющим Западноевропейским церковным округом и поручил ему представить проект организации церковной жизни во всех странах, где разместилась эмиграция. Митр. Антоний Храповицкий, возглавлявший Управление, хотел было в начале подчиниться воле патриарха и решил удалиться до конца дней на Афон. К сожалению, окружение воспротивилось этому намерению и убедило митр. Антония остаться в Белграде. Высшее церковное управление было упразднено, но тут же восстановлено под названием Временного Архиерейского Синода... Трения между митр. Евлогием и Архиерейским Синодом начались почти сразу же, но раскол выявился лишь в 1926 г. в связи с претензиями Берлинского викарного епископа Тихона (Лященко) на самостоятельное управление епархией под омофором Синода.

* Приношу благодарность С. Г. Трубецкому, предоставившему мне эти письма для печатания в "Вестнике" — Н. С.

Митр. Евлогий, смиренный возложенной на него ответственностью, был согласен, вопреки патриаршей воле, не распространять своей власти за пределами Западной Европы, но не мог согласиться на ущемление своих наилучших прав, дважды подтвержденных Святым Тихоном.

Так Берлинское викариатство, состоящее всего из семи приходов (из которых добрая половина была крайне малолюдна) послужило предлогом для разжигания смуты, вплоть до необратимого раскола. За отказ подчиниться решению Архиерейского Собора, выделившего викариатство в самостоятельную епархию, митр. Евлогий был запрещен в священнослужении! (с чем, разумеется, не посчитался).

Вся русская эмигрантская общественность, за исключением крайне правых, поддержала митр. Евлогия. В частности, все четыре столпа русского религиозно-философского возрождения — С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Струве и С. Франк встали на сторону митр. Евлогия. Кн. Григорий Трубецкой, также сторонник канонических прав митр. Евлогия, проявил немалые усилия, чтобы утишить раскол, но, увы, старания его оказались тщетны.

1.

Берлин, 31 авг. 1926
Berlin Halensee, Joachim-Friedrichstr. 48
Anhalt Bahnhof
8 ч. 58

Gartenhaus

Дорогой Григорий Николаевич!

К большому моему сожалению, Ваше спешное письмо, адресованное на мой старый адрес, дошло до меня только сегодня. — Пожар раз уже разгорелся с полной силой, и затушить его немыслимо. Еп. Тихон отверг все примирит. предложения.¹ Попытка причта (стоящего на стороне митр. Евлогия) служить в храме на Nachodstr. кончилась тем, что еп. Тихон оттолкнул уже облаченного и начавшего служить о. Павла² от алтаря, после чего причт снял облачение и ушел из храма. — Мы просили митр. Евлогия приехать сюда, и он приезжает в пятницу. — Здесь

фактически теперь два прихода, каждый из которых объявляет себя законным, и которые с чисто гражданско-точки зрения, в сущности, оба не могут считаться преемниками старого прихода, п. ч. приходск. совет раскололся примерно пополам, и идет кляузнич. спор о кворуме и праве голоса отдельных членов (псаломщика, — уехавших в Париж членов и т. п.). Главное несчастье здешнее однако в том, что *принципиальных* сторонников канонического послушания митр. Евлогию тут почти нет — 2–3 человека — остальная масса прихожан, не признающих Тихона — просто его личные враги. Раскол поэтому носит характер отвратительной эмигрантской грызни. Деловых людей, которые могли бы организовать фактически новый приход, нет. Часть группы рвется к крайним и насильтственным мерам, и надо все время противодействовать этому. Я весь отдался этому делу, но делаю его только по чувству долга, с отвращением ко всей атмосфере, в которой приходится работать. Боюсь, что здесь наше дело провалится — от. Павел Савицкий уже заколебался и, служа у нас, бегает к Тихону. Останется, вероятно, несколько человек, не признающих еп. Тихона принципиально, и им придется ездить в Тегельский приход, к-рый твердо стоит на канонич. почве (это — на окраине Берлина).

Все это, конечно, между нами. Боюсь, что ярость берлинских страстей отразится на судьбе всего вопроса и воспрепятствует компромиссу между митр. Евлогием и Антонием.

Всего доброго. Если бы Вы могли приехать сюда вместе с митр. Евлогием хоть на несколько дней — было бы очень хорошо. Противная сторона выписала себе Марковава³ из Парижа.

Искренне любящий и уважающий Вас

С. Франк

Берлин, 6 сент. 26

Дорогой Григорий Николаевич,

вчера я не успел отправить Вам телеграмму в ответ на Вашу, а сегодня получил Вашу открытку, отосланную очевидно до получения моей телеграммы. Никакого ответа из Карловцев на телеграфное предложение митр. Евлогия нет, и митрополит считает, что отсутствие ответа равносильно отрицательному ответу. Ему очень хотелось, чтобы Вы прочитали здесь объективный доклад о канонических основах спора, чтобы вразумить колеблющихся. Мы бы устроили это от имени религ. филос. академии. Я сам колебался, не будучи уверен, имел ли бы такой доклад у нас большую практическую цену (т. к. огромное большинство прихожан уже утвердились в той или иной позиции) и вправе ли мы из-за этого прервать Ваш отдых и утруждать Вас. Теперь, ввиду того, что мы вовремя не имели Вашего согласия, вопрос отпадает сам собой, т. е. уже поздно до отъезда Владыки организовать доклад. Он уезжает теперь в среду.

Из Карловцев некоторые известия есть — передаю их Вам; Вы, конечно, сами понимаете, что они пока секретны. Пришла телеграмма от 31 авг. митрополиту след. содержания “*Nouveauté extraordinaire écrivons Paris. Vladimir. Veniamin*”, но соответствующее письмо еще не дошло сюда из Парижа.¹ Мне лично вл. Вениамин только что сообщил по секрету, что “пришла бумага из Москвы, которая может многое изменить”. Очевидно, это и есть чрезвычайная новость. Митрополит относится к этому известию скептически, не верит в возможность получения в Карловцах решающей бумаги из Москвы и как будто потерял вообще надежду на примирение.

Вл. Вениамин запросил моего личного мнения, как можно было бы помочь делу. Я ему ответил (с благослов. митрополита) вот что. Вся острота принципиального вопроса была бы смягчена, если бы владыки примирились на удалении от нас еп. Тихона (к-ый после всего случив-

шегося невозможен для большей половины прихода, даже если бы митр. Евлогий согласился его оставить) и назначили бы нам другого, нейтрального и приемлемого для обеих сторон епископа. При этих условиях митр. Евлогий готов ведь дать своему германск. викарию очень широкие полномочия. Решение принципиального вопроса могло бы быть отложено до будущего собора и имело бы тогда шансы кончиться миролюбиво. Сколько я ни думал, другого выхода я не вижу. Если у Вас есть какие-нибудь пути для воздействия на карловцев, не откажите в этом смысле действовать.

Вы, вероятно, знаете, что митр. Антоний выписал себе на 27 авг./9 сент. вл. Феофана и Серафима для обсуждения вопроса. Митр. Евлогий именно поэтому и смотрит на дело пессимистически.²

У нас, с помощью митр. Евлогия и под давлением его авторитета, образовался приход законопослушных, в к-рый записалось уже 175 чел. (на противной стороне — 90). Но это совсем не значит, что у нас все благополучно. Царит прежний революционный развал в душах, здоровых организационных сил почти нет, и чем это все кончится у нас здесь — одному Господу Богу известно. Даже в случае примирения нелегко будет изгнать накопившиеся с обеих сторон злые страсти. Еп. Тихон для одной стороны себя совершенно скомпрометировал своим поведением, а другую — объединил с собой в исступленно-истерической любви к себе, как к мученику. Если его от нас не возьмут, то большая часть прихода отойдет от церкви.

Вы нас и меня лично очень утешили Вашей готовностью помочь нам. Мы (разумею сознательную, принципиальную часть сторонников митр. Евлогия) здесь ведь очень одиноки.

Искренне любящий Вас

С. Франк

3.

Berlin-Halensee
Joachim-Friedrichstr. 48
Gartenhaus

[открытка]

Берлин, 8 сент. 1926

Дорогой Григорий Николаевич!

Митр. Евлогий сегодня от нас уезжает в Дрезден, а оттуда обратно в Париж. Теперь настала моя очередь усердно просить Вас, как только будет какая-нибудь новость в ходе дела, не отказать немедленно известить меня. Если новость будет и секретная, но Вы сочтете возможным доверить ее мне, то я обязуюсь конечно хранить тайну, но для ориентировки очень важно знать, как обстоит дело. "Бумага из Москвы", о к-рой я Вам писал, по-видимому, не что иное, как обращение Сергия к советск. власти, содержащее м. пр. предложение совершенно отгородиться или отречься от заграничной церкви. В Карловцах ее, кажется, собираются использовать для своих целей, но это во всяком случае предполагает полный пересмотр вопроса. Завтра 9 сент. — день обсуждения в Карловцах, вместе с Феофаном и Серафимом, всего вопроса. — У нас настроение немного улеглось после "победы", одержанной нами с помощью митрополита, т. е. перехода на его сторону большей части прихода, и возрастает надежда мирно организовать законопослушный приход.

Буду теперь с нетерпением ждать от Вас вестей.

Жму Вашу руку. Искренне любящий Вас

C. Франк

Дорогой Григорий Николаевич!

Я в свою очередь был очень рад, после долгого перерыва, иметь весть от Вас, хотя и по безнадежно скучному поводу, как Вы верно замечаете. Ваше письмо, пространствовав по трем квартирам, которые я со времени пребывания на Karl Sehraderstr. успел переменить, только сегодня достигло меня.

По существу я мало могу Вам сказать, т. к. я с первого апреля живу вне Берлина и в детали новейшей распри, в связи с “братством”, не посвящен.1 Помимо того, я вообще уже давно отошел от активного участия в церковных делах, связанных с расколом, именно потому, что пришел к убеждению в их совершенной безнадежности и в невозможности, при данной психологической обстановке, помочь разумному и достойному их решению. Одно только могу сказать Вам, думаю, с полной объективностью: воля к борьбе уже давно теперь — всецело на стороне карловчан, на нашей же стороне — хотя далеко не только по христианским мотивам, господствует настроение терпения и пассивности. Тот компромисс, который Вы предлагаете, как выход из положения (чтобы нам принадлежала верхняя церковь в Тегеле, карловчанам же — нижняя, так чтобы обе стороны могли пользоваться тегельским кладбищем) — этот компромисс есть именно введенный по инициативе нашей стороны действующий *status quo*. Судя по всему предшествующему, нынешний захват карловацким большинством братства права владения церковью и кладбищем приведет, напротив, к совершенному изгнанию евлогианцев оттуда. Евлогианцам отныне, повидимому, придется либо терпеть, чтобы покойников хоронили не признаваемые ими иерархи, и чтобы еп. Тихон над телами покойников в агитационных проповедях обличал их ереси, либо же хоронить своих покойников на немецком кладбище. Еп. Тихон поторопился тотчас после захвата кладбища в день “радоницы” обойти с молебном кладбище, хотя знал, конечно, какую горечь

вызовет его самовольное действие в душах евлогиан. При таком насилийском образе действий решение митр. Евлогия обратиться к немецкому суду (о котором я, впрочем, узнаю впервые от Вас) — решение, которого принципиально — я с Вами вполне согласен — следовало бы избежать, — может быть все же оправдано из состояния “крайней необходимости”. Если я тоже против этого решения, то по другим мотивам: так как я знаю, что юридическая ловкость, энергия и активность всецело на стороне карловчан, на нашей стороне царит растерянность и неумелость, то я почти не сомневаюсь, что мы это дело проиграем так же, как проиграли дело о владении храмом на Nachodstr.

Что евлогианская паства значительно уменьшилась, а тихоновская — возросла, — это неверно. Верно только, что из нашей и, вероятно, и из их церкви ряд лиц вообще ушел, или формально обратившись в католичество, или предпочитая посещать католич. храмы, или вообще перестав посещать церковь. Тем не менее прежние финансовые трудности нашего прихода теперь преодолены. Очень помогает нам ревностная преданность нашему приходу вел. кн. Гавриила Константиновича.²

На Ваш вопрос, что я думаю о церковной распре, могу ответить только одно — смысл ее теперь, как мне думается, вполне и с совершенной очевидностью выяснился: как бы плоха и слаба ни была наша, евлогианская, группа — на ее стороне — верность церковной правде, на стороне карловчан — искажение ее злобствующим и фарисейски-самодовольным политиканством. Компромисс в практических делах, конечно, по-прежнему был бы желателен, если бы он только был возможен (к сожалению, он невозможен из-за разнозданно-захватнического настроения карловчан). Но компромисс духовный и по существу дела не только невозможен, но и недопустим; при всей ценности церковного мира, есть нечто, что выше его — и это есть церковная правда. Я менее всего склонен к какому бы то ни было фанатизму, но должен склониться перед очевидными фактами и диктуемыми ими велениями совести.

Читали ли Вы о недавней проповеди и действиях митр. Антония в Белграде в день именин вел. кн. Кирилла?

Живу во всех отношениях трудно, но Бог грехам терпит. Спасибо за память.

Сердечно жму Вашу руку и желаю Вам и Вашей семье всего доброго.

Ваш С. Франк

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо 1

1. Еп. Тихон (Лященко, 1875 Воронеж. губ. – 1945, Карлсбад). Из духовного звания, овдовев, окончил Киевскую Дух. Академию, где стал профессором. Хиротонисан в 1924 г. в Берлине митр. Евлогием и еп. Сергием Королевым. “Тяжелое чувство осталось у меня от этого торжества, — писал митр. Евлогий... — Архим. Тихон произнес напыщенное “слово” о своем научном богословском творчестве, “которое он готов принести в дар Церкви...” В ответной речи я счел нужным подчеркнуть нескромность его заявления... Тяжелое мое чувство было прискорбным предчувствием. Еп. Тихон с его непомерным честолюбием оказался главным виновником моего разрыва с Карловцами”. (*Путь моей жизни*, YMCA-Press 1947, стр. 419).

В отсутствие митр. Евлогия Архиерейский собор в Карловцах “постановил выделить Германию в самостоятельную епархию... подчинив ее юрисдикции Карловацкого Синода”.

Однако самостоятельное управление еп. Тихоном оказалось малоудачным. После многочисленных жалоб, в 1938 г. Карловацкий Синод вынужден был назначить ревизию и удалить еп. Тихона на покой.

2. О. Павел Савицкий, по воспоминаниям митр. Евлогия, после раскола, “ушел в школьные законоучители”.
3. Марков Николай (1876–1943), депутат III и IV Думы, прозванный Марков II, один из руководителей Союза Русского Народа. В эмиграции сыграл роковую роль в провале Зарубежного Съезда 1926 г. и всячески подогревал церковный раскол.

Письмо 2

1. В сентябре месяце состоялся в Карловцах Архиерейский собор, на который митр. Евлогий не поехал, но был представлен своими викарными епископами Владимиром (Тихоницким) и Вениамином

(Федченко), подтвердившими, что они признают власть Архиерейского Собора “как временную”. Бумага из Москвы — по всей вероятности, проект декларации местоблюстителя митр. Сергия от 10 июня 1926 г. (не возымевший действия), в котором он предлагал целиком отмежеваться от всякой политики, а клирикам в эмиграции либо воздерживаться от политических выступлений, либо переходить под омофор заграничных православных церквей.

2. Владыка Феофан (Гаврилов), б. епископ Курский (1872–1943).

Владыка Серафим (Соболев), архиеп. Богучарский (1881–1950), в апреле 1921 г. назначен был митр. Евлогием управлять русскими приходами в Болгарии. Стал активным членом Карловацкого Синода, придерживался крайне консервативных взглядов как в политике (служил молебны о якобы живом государе), так и в богословии, обличая “ереси” о. Сергия Булгакова. Митр. Евлогий пишет: “Назначение не из удачных. Еп. Серафим создал в приходе неприятную атмосферу нездорового мистицизма — пророческих вещаний, видений... Против о. Сергия Булгакова он написал обличительный труд — толстый том в несколько сот страниц, очень примитивный и в научном отношении незначительный”. (*Цит. соч.*, стр. 438).

Письмо 4

1. Основанное в 1889 г. прот. А. Мальцевым, берлинское Св. Кн. Владимирское Братство построило в 1895 г. в берлинском предместье Тегель кладбищенскую церковь и учредило при ней православное кладбище.
2. Вел. князь Гавриил Константинович (1887–1955, Париж), сын вел. кн. Константина Константиновича Романова — известного поэта К. Р.

ПИСЬМО И. А. ЛАГОВСКОГО К С. Л. ФРАНКУ

6. VIII. 26, Paris

Глубокоуважаемый Семен Людвигович!

Простите, что на Ваше письмо от 27 VII отвечаю с таким запозданием. Как раз был очень горячий момент — конференция в Клермоне,¹ выпуск № 9 Вестника, подготовка к годичному съезду. Дай Вам Господь поскорее оправиться от Вашей хворости и снова иметь возможность работать беспрепятственно. Момент переживаемый таков, что надо молить Господа, чтоб Он всем дал и силы, и свет. Трудно сказать что-либо определенное о создавшемся положении. Одно ясно, что владыка митрополит Евлогий твердо стоит на почве соблюдения и хранения воли покойного св. патриарха Тихона и всеми силами противодействует попыткам вовлечь св. Церковь в политическую борьбу. Вопрос об отношении к архиерейскому собору в Сремских Карловцах был одним из основных интересов недавно закончившейся конференции в Clermont² е. О ней были заметки в "Возрождении" и "Днях".² Особенно хороша и сердечна была заметка, помещенная в "Днях". Поэтому, думаю, что некоторое общее представление о духе и направлении работы конференции Вы уже имеете. Подробный отчет о ней с почти дословным воспроизведением речей владыки митрополита, архиепископа Владимира и еп. Вениамина,³ касавшихся событий в Карловцах, помещен в выходящем на днях № 9 нашего Вестника. Владыка Евлогий не предпринимал резких шагов, ожидая того, что иерархи, собравшиеся в Карловцах, немножко остынут, поймут свою неправоту и убоятся возможных последствий взятой ими линии поведения. Впрочем, он послал в Берлин свои распоряжения, но, кажется, их задержали в смысле опубликования. Митрополит Антоний в частных письмах как будто каётся во всем прошедшем, но при его

“мягкости” и способности к “смене настроений” этот “покаянный стих” не имеет существенного значения.⁴ Разве что он разогреется до такой степени, что выступит с печатным заявлением. Во всяком случае — положение, повидимому, остается очень и очень тяжелым. Кажется, идет мобилизация “темных сил”, и нужно ждать возобновления нападений. Сейчас на очереди, повидимому, атака на Духовную Академию.⁵ На следующей неделе Владыка митрополит созывает совещание своих викариев и, м. б., предпримет некоторые шаги общего значения. Правые — см. “Отечество”, кажется № 7⁶ — всеми силами, включительно до подтасовки и искажения документов и фактов, пытаются подорвать каноническую позицию митрополита. В Париже их происки как будто бы и не встречают поддержки, но осложнения могут быть... Для нас, участников Движения — говорю о Париже и Чехословакии, — ясно, что только с митрополитом и при его благословении мы остаемся в связи с Русской православной Церковью; что наш долг всю нашу организованность и спаянность друг с другом употребить на сохранение Единства Церкви и верности чрез митрополита воле покойного патриарха Тихона. Слишком много выстрадала Русская Церковь в минувшем, чтоб за какие бы то ни было “блага” можно было бы согласиться на ее подчинение политическим расчетам. Судя по последним шагам “Юго-Востока Европы” в ближайшем будущем нужно быть готовым ко всему. Только что узнал, что на имя Академической библиотеки прислано в нескольких экземплярах “письмо митроп. Евлогию” за подписью председателя Антония, в котором в категорической форме требуют от митрополита “покаяния и подчинения”, угрожая, в противном случае, низложением. “Партизаны” Карловцев и владыки Антония распространяют слухи, что в Париже уже назначен арх. Феофан, что он на днях приедет и потребует всех к ответу.⁷ Словом, можно ждать самых неожиданных событий... Так болит сердце, когда думаешь о всем этом. Как-то поможет Господь справиться с этой бедой...

Теперь относительно Вашей статьи. Спасибо сердечное за разрешение воспользоваться для номера Вестника

Вашей речью. Экземпляр ее у Л. Н.⁸ есть. Перевод организуем. В случае сокращений — согласно Вашему желанию — будут сделаны соответствующие оговорки. Хочется верить, что, Бог даст, Ваше здоровье улучшится и Вы снова получите возможность взяться за перо. Разрешите надеяться, что тогда Вы не откажетесь времени от времени давать нам нечто. Пока до свидания. Спаси и сохрани Вас Г. Н. И. Х. Всего доброго.

Уважающий Вас и с глубокой признательностью вспоминающий дни, проведенные под Вашим председательствованием в Pfaffendorf' e⁹

И. Лаговский

P. S. Николай Михайлович¹⁰ уехал на целый месяц — в Гельсингфорс (съезд секретарей YMCA) и Копенгаген (Генеральн. секретариат), поручив дело издательства мне. Этим и объясняется, что, вместо него, отвечаю на Ваше письмо.

И. Л.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 19 июля открылся в Клермоне (неподалеку от гор. Вердена) третий съезд РСХД во Франции. Первая его часть была посвящена целиком вопросом общей и частной молитвы, вторая — насущным проблемам дня, в частности начавшемуся расхождению между Архиерейским Собором в Карловцах и митр. Евлогием.
2. "Возрождение" — ежедневная газета, выходившая в 1925—начале 1927 гг. под редакцией П. Б. Струве.
3. "Дни" — периодическое издание, выходившее под редакцией А. Ф. Керенского.
3. Митр. Владимир Тихоницкий (1873—1959), викарий митр. Евлогия в Ницце, стал после его смерти его преемником. Еп. Вениамин Федченков (1880—1961) остался верен Московской Патриархии, после того как в 1930 г. митр. Евлогий, запрещенный местоблюстителем Сергием, перешел под омофор Вселенского Патриарха. В 1947 г. из США вернулся в советскую Россию, где занимал разные кафедры, умер на покое в Псково-Печерском монастыре.
4. Митр. Антоний Храповицкий (1863—1936). Его большим авторитетом прикрывались члены Архиерейского Собора и их советники, в то время как митр. Антоний своего авторитета не проявлял и подчинялся

решениям Синода, хотя в “частных письмах” признавал, что с ними не согласен. Так было, когда Архиерейский Собор постановил 17.6. 1926 г. “признать У.М.С.А. (Союз Христианской Молодежи) и Всемирную Христианскую Студенческую Федерацию ... явно масонскими и антиправославными и поэтому не разрешать членам православной Церкви организовываться в кружки под руководством этих и подобных им неправославных и нецерковных организаций или быть в сфере их влияния“.

В письме на имя о. Льва Липеровского, но обращенном к членам Движения, митр. Антоний десолидаризовался с этим постановлением: “.... Собор не воспретил участия в его [У.М.С.А.] издательствах, в коих и я принимал участие, так как никакой противоправославной пропаганды я не встречал за последние 4–5 лет ни в изданиях Общества, ни в субсидируемом им Парижском Богословском Институте, ни в отношении его к русским молодым людям. Что же касается до представителей Общества, входящих в ближайшие отношения к русским богословским кружкам Г. Г. Кульмана, Г. Лаури и др., то открыто признаю их друзьями Православной Церкви и веры, которых влияние на русских студентов может быть для нас только отрадным“.

Отрицательное отношение Архиерейского Собора к YMCA митр. Антоний объяснял довольно запутанно тем, что значительная эволюция в обществе YMCA была “настолько мало известна Собору, что я, зная о последней, не мог навязать своего убеждения собратьям архиереям“. Иными словами, митр. Антоний подписал определение, которое было, по его же словам, основано на полном незнании дела. Совершенно очевидно, что если бы митр. Антоний открыто воспротивился этому определению, то оно принято не было бы.

В 1949 г. Архиерейский Синод, под председательством митр. Анастасия, коренным образом изменил свою политику и определил “разрешить чадам Русской Православной Церкви участие в Русском Христианском Союзе Молодых Людей“ (*Церковная жизнь*, 7–8–9, Мюнхен).

5. Собор архиереев в Карловцах в послании от 31 марта 1927 г. осудил профессоров Богословского Института как “новых лже–пророков“ и виновников “нечестивой новизны“ (и это тоже вопреки мнению митр. Антония, изложенному в цит. выше письме к “движенцам“).
6. Еженедельная газета — орган “Русского зарубежного патриотического объединения“ — уделяла церковным вопросам в эмиграции большое место. Главным сотрудником ее был идеолог карловацкой ориентации Н. Д. Тальберг. Газета просуществовала два года (1926–27).
7. Архиеп. Феофан в Париж не приехал. После запрещения митр. Евлогия в 1927 г. Архиерейский Собор назначил в Париж архиеп. Серафима (Лукьянова), возведя его в сан митрополита. Отличавшийся большим честолюбием, слабым характером и скандальным поведением, митр. Серафим в 1945 г. перешел в Московскую Патриархию.

8. Лев Николаевич Липеровский, в те годы диакон и секретарь Движения. Статья С. Л. Франка напечатана не была.
9. С. Л. Франк принимал деятельное участие в работе РСХ Движения в Германии, где устраивались местные съезды с приглашением гостей из Франции.
10. Николай Михайлович Зернов (1898–1980) в те годы секретарь РСХ Движения и редактор “Вестника“.

Мученики и исповедники XX столетия

НОВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ГИБЕЛИ МИТРОПОЛИТА КИЕВСКОГО ВЛАДИМИРА

Более сорока лет минуло со дня трагической кончины старейшего из иерархов, принимавших участие в историческом для Российской Церкви Поместном Соборе 1918 г. – митрополита Владимира Киевского. Почти в каждом из вышедших в разное время трудов, освещдающих новейший период ее истории, встречается множество документальных свидетельств о судьбах духовенства и мирян в трудные послереволюционные годы. Однако, нам редко приходилось видеть в них документы, связанные с последними часами жизни этого выдающегося иерарха. Поэтому документ, предлагаемый ниже вниманию читателей, представляется нам особенно интересным.

Недавно возобновились богослужения в храмах Ближних пещер Киево-Печерской Лавры, в одном из которых погребен митрополит Владимир. Будем надеяться, что давно раздающиеся требования канонизации его будут вскоре услышаны.

Описание документа № 1

Публикуемый документ представляет собой черновой вариант докладной записки об обстоятельствах гибели митрополита Владимира. Автор неизвестен, какие-либо указания на авторство отсутствуют. Текст написан обыкновенным карандашом на сложенном вдвое листе желтоватой линованной бумаги. На полях записки имеются приписки карандашом, сделанные другой рукой. Поля расположены: на листах 1 и 2 – справа от основного текста; на листах 1 (оборот) и 2 (оборот) – слева от основного текста. В осн. тексте сделано несколько поправок чернилами. Дополнения и исправления, обозначенные (*), внесены в осн. текст тем же карандашом, что и приписки на полях.

Настоящий документ во многом совпадает с описанием тех же событий в воспоминаниях митрополита Евгения (Георгиевского), которые мы не приводим здесь за негод-

статьком места, однако, заметны и большие расхождения в некоторых деталях. См.: Митр. Евлогий, "Путь моей жизни". Париж 1947. стр. 310.

Описание документа № 2

Документ — рапорт Киевской консистории, напечатан на пишущей машинке и подписан исполняющим обязанности секретаря консистории. Напечатано на листе белой бумаги, печати и штампы отсутствуют.

(Вступление и публикация А.)

ДОКУМЕНТ № 1

Лист 1

25 января поздним утром, часов в 11–12, явилось 5 солдат и производили обыск в покоях митрополита. Обыск прошел без эксцессов. Солдаты интересовались бумагами, но ничего не взяли.¹

В тот же день около половины седьмого в трапезной обедали 5 солдат. Иеродиакон [Иаков] был у Экономических ворот и видел, как они вошли в лавру. Один из них был в черной кожаной куртке, "особенно злujący" по внешнему виду, по словам этого иеродиакона. Надо заметить, что у ворот был поставлен комендантом патруль. Солдат, бывший в то время ~~на час~~ у ворот, говорил этому иеродиакону, что это тот самый ~~челов~~, который поставил его на пост, — их разводящий. В трапезной этот же иеродиакон сидел с солдатами. Разговор шел в том направлении: "Ваш митрополит кровь пьет, его скоро не будет".

Из трапезной солдаты отправились к митрополиту. Три раза позвонили. Митрополит в это время был внизу, у бывшего наместника Амвросия, куда зашел после службы вместе с еп. Феофаном, в подряснике. Солдаты прошли к помещению о. Амвросия. К ним вышел еп. Феодор. Они обратились к нему:

"Вы митрополит?" — "Нет". В это

Лист 1 (обратом)

мгновение вышел сам митрополит. Тогда солдаты “вытолкали” митрополита еп. Феодора в другую комнату, а митрополита увезли за ширму. По словам о.* Климента, они там истязали митрополита минут 15. Впрочем, о. Амвросий опровергает это.²

По прошествии четверти часа, о.* Амвросий услышал, как солдаты обратились к митрополиту: Веди нас в свои покои. Митрополит отвечал: Если Вы хотите застрелить меня, то стреляйте здесь, я не пойду. — “*Ну иди, иди, кто там стрелять будет”. “*Выйдя на площадку, митрополит остановился: Я не пойду, стреляйте здесь. — Иди, иди. — За ним следовал иерод. Федор, но один из солдат приставил ему револьвер к виску и запретил итти в покои. В покои ~~вонти~~ с митрополитом вошли только трое солдат. И там,* по словам иерод. Федора, оставались пол-часа. Там оказалось все перерытым. Одна комната была заперта. Ключа не было. Митрополит хотел пойти за ключом. Но солдаты не позволили, а один из них вышел и взял ключ. По осмотре оказалось, что все панагии целы, только взяты одна цепочка от панагии и деньги.

В это время иерод. Федор разговаривал с оставшимися солдатами на площадке. Один из солдат оказался родом из Витебской губернии. Втор. Со вторым: Да вы почему здесь? откуда сюда попали? Да как же, тут у меня иер. Герман

Лист 2

в дальних пещерах — двоюродный дядька, я тут 12 лет жил, все проходы знаю.“

— Да почему вы на митрополита?

— Он вашу кровь пьет, вы голодаете?

— Нисколько, я шел в монахи, мне здесь одежду дают, пищу.

— Он себе половину доходов берет. Он у вас никаких комитетов не разрешает, а у нас комитеты, мы хотим, чтобы везде ровно было.³

Через полчаса солдаты с митрополитом вышли. На первой площадке митрополит снова остановился: Я не

пойду, стреляйте меня здесь. Когда спускались митрополит был в летней рясе, панагии и белом клобуке. Федор обратился к солдатам: Ведь холодно, товарищи, что же вы владыку так ведете? — Мы же предлагали одеться. Тогда митрополиту вынесли рясу.⁴ Пока его одевали, один из ~~преступников~~ сказал: Это важный преступник. Тогда солдат, бывший в черной куртке, посмотрел на него: Никаких разговоров. Митрополит взглянул на него молча ~~и ничего не сказал~~. Затем его повели. Иеромонах, стоявший у Экономических ворот, слышал ~~вскоре~~ после этого выстрела.⁵

После того как солдаты явились к митрополиту, тотчас послали известить наместника. Наместник отвечал: Обыск нам дело — обычное. ~~После~~ Когда митрополита увели,

Лист 2 (оборот)

Филофей побежал к наместнику. Наместник позвонил по телефону к коменданту Сергееву. Сергеев отвечал, что никакого распоряжения об ~~отни~~ обыске не было отдано и что он посыпает сейчас же 15 солдат для задержания преступников. Когда через десять минут солдаты явились, они уже не могли найти следа.⁶

Всю ночь наместник и монахи мирно спали, а на утро никто из них не хватился, куда же ~~делся~~ ми пропал митрополит. Нашли его уже случайно проходившие женщины, сообщили в Лавру, и тогда уже отправился с носилками Филадельфий за его трупом.⁷

Когда я вышел из Лавры и искал место убийства, в это время ко мне подошел рабочий: — Вы, вероятно ищете место убийства митрополита. ~~Нозло~~ Позвольте мне показать вам. Я первый с женщинами нашел его труп. Вечером я ходил в Лавру за картошкой и увидел, как прошли 5 солдат. Я пошел к Клименту. Климент испугался, присел: “Что же я могу сделать? (Климент передает: “Мы по телефону спрашивали и нам ответили, что допрашивается какой-то монах в черной шапочке“.) При мне подходили солдаты, толкали труп ногой, одевали клобук на палку.

С трупа сняты панагия, крест, крест с клобука, галоши, серебряный набалдашник с палки.

Текст, добавленный на полях записки.

1. 19 января — закрытие Собора. С 20 — самая сильная бомбардировка. 27 января впервые узнали о ране (раке?) Пахомия и о смерти Митроп. Владимира. 29-го погребение. 31-го съехали.

2. О. Амвросий слышал, что говорили солдаты с Митрополитом за ширмами, но сказать этого не может: “Это мне слишком тяжко, говорил он“.

3. V — Нет. Он берет только 1/3. А что касается до равенства, то этого никогда не будет.

4. В передней присутствовали иер. Феодор, келейник Мит. В., келейник наместн. В начале еще один рабочий, о котором ниже.

5. через 7 минут, при чем сказал, что это нашего Владыку прикончили.

6. Солдаты убившие М. В. на другой день были опять в трапезной Лавры. И их кормил тот же иеродиакон Иаков

7. В разговоре с первым солдатом. Когда остальные 4 были в помещении о. Амвросия, выяснилось, что “Лавру часто беспокоят обысками потому, что они стояли на стороне Украинцев. “Когда нас рабочих 40 человек вели украинцы от (из?) арсенала мимо Лавры, то монахи вышли и издевались“

ДОКУМЕНТ № 2

12/25 марта 1918 г.
№ 40

Из деп. по делам пр. ц.
в канц. Св. синода рапорт.
сопровождается

13 ф. 1918 г.

Господину министру исповеданий.

И. о. Секретаря Киевской
духовной консистории
Рапорт.

25-го сего января вечером зверски убит Киевский Митрополит Владимир. Преступники в солдатских шинелях несколько раз являлись к покойному якобы с целями обыска. В последний раз они явились в числе пяти человек в восьмом часу вечера. Взяв из несгораемой кассы принадлежавшие Владыке Митрополиту денежные документы, процентные бумаги и наличные деньги, преступники вывели Владыку в девятом часу вечера за стены Лавры и там злодейски его расстреляли. Труп обнаружен был лишь на другой день утром с несколькими огнестрельными и колотыми ранами. 29 января состоялось благочестивое погребение в ближних пещерах священных останков убиенного святителя. Православное население г. Киева потрясено и возмущено ужасным преступлением. Меры к охране имущества покойного приняты и указанные Уст. Дух. Консисторий подлежащие распоряжения сделаны.

И. О. Секретаря
Николай Лузгин.

№ 49
“30“ Января
1918 г.

Тамара МИЛЮТИНА

ИВАН АРКАДЬЕВИЧ ЛАГОВСКИЙ *
(1889—1941)

Иван Аркадьевич Лаговский родился 27 августа 1889 г. в Кинешме. Сын священника. Окончив духовную семинарию, поступил в Киевскую Духовную Академию. По окончании — согласно своей мечте — поступил на филологический факультет Екатеринославского университета. В 20-м году, со второго курса, в общем потоке попал за границу. Сначала Константинополь, затем Корсика, где был рабочим. Прочел в русской газете, что в Праге основан Высший Педагогический Институт и русских принимают на стипендии. Поступил и кончил. Переехал в Париж в 26-ом году. Читал лекции в Русском Богословском Институте, принимал активное участие в работе Движения, был одним из секретарей Движения. В 1930 г. женился на Тамаре Бежаницкой. Свадьба была 5 августа в Тарту. Весной 31-го года произошел церковный раскол.¹ Иван Аркадьевич остался с Московской Патриархией и был поэтому уволен из Богословского Института. Стал безработным. Движение сделало его платным редактором “Вестника”. В декабре 1933 г. мы переехали в Эстонию. Иван Аркадьевич был секретарем для Прибалтики, издание “Вестника” было переведено в Тарту. Также и печатание книг религиозных философов.²

Работа Движения — кружки, детская работа, многочисленные съезды, Крестьянское Движение в Печорском краю — продолжались еще и в 39-ом году, но с осени обстановка изменилась: в Европе началась война. Гитлер

* О И. А. Лаговском см. также: Т. М. Милютина: Автобиография, *Вестник РХД* № 152.

1. В 1931 г. митрополит Сергий запретил митр. Евлогию участвовать в молебствиях о гонимой Церкви в России.

2. Издание “Вестника” прекратилось в Париже в 1935 г. за неимением средств. Оно было возобновлено в Эстонии в 1937 г. Там же вышло несколько религиозно-философских книг: “Умирание искусства” В. Вейдле, сборник речей “Лик Пушкина” и др.

отзывал немцев Прибалтики, и все понимали, что это не только желание заселить немецким населением опустошенную Польшу, но признак того, что Прибалтика отойдет к Советскому Союзу. Все уговаривали Ивана Аркадьевича уехать, но он категорически отказался, нравственно не считая для себя возможным уклоняться от испытаний.

В июне 1940 г. произошло присоединение стран Прибалтики к Советскому Союзу, и очень скоро начались массовые аресты. Мы уехали в деревню на юг Эстонии, где обычно проводили лето. В конце июля нас известили, что к нам на квартиру приходили двое из НКВД и спрашивали Ивана Аркадьевича. У мамы кончался отпуск и она поехала в город. Сразу же пошла узнать, в чем дело. Мы были неопытные и честные! Ее любезно приняли, сказали, что на совершенно иных началах организовывают работу университета, что очень нужны умные и образованные люди — такие, как Иван Аркадьевич; просили, когда приедет в город — сразу прийти. Мама как будто даже поверила, сказала, что не раньше 5-го августа. Не только Иван Аркадьевич, но даже я понимала, что это значит!

Какая это была для нас неделя! Мы прощались друг с другом. Я не предполагала гибели, но я понимала, что это разлука — долгая и тяжкая. Мы прожили вместе десять счастливых лет — 6-го августа была бы годовщина. Я очень любила Ивана Аркадьевича, но никогда я так, до боли в сердце, не любила его, как в эту нашу трагическую неделю обреченности. Мы приехали в город 3-го августа. Это была суббота. После всенощной оба исповедовались. Весь вечер и почти всю ночь жгли переписку, чтобы кого-нибудь не подвести. В воскресенье причащались. В понедельник — 5-го августа — мы оба пошли в НКВД. Вышел следователь, любезно поблагодарил за приход, которого ждал. Иван Аркадьевич поцеловал мне руку, и они ушли. Я осталась ждать. Время тянулось безжалостно. Наконец из кондитерской напротив прибежала продавщица сказать, что звонила доктор Бежаницкая и просила меня скорее идти домой. Дома шел обыск. Хотя мы жгли не только в субботнюю ночь, но и в

воскресенье — взято всего было очень много. Сразу после обыска я отнесла еду и книгу. Хотела отнести чемодан с необходимыми вещами, но из НКВД позвонили, что сейчас за мной заедут и повезут в деревню. Там оставались книги и вещи и был долгий обыск. Во время моего отсутствия мама и наша прислуга отнесли чемодан с вещами. Вернувшись, я сразу позвонила узнать — передан ли чемодан. Мне успокоительно сказали, что Иван Аркадьевич поел, читает книгу и собирается ложиться спать. На самом деле он уже был увезен в Таллин, и когда я утром пришла с едой — мне выдали книгу и чемодан.

Верная лагерная поговорка говорит: “Не верь, не бойся, не проси!” Мы с мамой бросились в Таллин. Куда я только ни ходила, к кому только ни обращалась! В канцелярии Батарейной тюрьмы еще были прежние служащие — эстонцы. На вопрос, есть ли такой-то в тюрьме — отвечали, что не имеют права давать какие-либо сведения. А затем утвердительно наклоняли голову. Аресты шли на полный ход. Никакие передачи не принимались. Уже мы знали, что в Печорах арестованы Николай Николаевич Пенькин и Татьяна Евгеньевна Дезен — замечательные люди, деятельные члены Движения, организаторы общежития в Печорах, руководители кружков. До этого они оба были в Таллине и, предвидя испытания, венчались. Отец Александр Киселев венчал их в пустой, закрытой церкви. Приехав домой в Печоры и узнав, что за ним приходили, — Николай Николаевич тоже сам пошел в НКВД. Вскоре пришли за Татьяной Евгеньевной. После конца войны родственники узнали, что оба были расстреляны. В Таллин из Нарвы приехала наша движенка — Тамара Чижикова. У нее был арестован отец. Мы по очереди ходили в тюремную канцелярию спрашивать о всех. Выслушивали, что сведения не даются, успокаивались наклоном головы. Однажды, после традиционного ответа, служащий отрицательно покачал головой. Мы уже раньше выследили, где живет этот хороший человек. Под вечер караулили в районе его дома, узнали от него, что всю предыдущую ночь грузили заключенных в трюм парохода, который утром отошел, повидимому, в Ленинград. Почти опус-

тошили тюрьму. Сведений о том, где находится арестованный человек, — не давали, границы были закрыты, поехать в Ленинград было нельзя.

В сентябре 40-го к нам пришли с ордером на “изъятие книг”. Больно было смотреть, как на разостланное на полу одеяло летели из шкафов книги. Очень тяжело было оставаться в прежней квартире, и мы переехали. Уже надвигалась зима. Мама не оставляла хлопот о том, чтобы для арестованных были бы приняты зимние вещи. И, о чудо, добилась. В декабре 40-го произошло следующее: в Таллине, на квартиру одной нашей движенки, у которой до ареста жила Татьяна Евгеньевна Дезен, пришел незнакомый человек. Передал узенькую, мелко исписанную записку. Сказал, что ее нужно прочесть несколько раз и запомнить. Затем зажег спичку, сжег записку и ушел. В записке было следующее: “Живы, здоровы. Привет Тамаре, маме Оле и Лене. Возможны передачи и даже свидания на Шпалерной”. Это была первая весть! Значит они были в Ленинграде, в тюрьме, находившейся на Шпалерной улице (теперь ул. Воинова 25). Иван Аркадьевич — раз привет Тамаре; Николай Николаевич Пенькин — его маму звали Ольга; Слава Чернявский — его невеста Лена. И сама Татьяна Евгеньевна Дезен, писавшая записку! Значит какой-то вольный человек и тот не устоял перед Татьяной Евгеньевной, перед духовной силой и обаянием ее — и решился взять от нее для передачи записку. Это было такое событие для нас! Сразу же мама стала посыпать деньги на адрес тюрьмы для всех четырех. А я стала писать письма Ивану Аркадьевичу — пусть безответные. Каждое воскресенье я ездила в Таллин, жила у своей милой тети, встречалась с женами арестованных, пыталась что-нибудь узнать.

Лев Шумаков — талантливейший человек, активный движенец, вернейший наш друг — встречал меня, ходил со мной всюду. Однажды, уже весной, признался, что его вызывают на частные квартиры следователей, пытаясь сделать его осведомителем. Ужаснуло это меня. Тут только две возможности — или подлость — или арест. Теперь каждую встречу шел рассказ. Мы не доверяли ни помещениям, ни паркам, ехали на трамвае до последней

остановки и шли, разговаривая, по шоссе, среди пустынных полей. Леве угрожали репрессированием родителей, угрожали. Лева категорически отказывался. Его отпускали, а потом опять вызывали. Лева считал, что долго так с ним возиться не будут, и ждал конца. Требовали от него слежки за мной. Это нас вполне устраивало: мы могли всюду бывать вместе.

Однажды, перед страстной неделей, мне на работу позвонила моя тетя и сказала, чтобы я отпросилась с работы и в тот же день выехала бы в Таллин. Тихо прибавила, что накануне приходил человек, который последнее время был вместе с Иваном Аркадьевичем. Я не могла наслушаться этого человека. Звали его Александр Георгиевич Юрков, был он из кинофикации, прислан делать сценарий для документального фильма об Эстонии. Из стран Прибалтики выбрал Эстонию, так как обещал Ивану Аркадьевичу, если освободится — увидеться со мной и рассказать о нем. Он передал мне крошечную записку, написанную печатными буквами. В ней было только то, что здоров и любит меня. И еще передал носовой платок Ивана Аркадьевича, который тот ему дал, чтобы завязывать глаза, — в одиночке свет на ночь не тушится, а Ал. Георг. не мог при свете спать, а собственный платок был недостаточно велик. Ради своего сценария должен был побывать и в Тарту. Провел у нас всю Пасхальную неделю. Теперь мы знали, что Ал. Георг. сначала был сам в одиночке, малодушно согласился передавать, что услышит от заключенных, и с этой целью был переведен в одиночку к Ивану Аркадьевичу. Совершенно им очаровался, признался ему, говорил мне, что никогда в своей жизни не встречал такого человека. Рассказывал, что сначала допросы у И. А. были с пристрастием, а потом это были почти что философские беседы; что зимние вещи получены, находятся на складе, что получал посыпаемые мамой деньги. А однажды И. А. пришел с допроса такой взволнованный, что долго не мог говорить. Оказывается следователь держал перед его глазами — не давая в руки — мое письмо и дал возможность его перечитать несколько раз. С тех пор на каждом допросе показывали мои письма, и И. А. возвращался в камеру

счастливым. Зная все это, мы продолжали регулярно посыпать деньги, и я писала письма раз в неделю, чтобы не утомлять первого читателя моих писем — следователя.

Наша организация — Русское Студенческое Христианское Движение — уже давно была закрыта нами самими. Наши “хозяева” — НКВД — продолжали считать нас существующими, и были правы: ничто не покачнулось и не изменилось в нас — остались те же духовные устои и те же мерила нравственности. “Мы давно и прекрасно всех вас знаем”, — сказал как-то следователь Круглов, который в 40-м году пропустил через свои допросы все русское интеллигентное население Тарту и несколько раз вызывал меня. Оказывается, осенью 1939 г., когда было заключено соглашение о морских и авиабазах (советских на территории Эстонии), под видом инженеров и даже летчиков — в Эстонию прибыла целая масса энкаведистов. Они снимали комнаты у мирных жителей и изучали окружение. К моменту нашего присоединения у них уже было точное представление о всех и аресты начались по готовому плану. Меня тогда очень тяготили эти вызовы на допросы и я сказала, что проще меня арестовать, так как я полностью разделяю взгляды своего мужа. Следователь устало сказал: “Не торопитесь. Успеем”.

Меня арестовали в ночь с 3 на 4-ое июля 1941 г. За две недели до начала войны был арестован Лев Димитриевич Шумаков. За два дня до ареста мы получили от него прощальное письмо. Нам его привезли. Лева писал, что он ни на что не соглашается, что оставить в покое его не могут — слишком много адресов он знает, слишком перед ним раскрывали карты, его вот-вот арестуют. Горевал о нас. После ареста Левы — заведующий статистическим отделом, где работал Лева, пожилой советский человек, прекрасно знавший, в какое страшное время он живет, пошел в НКВД и просил отпустить Льва Шумакова, говоря, что такого знающего и талантливого статистика он в своей жизни не встречал. Над ним посмеялись, хорошо еще, что не арестовали. Потом уже, после конца войны, удалось узнать, что Лев Димитриевич Шумаков, 30 лет, умер в Соликамской тюрьме от таеж-

ного энцефалита, находясь еще под следствием. Значит ложных обвинений не подписывал и ни на кого не клеветал!

Отбыв свой пятилетний срок и вернувшись летом 1946 г. в Тарту, я сразу же написала в несколько инстанций, спрашивая о судьбе моего мужа. Через какое-то время меня вызвали в НКВД и, держа перед моими глазами несколько ответов, дали мне прочесть. Только один ответ Военного Трибунала говорил о высшей мере наказания. Остальные были “строго-режимные лагеря”, “десять лет без права переписки” и т. д. — все это означало — расстрел. У меня темнело в глазах и все сливалось. Оказывается, моя мама еще до моего приезда узнавала и знала страшный ответ. Она была более стойким человеком и записала ответ Военного Трибунала:

“Статья 58–4 УК РСФСР. Высшая мера наказания. Утвержден Президиумом Верховного Совета СССР в заседании от 30. 6. 41 и приведен в исполнение 3 июля 1941 г. Председатель ВТ Ленфронта генерал–майор Юстиции Исаенков”.

НЕ СЛОМИТЬ КЛЕВЕТЕ СИЛЫ ДУХА
Памяти К. И. Кравчёнка (1918 – 1973)

Долготерпевший лучшее храброго, и влагоющий собою лучшее за-воевавшего город.

(16-я притча Соломонова)

Искушение человека бывает двоякое — через счастье и несчастье; причина искушения — большей частью посыпается для испытания человека. Подобное испытание постигло Константина Иосифовича Кравченка в конце 1944 г.

Осень того года в Риге была солнечной, ясной и теплой. 13 октября под натиском частей 2-го Прибалтийского фронта немцы отступили от города. Только отдельные выстрелы со стороны Задвиная нарушали непривычную тишину. Перед отходом немецких войск всех рижан грозили вывезти и в городе не оставить камня на камне. Немцы успели взорвать все рижские мосты через Даугаву и разрушить Кегумскую электростанцию. Город остался без электрического освещения, трамваи остановились. Жизнь города замерла. Только долго дымились развалины Старой Риги, разрушена была и набережная. Жители переживали трудные и суровые дни последнего года Великой Отечественной войны.

С середины октября в Риге начались аресты. В ночь с 21-го на 22-е октября на Католическую улицу (ныне ул. Киевас) нагрянули с обыском и ордером на арест Константина Иосифовича Кравчёнка. Надеясь найти в Риге работу, незадолго до этого он приехал к сестре, которая в ноябре ожидала своего первенца. Константин не успел даже прописаться в этой квартире. Откуда же стал известен этот адрес? Совершенно очевидно, что это был злостный донос. Потом узнали, что в ту ночь арестовали всех мужчин, которые работали во время оккупации, как и К. Кравчёнок, в Православной Миссии в городе Пскове.

Но следственные органы не ограничились проверкой его работы в Миссии, а постарались сфабриковать против него совсем другое дело. Так, на первом допросе 22 октября следователь сразу задал ему вопрос, являлся ли он членом Национально-трудового союза, на что Кравчёнок решительно ответил — нет. В те дни разведка обычно помещала своих арестованных не в тюрьмы, а в подвалы городских домов или гаражей, занятых частями НКВД. Не избежал этой участи и Кравчёнок, который после первого допроса много дней просидел в гараже, затем в вонючем сарае около канализации, наконец, в сыром подвале, откуда его вызывали на допросы. Следователи старались воспользоваться неопытностью и полной неосведомленностью обвиняемого, его неумением бороться против клеветнического обвинения. Ему приписывались несуществующие дела и поступки, заменяли отдельные слова показаний другими, искажая, таким образом, весь смысл. Например, в протокол вписывалось вместо слова “разрешение” — “удостоверение”; вместо “приглашен” — “привлечен”; вместо “случайная встреча” — “собрание”; вместо “присутствовал” — “участвовал” и т. д. Когда Кравчёнок не соглашался с этими и другими искажениями и произвольными заключениями и отказывался подписывать подобную чушь, следователь заявлял ему, что его сопротивление совершенно бесполезно. Тогда, окончательно возмущившись, Кравчёнок схватил стол, за которым сидел следователь, и, повернув ножки стола на своего мучителя, в отчаянии стал к нему приближаться. Следователь, назвав его сумасшедшим, немедленно вызвал трех вооруженных охранников и под угрозой направленных на Кравчёнка наганов заставил его подписать все листы протокола. На следующих допросах ему уже не давали читать вымышенные протоколы, а, устно их пересказав, давали подписывать, не читая. На одном из допросов следователь предъявил лист бумаги, подписанный тремя лицами, подтверждавшими, что его привлекали в Национально-трудовой союз. Кравчёнок потребовал очной ставки с этими людьми, чтобы они свое голословное и ложное утверждение, сделанное по неизвестным ему причинам и обстоятельствам, подтвердили

фактами и указали, когда и где он вступил в организацию, к которой не имел никакого отношения. Но следователь заявил, что ему этой подписанной бумаги достаточно, и не вызвал на очную ставку тех, кого требовал обвиняемый. Кроме того, следователь всячески старался обвинить Константина Кравчёнка в том, что он будто бы в 1943 г. находился на службе в немецкой армии в должности помощника Псковского областного резидента и ездил в г. Дно вербовать агентов. Это была наглейшая ложь. К. Кравчёнок даже физически не мог бы совмещать две работы. Он непрерывно с октября 1941 г. до лета 1944 г. был казначеем и заведующим хозяйства Православной Миссии во Пскове. Из Риги он поехал туда потому, что выезд за пределы оккупированной немцами Латвии гарантировал ему, русскому, избавление от призыва в немецкую армию, а тем самым от братоубийственной войны. Кроме того, переезд на Псковскую землю был для него встречей с русским народом, с живой русской историей. Работая казначеем и завхозом в Православной Миссии, К. Кравчёнок заведовал свечным заводом и художественно-иконописной мастерской, а также реализацией их продукции. В его обязанности входили и ремонты — как церковных зданий — памятников древнерусской культуры, — так и жилых и хозяйственных построек Миссии; для этого ему необходимо было обеспечивать строительство материалами, а также топливом, как церкви, так и жилые дома. Кроме того, когда это стало необходимостью, он служил вместо со священником в храме в качестве псаломщика.

По делам Миссии ему часто приходилось ездить в командировки в города: Остров, Порхов, Дно и другие места, куда он доставлял церковные свечи, лампадное масло, церковное вино, иконы и т. д. Естественно, что для подобных разъездов ему необходимо было получать разрешения, которые выдавались местными властями — немцами. Но при чем тут сотрудничество? Утверждение следственных органов о том, что К. Кравчёнок будто бы был помощником областного резидента немецкой армии, впоследствии было опровергнуто материалами дела. Работавший где-то в районе Псковской области резидент

Болотнев на очной ставке заявил, что он не знал, что Кравчёнок работал областным резидентом. Как же мог он не знать своего непосредственного начальника? Кроме того, Болотнев на суде заявил, что когда работа резидентов в Псковской области была ликвидирована, то все без исключения сотрудники были отзваны в Варшаву. Спрашивается, как же Кравчёнок оставался до лета 1944 г. во Пскове и вместе с Православной Миссией переехал на территорию Латвии. Несмотря на эти противоречия, следственные органы предъявили ему обвинение именно в том, что в июне 1943 г. он был на службе в должностях помощника резидента немецкой армии. На деле же К. Кравчёнок всегда действовал не в интересах немецкой армии, а как раз наоборот. На работу в мастерскую и свечной завод Православной Миссии он устраивал людей, которым грозил вывоз в Германию, отправлял собранные в церквях продукты питания в лазарет раненых военнопленных; собирая в церквях обувь, одежду и деньги для нуждающихся советских людей, давал в Миссии приют детям, которые из-за войны остались на улице.

Будучи уже в 1938 г. студентом богословского факультета, Кравчёнок, по назначению Миссии, преподавал в 1942–1944 гг. в городской средней школе г. Пскова Закон Божий, проводил беседы с молодежью по вопросам морали и читал доклады. Во время одного из его докладов во Пскове на тему “О смысле страданий” неожиданно явился чиновник СД и прослушал все его выступление. Появление немецкого чиновника было следствием того, что на Кравчёнка был сделан донос в СД за антинемецкое выступление на учительской конференции во Пскове, где он читал о “Моральном воспитании” и привел в пример великого русского полководца Александра Невского (XIII в.), раскрыл его деятельность, указав на нравственный образ этого героя; говорил о великой моральной силе русских людей, о любви к родине и служении своему народу. После этого случая немцы запретили Миссии посыпать Кравчёнка с докладами. Но следователь из этого факта умудрился сделать вывод, что обвиняемый занимался антисоветским воспитанием молодежи. По материалам следствия не установлено, и не могло быть

установлено, ни одного антисоветского выступления или отдельного антисоветского выражения К. Кравчёнка в докладах или беседах с молодежью. Следователь, однако, неоднократно пытался его в этом обвинить. Константин Кравчёнок любил Россию. Он воспитывался, как и многие русские в Латвии, на русской классической литературе, любя заочно невиданные им русские города и реки. Он знал стихотворение своего современника, рижанина Николая Истомина “С каждым годом явственней тревога“, где были такие слова:

Юность, юность бедная такая,
Что ты помнишь о былых годах?

.....
Ведь еще не видел я ни разу
Волги, Петрограда и Москвы.

(Сб. “Цветень“, цикл “Сны о России“)

С увлечением читал Константин и стихи неизвестного автора “Родина“ —

Тебя я вижу, как во сне,
Всегда средь бела дня,
Всего дороже мне,
Что вижу, не глядя...
Ты лучшее, что я познал,
Тебя пою, боготворя,
Тебя любить я не устал,
Любимая моя земля.

В своих выступлениях он касался только вопросов морали. На примерах, взятых из истории России, говорил о мужестве, героизме и высокой культуре русского народа.

Еще в школьные годы Константин принимал активное участие в Даугавпилсе в гимназическом кружке Русского Православного Студенческого Единения. Участники этого кружка работали над историческими и культурно-историческими темами. Отсюда идут истоки его особенного интереса к русской истории, что впоследствии и побудило его перейти на историко-филологический факультет Латвийского университета.

Константина Кравчёнка судили в группе, состоящей из девяти человек. Из них он знал только одну, и еще у двоих он во Пскове покупал хлеб и другие продукты по спекулятивным ценам для больных русских, находившихся в Псковской городской больнице, а также в доме инвалидов. Остальных шесть человек он не знал и впервые увидел только на суде 22 и 23 января 1945 г.

Военный трибунал 3-го Прибалтийского фронта, судивший Кравчёнка по статьям 58-1а, 58-10 ч. II и 58-11 УК РСФСР, заседал в Риге два дня. Константин Кравчёнок был приговорен к расстрелу. После суда и приговора до конца месяца он находился в камере смертников. Здесь перед мысленным взором развернулся весь свиток его недолгой жизни. Вспомнил, как мальчиком он однажды тонул. Ныряя в Даугаву, он попал под плоты, шедшие из Белоруссии, и не мог сразу вынырнуть, так как над головой был дощатый пол плота. Тогда первой мыслью была мать — как она будет плакать и убиваться, если он утонет. Еще мелькнула мысль, что река унесет его вниз по течению, может быть, в Ригу. Но тогда, нырнув еще раз, он выплыл уже за плотами. А теперь? В свои 26 лет он тоже несется по течению вниз — к концу жизни, и именно в Риге. Что он успел увидеть, что узнать за этот короткий срок? Разве он совершил какое-нибудь преступление? Он всегда любил родину, как умеют ее любить русские. Но первая статья приговора 58-1а гласит — измена Родине со стороны гражданского населения, чего он никогда не совершал.

Его короткая жизнь началась в мае 1918 г. в городе Двинске (в то время Витебской губернии России), ныне г. Даугавпилс Латвийской ССР. Он был первенцем. Семья большая — три сына и три дочери. Отец работал на железной дороге помощником паровозного машиниста. Мать воспитывала детей и хлопотала по хозяйству. В семье жил еще дедушка. Все жили скромно, но дружно. Семи лет Костю отправили в дошкольный класс Даугавпилской I русской основной школы. Закончил он ее в июне 1933 г. В том же году осенью поступил в гимназию. Через пять лет получает аттестат зрелости Даугавпилской

II государственной гимназии. Осенью едет в Ригу, чтобы поступить в университет. Успешно сдает вступительные экзамены — и вот он уже студент православного отделения богословского факультета Латвийского университета. Выбор сделан не случайно. С детства он любил храм. Мать его, Елена Матвеевна, глубоко религиозная женщина, воспитала своих детей в вере и нравственности. Все дети, во главе с отцом, пели в церковном хоре. Кроме того, Костя гимназистом прислуживал также в алтаре священнику. Хорошо знал церковную службу.

Через много лет, в 1973 г., на отпевании Константина, в прощальном слове у его гроба будет сказано, что он с юности отличался пытливым, философским умом, что рано начал задумываться над вопросами жизни и смерти и до конца неизменно оставался таким, каким был в юности — верным Церкви и идеалам нравственности. Но это будет потом.

Константин действительно много читал, размышлял, собирал книги религиозно-философского характера, одно время был организатором подписки журнала “Вестник” в родном городе. Этот журнал был органом Русского Студенческого Христианского Движения. В нем печатались статьи и доклады выдающихся русских мыслителей и философов — таких, как профессора Б. И. Вышеславцев, В. Н. Ильин, Г. П. Федотов, В. В. Зеньковский, доктор философии Оксфордского университета Н. Зернов, иеромонах Иоанн (Шаховской), проф. протоиерей Сергий Булгаков, Н. А. Бердяев, прот. Сергий Четвериков, свящ. Лев Липеровский и многие другие. Журнал “Вестник” был особенно популярен среди русской интеллигенции. Этот журнал издается до сих пор в Париже. Теперь в нем сотрудничают известные русские писатели, например такие, как А. И. Солженицын. Некоторых из авторов журнала того времени Константин знал лично, по их докладам и выступлениям во время их приезда в Латвию. Юноша с увлечением читал книги С. Франка “Смысл жизни”, “Религия и наука”, Вл. Соловьева “Духовные основы жизни”, Н. Бердяева “Философия Свободного Духа”, а также “Мироцерцание Достоевского” и “Спасение и творчество”. Еще до камеры смертников

Константин успел определиться как человек, у него был свой нравственный идеал. Был он очень разборчив в дружбе и не заводил дружбы с кем попало. Его друзья обычно были годами несколько старше его, но по своему духовному развитию Константин не отставал от них. Многие из его друзей пошли по пути священнослужителей.

Путь истинного священства труден, на него способен не каждый. Иерей должен принять в свои руки души многих, а потом вести их. Это нелегко, когда человек полностью принадлежит своей пастве, а не себе. Все это взвешивалось и решалось.

Знал Константин и уроженку города Риги мать Марию Скобцову (Кузьмину-Караваеву) — поэтессу и монахиню. Она дважды приезжала в Латвию, встречалась с молодежью в Риге и Даугавпилсе, имела на них сильное влияние. Своим примером она учила всех любить родину. Константин помнил, как в Эстонии она пошла с группой молодежи к советской границе и под проволокой копала русскую землю, чтобы увезти ее с собой в Париж. В годы Второй Мировой войны она участвовала во французском Движении сопротивления. Кравчёнок знал, что в 1943 г. гитлеровцы заключили ее в концлагерь. Своим примером, стойкостью и величием своего подвига мать Мария заражала других. Она, как истинная христианка, не боялась смерти и иногда говорила: “Когда мы умрем, то узнаем маленькую тайну о том, что ад уже был”. Все это вспомнил Константин в камере смертника, и уныние и страх не овладели им. Он тоже не боялся смерти, хотя жить в свои 26 лет ему хотелось очень. То несметное богатство духовной силы, которой он обладал, отнять у него никто не мог. И не сломить было клевете и злому навету силы его духа. Это была сила неодолимая. Перед ним никогда не вставал вопрос “за что?”, а только “для чего?“.

Однако, каков же был его путь к Православной Миссии, из-за чего он, собственно, попал под следствие, где ему сфабриковали столько смертных грехов?

Чтобы учиться в Риге, Кравчёнок должен был сам работать. Его отец, проживавший с семьей из восьми чело-

век в городе Даугавпилсе, не в состоянии был посыпать своему старшему сыну деньги на содержание и обучение. Необходим был свой заработок. В этот период в православном Христо-Рождественском соборе открылась вакансия кассира. Ректор православного отделения богословского факультета о. Иоанн Янсон предложил это место молодому студенту. Жил Константин в то время в соборном доме на ул. Меркеля, где находилось и общежитие православной семинарии. Все было близко и удобно — работа в соборе и университет. Кроме богословия, Константина очень интересовала русская история и литература. Со следующей осени, чтобы расширить свое образование, он переходит на историко-филологический факультет, продолжая посещать лекции и богословского факультета.

В студенческие годы Кравчёнка не привлекают ни общества студентов при факультетах, ни, тем более, корпорации. Узнав, что при университете существует христианское студенческое общество, он начинает приходить туда на собрания и кружки. Особенно его интересует кружок по изучению Библии. В этом обществе он встречает выдающихся ученых своего университета — проф. психологии Н. Далэ, проф. К. Кундзыня, доцента биологии О. Трауберг; среди студентов многие с богословского факультета, литературного отделения, есть и православные. Все они вместе отмечают великие праздники. Особенно торжественно проходила рождественская елка; организовывались доклады, конференции. Это было начало латышского экуменического движения.

В 1940/41 г., с установления советской власти в Латвии, Кравчёнок едет учителяствовать в Земгальскую неполную среднюю школу Илукстского уезда. Теперь он переходит на заочное отделение историко-филологического факультета.

В июне 1941 г. началась Великая Отечественная война. Уже 1-го июля немцы оккупировали Ригу. С начала войны Кравчёнок теряет работу в школе и возвращается в Ригу, чтобы найти себе место службы и, по возможности, продолжать образование. Осенью 1941 г. духовенство Христо-Рождественского собора в Риге организовывает

Православную Миссию во Пскове. Кравчёнок в это время по возрасту попадает в число призывников немецкой армии. Избежать этого можно было, только покинув пределы Латвии. О выезде в Германию Кравчёнку никогда не приходило в голову. Но, чтобы не надевать немецкий мундир, он был согласен ехать в Псков. О его работе в Православной Миссии было сказано выше.

В феврале 1945 г. высшую меру наказания Кравчёнку заменили 20-ю годами каторжных работ в исправительно-трудовых лагерях. Тогда он не знал, что ему еще останется 28 лет жизни, из них 10 лет на каторге. В Риге в заключении он пробыл еще несколько месяцев, без передач, без свидания с родными. Его близким не давали никаких справок о нем; иногда его фамилию путали с почти одновременно арестованным священником рижского храма Всех Святых Михаилом Кравченко. Дошли до родных и слухи о первоначальном приговоре — высшей мере наказания. Несчастная мать не знала, как за него молиться — как за живого или за умершего. Не будет об этом она знать еще много, много лет.

Между тем заключенных готовили к этапу. Состав подошел к Центральной тюрьме. В жесткий купированный вагон в каждое купе напихали по 25 человек и отправили в Москву. 9 мая 1945 г., в День Победы, когда тысячи огней фейерверков взметнулись над столицей, каторжников переводили с Ржевского (ныне Рижского) вокзала на Ярославский вокзал. Разделить радость Москвы, увидеть ее в праздничном блеске им не удалось, да и не до того было. Переход на Ярославский вокзал подтверждал мысль, что их везут, возможно, в Сибирь, а, может быть, в Котлас. Действительно, поезд с бесчисленными остановками в пути, проверками и перепроверками, шел все на северо-восток. Наконец, пошли догадки и слухи, что едут они в Воркуту. В то время это было малоизвестное для многих место на северо-востоке Коми АССР, конечный пункт новой Северо-Печорской железной дороги. Теперь это печально известный “Воркутлаг” с его многочисленными угольными шахтами, в те годы пользовавшийся почти исключительно бесплатным трудом политкаторжан.

Кравчёнок, всегда отличавшийся в работе и быту своей аккуратностью, на пересылочных остановках обратил на себя внимание конвойных своей добротной одеждой. На нем было длинное суконное пальто и высокие хромовые сапоги. Начался торг. Один из конвойных уговорил его выменять сапоги на хлеб, тушенку и пару новых рабочих ботинок. Наконец Кравчёнок согласился. Конвойный вынес ему еду, а сапоги обещал обменять в момент посадки на поезд. Обрадовался изголодавшийся арестант. Но не тут-то было. Пока он приглядывался, чем бы открыть американскую тушенку, — украли буханку хлеба, пришлось есть одну тушенку, которую он уже не выпускал из рук. Пальто по дороге он не согласился выменять. Уж очень ему были противны ватники. Только в Воркуте, в шахтах, поддался он соблазну обмена. И вовремя. Украли пальто не у него самого, а у того конвойного, который с ним менялся, и по кускам вынесли из шахты. До Воркуты каторжане добрались летом. Грустное и короткое было северное лето. Вскоре, окруженные тундрой, они казались заживо погребенными в своих шахтах. Первые три года Кравчёнок работал в забое шахты № 6. Лежа на боку и на спине, он без перерыва рубил уголь. Отекали руки, ноги, но он старался не предаваться горестным мыслям, его не охватывало “окамененное нечувствие”.

В угольных шахтах каторжане часто работали на довольно большом расстоянии друг от друга. Тогда у Кравчёнка, изолированного от повседневности, создавалась какая-то душевная просветленность. Без этого душевного равновесия ему бы не выжить. Нести наказание за свои поступки легче, чем переносить его незаслуженно. В глубине шахт Кравчёнок понял, что даже такое страдание способствует духовному очищению человека, и он молился. Он знал наизусть молитвы и акафисты и мог возносить Богу, Божией Матери и всем Святым хвалу: “Радуйся, радосте наша, покрой нас от всякого зла честным Твоим омофором!”

Но скучное питание и режим делали свое дело. Три года он проработал в шахте № 6, потом началась дистрофия. Немного оправившись и побыв на общих работах,

через некоторое время он был направлен опять в шахту — теперь уже № 1 — “Капитальная”. Недолго выдержал его когда-то молодой и крепкий организм эту нагрузку. Он не был изнеженным юношей, занимался спортом, состоял в спортивной организации “Бой-скаутов”, ходил много пешком по Латгалии. Но всему есть предел. Вторичная дистрофия привела его в медицинский кабинет, которым к тому времени заведовал доктор Катлан из Латвии. Доктор увидел бедственное состояние здоровья юноши и оставил его у себя в качестве помощника, хорошо знающего латынь. Ему даже иногда разрешалось оставаться на ночь в медкабинете. Это уже был праздник — в чистоте, сравнительном тепле, без докучливых соседей. Кравчёнок не только помогал в записях, но и безотказно ухаживал за больными. Особенно ему запомнился больной диакон Михаил, родом с Украины. В свое время у него был необыкновенно сильный бас, его голос слышался даже на противоположном берегу реки. А теперь он умирал и все просил поставить ему на могиле крест и запомнить место, чтобы когда-нибудь показать его матушке это место. Тяжело умирать, когда знаешь, что будешь сброшен в общую яму с биркой на ноге и никто не узнает места погребения. Но тогда диакон Михаил выдюжил, поправился и дождался амнистии.

К. Кравчёнок в условиях Заполярья и каторги с июля 1953 г. был признан инвалидом, но продолжал находиться на разных работах в подразделении “п/я-ж-175/1”. Часто его назначали на работу ночным сторожем. Тогда он мог сидеть у маленького костра, который разрешалось ночью разводить около охраняемого склада. Если ему днем случайно удавалось подобрать при разгрузке машин несколько картофелин, то он их пек в этом костре. Это было его спасением, так как вплоть до 1954 г. ему никто не присыпал передач. Родные не знали, где он и что с ним. Одиночные размышления у костра также способствовали душевной собранности Константина. Наконец, в связи с определением Верховного Суда Коми АССР от 18 февраля 1955 г., в апреле того же года он был освобожден из-под стражи и отправлен в Даугавпилс под опеку престарелого отца. Только незадолго перед освобожде-

нием он получил весточку и посылку из дома. Кравчёнок, будучи чрезвычайно честным человеком, боялся подвергнуть риску своих близких и, когда уже была разрешена переписка, долго еще не давал знать о себе, зная судьбу тех, у кого родственники были в заключении.

А мать в это время объездила почти все монастыри, неустанно молясь за своего старшенького и спрашивая у батюшек, как ей за него молиться. В последний раз ответ был очень определенный — “молись за живого”! Не успела она отдохнуть с дороги, как появилась женщина, которую она не знала в лицо, но знала по фамилии, т. к. их сыновья учились в одном классе. Пришедшая спросила: “Кто тут тетя Лена? Мой сын Юра в письме просил передать, что Костя находится с ним в одном лагере и, возможно, после рассмотрения его дела вернется домой, как инвалид”. Радость и слезы матери описать трудно.

Так как Константин Кравчёнок вернулся за несколько месяцев до сентябрьской амнистии 1955 г., то у него были паспортные ограничения. В Риге ни жить, ни прописываться ему не разрешалось. Даже его отлучки из Даугавпилса на несколько дней сразу замечались участковым. Кроме того, надо было поправлять расшатанное здоровье — гипертоническая болезнь II степени. Только после долгих хлопот, в ноябре 1956 г. были сняты паспортные ограничения, и он мог ехать в Ригу. Но прописки пришлось добиваться больше года.

Судьба сложилась так, что он встретил в Риге свою давнюю знакомую, с которой встречался еще в религиозных кружках. Стали вспоминать юность, да и взгляды на жизнь у них были одинаковые. Вскоре они поженились. Несмотря на все перенесенные страдания, лишения, Константин Иосифович не потерял вкуса к жизни. Постепенно восстановились и физические силы. После выхода на свободу бывшим заключенным обычно особенно хочется путешествовать и учиться. То же было и у Константина. Летом 1958 г. супружеская чета отправилась в путешествие на Карпаты и к Черному морю; потом каждое лето куда-либо регулярно уезжали из Риги.

Не изменился Кравчёнок и духовно. После приезда домой он снова начал петь в церковном хоре — вначале в

Даугавпилсе, потом в Риге. Когда он стал учителем Рижской Вспомогательной школы № 2, пришлось посещение храма скрывать и уезжать на праздники в другие города. Такое же положение было и у жены — тоже педагога. Зимой ездили в храмы на Взморье, в Елгаву, в Тукумс. Летом во время отпуска ходили в те храмы, где отдыхали. Приехав в какой-нибудь город, поднимались или на железнодорожный виадук, или на холм и смотрели, где расположены интересующие их “архитектурные здания”. Было обезжено все Подмосковье, Львов, Карпаты, Одесса, Киев, Кисловодск, Тбилиси, Белгород-Днепровский, даже маленькое село Шабо недалеко от Бугаза (у Черного моря). Надолго запомнилось им это село благолепным храмом и замечательными проповедями служившего там иеромонаха.

Но, кроме путешествий, Константин Иосифович мечтал и об окончании высшего образования. Оказалось, что надо начинать все сначала. Ректор Латвийского университета не захотел восстанавливать его на филологическом факультете. Так как он стремился приносить людям добро, то избрал себе новую профессию — дефектолог.

На работу Кравчёнок был принят в Рижскую Вспомогательную школу-интернат № 2 — вначале в качестве счетовода, потом учителя. Летом 1959 г. он едет в Москву. Выдержав вступительные экзамены, он поступает в Московский государственный заочный педагогический институт, на дефектологическое отделение. Константин Иосифович все делал всегда добросовестно и на своей работе, и готовясь к экзаменам. Он никогда не откладывал дела на последние дни, на экзаменационную сессию, всегда занимался регулярно, без спешки и аврала. Эта черта его характера способствовала успешному завершению высшего образования. В 1964 г. он закончил Московский государственный заочный педагогический институт (диплом № 175435). Будучи учителем профессионального обучения в школе, он поставил себе цель не только научить больных, умственно отсталых (дефективных) детей хорошо работать, но и понимать красоту предметов, правильной и выразительной речи, пониманию музыки, пения. Кравчёнок все делал с душой и

любовью. Как он упорно трудился, готовя свою группу мальчиков к походу в оперный театр! Был по частям прочитан текст драматического произведения Пушкина “Борис Годунов”, прочитано и либретто, составленное самим Мусоргским. Надо было видеть, какой радостью и даже гордостью светились глаза этих несчастных детей, когда они пришли с ним в оперу. Они наперебой старались правильно назвать последующие сцены оперы и больше всего ждали сцену площади перед собором в Москве. Но не выход царя их волновал, а появление юродивого. Тут их восторгу не было предела: “Николка, Николка железный колпак! тррр...“ Их потрясло и жалобное пение—стон: “Дай, дай, дай копеечку“.

Заниматься с дефективными детьми не только по своему предмету Кравченку помогало и то, что он сам непрерывно повышал свое образование. Уже в 1958 г. в Риге он поступил в Университет культуры при Доме работников искусства Латвии. Этот двухгодичный университет он закончил весной 1960 г., прослушав лекции и сдав зачеты по вопросам марксистско-ленинской эстетики, по литературе, музыке, изобразительному искусству и вопросам театра и кино. Несмотря на свою гипертоническую болезнь, Кравчёнок никогда не отказывался от общественной работы. В школе его неоднократно выбирали председателем месткома, был он и членом Президиума Городского Комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. За свою работу он был отмечен почетной грамотой и знаками благодарности — книгами. Однако, к 50-ти годам его жизни подорванный в Заполярье организм и нервное перенапряжение в условиях тюрьмы и каторги отрицательно сказались на его здоровье. С 1966 г. гипертоническая болезнь стала вызывать то кризисы, то инсульт, то ряд инфарктов. За последние семь лет он перенес четыре инфаркта, пятый оказался роковым. После перенесенных инфарктов он продолжал работу в школе. Из-за незаконной репрессии он потерял 11-летний стаж работы; была снята судимость, но не было реабилитации, а, следовательно, в случае инвалидности, для пенсии был необходим хотя бы 14-летний трудовой стаж. После второго

инфаркта лечившие его врачи стали советовать ему как можно больше находиться на воздухе, жить на взморье. Константин мог бы вслед за несчастной русской поэтессой Мариной Цветаевой просить:

За этот ад, за этот бред
Пошли мне сад на старость лет.

Сад был послан: его болезнь совпала со временем раздачи дачных и садовых участков в учреждениях. Из Эстонии был привезен сруб и поставлена маленькая дачка, при ней разбит сад, где он по мере сил мог работать и наслаждаться тишиной взморья.

В школе он продолжал работать с небольшой нагрузкой, учительствовал даже после получения инвалидности (II гр.). Инвалидность он получил за два месяца до своей кончины, в 1973 году. Случилось это в мае, когда на пятый год его сад полностью расцвел во всей красе. Впервые зацвела около дачки груша, чему он был особенно рад. Вокруг участка белой кипенью цвела посаженная им самим алыча. Каким грустным и долгим взглядом он окинул с любовью выращенный садик, когда 20 мая его увозила скорая помощь в больницу. Он не дожил даже до вечера того дня.

Так в 55 лет окончилась жизнь честнейшего и достойнейшего человека. Вечная ему память.

Но злоба людей, ожесточенных неверием в добро, любовь и Бога, не остановилась даже у порога смерти. По желанию покойного, его погребли по-христиански. Вынос был из храма Покрова Пресвятой Богородицы. Собрались почти все певчие города Риги, т. к. Кравчёнок еще за неделю до смерти сам пел в церковном хоре. Дело в том, что после его выздоровления после перенесенного инсульта он уже не был в состоянии по праздникам выезжать в другие города, а твердо решил опять участвовать в церковной жизни Риги — петь в хоре церкви Покрова. На отпевание собрались и многие священники, знаяшие его в юности. Храм был переполнен. Под звуки погребального пения несли его гроб по дороге кладбища, масса цветов и венков от близких и друзей. Собрался и коллектив школы, где он проработал последние 17 лет

своей жизни. Директор школы, кавалер Ордена Ленина, заслуженная учительница, одна из первых зачинателей развития дефективных школ в республике, Л. Н. Алейникова при возложении венка от школы сказала у могилы прочувственное слово о покойном. Она отметила его отличную преподавательскую и общественную работу.

Как черные вороны в последующие за похоронами дни накинулась часть учителей во главе с завучем на своего бессменного директора. На их жалобу из Отдела народного образования Московского района г. Риги последовал приказ уволить Л. Н. Алейникову с поста директора школы с записью в трудовой книжке — “за аморальное поведение”, т. е. за присутствие на церковном погребении и за прощальное слово. Кроме того, в Музей истории г. Риги и мореходства поступило требование немедленно снять портрет Л. Н. Алейниковой с доски орденоносных и заслуженных педагогов. Только отдельные учителя и школьный врач возмутились всем происходившим и начали хлопотать. Сама Л. Н. Алейникова, глубоко оскорбленная записью в трудовой книжке и незаслуженными нападками на нее, поехала в Москву в Институт дефектологии, где с ней как со специалистом очень считались. После настойчивых звонков дирекции Института в РОНО была изменена запись в трудовой книжке. При этом стали Л. Н. Алейникову уговаривать подать заявление об уходе по собственному желанию, на что она ответила: “Никогда в жизни я не врала и врать не буду”. Выход Л. Н. Алейниковой на пенсию в конце концов состоялся без ее заявления.

Несколько приглушенный шум после похорон К. Кравчёнка начался также на работе вдовы. Однако, в этом коллективе нашлись и порядочные люди. Для самой же вдовы эта смерть была такой невосполнимой утратой, что поднявшаяся вокруг ее имени кутерьма не могла вернуть ее в обычный круговорот жизни.

Самое главное было сделано — последняя воля покойного была выполнена, он был удостоен молитвенного напутствия и христианского погребения. Мир его праху!

Рига. январь 1990 г.

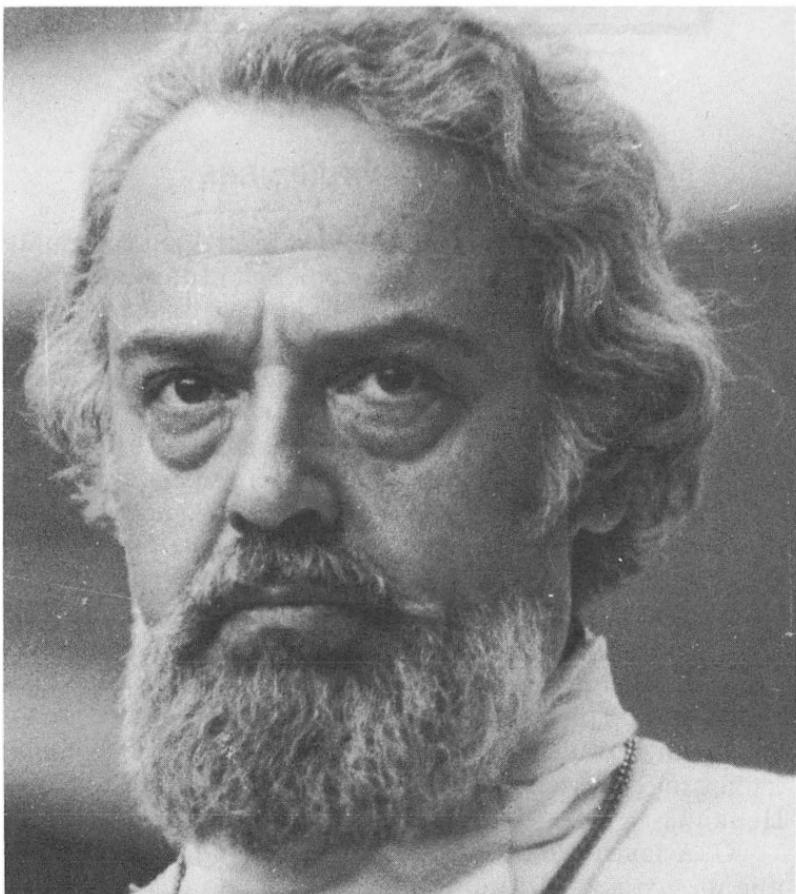
ПАМЯТИ О. АЛЕКСАНДРА МЕНЯ (1935–1990)

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ

В воскресенье 9 сентября 1990 г. отец Александр Мень ранним утром шел к железнодорожной станции “Семхоз”, чтобы доехать до Новой Деревни. В этом селе, расположенным вблизи подмосковного города Пушкино, находится церковь Сретения, в которой отец Александр служил много лет. Дорогу из дома к станции он в своей жизни проходил много раз. Но 9 сентября на этой именно дороге его ждал убийца. С топором в руке. Невольно на память приходят слова Христа: “Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять Меня. Каждый день бывал Я с вами в храме и учил; и вы не брали Меня” (Мк. 14, 48–49). Смерть всегда нечто большее, чем только смерть. Тем более смерть священника, смерть мученическая, смерть насильтвенная. Удар топором был очень целенаправленным — уничтожить человека, который всю свою жизнь отдал делу обращения людей в христианство. Одновременно это был удар по Церкви.

О. Александр сам о себе говорил, что решающее влияние на его жизнь имела личная встреча с Христом. Ему было тогда двенадцать лет (родился 22 января 1935 г. в Москве), и он решил стать священником. Но сначала изучал биологию в институтах Москвы и Иркутска. 1 июня 1958 г. был рукоположен в дьяконы, а 1 сентября 1960 г. в священники (в Донском монастыре). Окончил Духовную семинарию в Ленинграде и Московскую духовную академию. В 1959 г. начал печатать свои работы в “Журнале Московской Патриархии” и в церковной прессе Болгарии и ГДР.

Основные работы издал в Брюсселе, в издательстве “Жизнь с Богом”. Печатался под тремя псевдонимами,

Отец Александр Мень

придуманными издателем — Андрей Боголюбов, Павлов и Эммануил Светлов. Наиболее значительные труды: *Сын Человеческий* (1968 — первый набросок “Сына Человеческого” был написан уже в 1949 г.!), *Откуда явилось все это?* (1967), переработанное потом в *Таинство, слово и образ* (1980), *Как читать Библию. Руководство к чтению книг Ветхого Завета* (1981), но прежде всего серия “В поисках Пути, Правды и Жизни”: *Истоки религии* (1969), *Магизм и единобожие* (1971), *У врат молчания* (1971), *Дионис, Логос и судьба* (1972), *Вестники царства Божия* (1972) и *На пороге Нового Завета* (1983). В предисловии к книге о. Александра “На пороге Нового Завета”, прото-пресвитер Алексей Князев, ректор Сергиевского Института в Париже, написал: “Заслуга автора в том, что он является одним из тех немногих православных исследователей, которые на деле смогли показать как принципиальную приемлемость, так и религиозную плодотворность применения не только методов, но и некоторых выводов современной библейской науки в своих изысканиях по истолкованию Священного Писания и по истории богооткровенной религии”. Его книги многих привели к Христу.

Трудно представить себе условия, в каких писались эти книги — отсутствие основной литературы, невозможность дискуссии. Он сам когда-то сказал мне: “Если бы у меня были библиотеки Парижа, Рима или Лондона...”. Но всегда исповедовал принцип, что надо довольствоваться тем, что есть, и использовать все возможности, какие есть. В последние годы он очень спешил. Говорил, что много надо сделать, а времени очень мало. В 1988 г. приехал в Польшу на месяц. Был только восемь дней. Как будто предчувствовал, что времени у него фактически очень мало. Работал тогда над библейским словарем. Знаю, что несколько месяцев тому назад работа была “почти готова”. Окончил ли? Беспрерывно что-то ему мешало. Самый трудный период — начало восьмидесятых годов. Религиозной деятельностью о. Александра Меня заинтересовался КГБ. “Беседы” длились по несколько часов. Когда условия жизни переменились, о. Александр начал деятельность общественную. Доклады, встречи,

дискуссии, статьи и вступления к разным книгам, интервью, членство в редколлегии первой независимой газеты в России — “Совершенно секретно”. Во время публичных лекций прот. Александра Меня залы всегда были переполнены. Его выступления по радио (он участвовал в еженедельной радиопередаче для учащихся) и телевидению привлекали многих слушателей и зрителей. Отец Александр провел в одной из московских школ урок Закона Божия, первый в системе государственного образования со временем революции. В обществе, которое уже семьдесят лет воспитывалось каждодневно на том, что Бога нету, а религия опиум для народа, он провозглашал связь религии и науки, религии и культуры, религии и истории, синтез Библии и науки. Его не страшили угрозы анонимов, и он не внимал просьбам близких людей быть осторожным.

Поступал так именно потому, что был служителем Христа. Его пастырская деятельность была невероятно насыщенной. Кто в состоянии подсчитать всех тех, которых крестил, кому был духовным отцом? А был он духовником исключительным. Его замечания были точны и помогали каждому человеку в решении его проблем. Что поражало: всех знал по имени. Часто “опережал” вопросы своих духовных детей и еще до того, как их успели высказать, давал ответ, как всегда, самый верный. Надо здесь представить себе толпу верующих, давку, и эти две–три минуты на встречу, чтобы понять, сколько уходило физических и психических усилий. Всегда с улыбкой, без следов усталости. Всегда готов прийти на каждый вызов и ответить на каждую просьбу. Особенно поражало в нем, что священство было центром его личности и его жизни. Все подчинял священству. Но поражала также его невероятная эрудиция. Он легко переходил от одной проблемы к другой: от геологии, биологии и зоологии к антропологии, философии, истории религии, богословию, истории литературы, поэзии или литургике. Был типичным русским мыслителем, столь редким в других странах, мыслителем, охватывающим разные области знания и стремящимся создать синтез. Синтез науки и христианства. Был в этом наследником

великих русских мыслителей, особенно о. Павла Флоренского, которого высоко ценил. Также как и Владимира Соловьева, о. Сергея Булгакова, Николая Бердяева и многих других. Но в противоположность им о. Александр посвятил себя не созданию личных философских или богословских систем, но таким работам, которые для России являются самыми нужными.

В своих книгах стремился приблизить библейскую историю к читателям, у которых практически не было доступа не только к работам по библеистике, но даже к самой Библии (его работы в России переписывали на пишущих машинках и даже от руки). Кажется, что самой любимой наукой о. Александра была библеистика. Выявить облик Христа в Ветхом Завете и указать, что вся история человечества вела к этому единственному событию, к воплощению Христа. Хотел он показать Христа не только в своих книгах, но также в литургии, а прежде всего в жизни. Стремился к созданию общины, потому что считал, что община является будущим Церкви в секуляризованном мире. И такую общину создавал в приходе Новой Деревни.

Это был приход довольно необычный. В основном деревенский; к приходу принадлежали жители соседних сел. В небольшую деревянную церковь приезжала толпами интеллигенция из Москвы. Я помню, как Великим Постом привели Надежду Мандельштам и с каким уважением относились к ней все присутствующие (о. Александр способствовал возвращению А. Солженицына к христианству, крестил знаменитого русского поэта А. Галича). Члены прихода занимались также людьми бедными и больными.

Отец Александр был священником русской Церкви. Он никогда бы из России не уехал. Был крупным ученым и человеком большого сердца, светочем Церкви, а в последние годы, когда положение в России изменилось, его заметило и государство. То самое государство, которое семьдесят лет тому назад объявило войну Богу. Во имя идеи общества без Бога уничтожило тысячи церквей, костелов, мечетей и синагог. Во имя этой идеи закрывало церкви, семинарии, духовные академии и благотво-

рительные институты. После семидесяти лет осталась пустыня. Эту пустыню надо удобрять и орошать. Отец Александр в этой пустыне совершил работу титана, прерванную человеком с топором в воскресное утро, на пути в церковь, к служению Литургии. Отец Александр был в пути, как христианин, который всегда в пути, и на своем пути встретил убийцу...

Когда в Париж дошла весть о кончине на Соловках о. Павла Флоренского, его друг, о. Сергий Булгаков (они вместе изображены на картине Нестерова “Философы”), писал: “Он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. Отец Павел органически не мог и не хотел стать эмигрантом в смысле вольного или невольного отрыва от родины, и сам он и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление”.

Неважно даже, кто был убийцей о. Александра, — был ли это антисемит, или враг православия, или враг быстрой новой христианизации России. Важно, что погиб священник, который до конца разделил судьбу своего Учителя — “Если Меня гнали, будут гнать и вас” (Ио 15, 20). Этому преступлению даже не постарались придать видимость несчастного случая или бандитского нападения. Человек с топором во мраке подмосковного утра очень слабо знал христианство. Забыл, что на крови мучеников произрастают семена веры Христовой. Забыл также, что тысячи убийств во времена террора не достигли своей цели. Суть дела не в том, чтобы Россия имела своего ксендза Попелушко. В России тысячи таких, как ксендз Попелушко. Несмотря на все эти ужасы именно там, как нигде в мире, звучат слова Христа: “Бодрствуйте, Я победил мир” (Ио 16,33). Жизнь и дело о. Александра есть величие России, но его убийство есть преступление невообразимое, которое потрясет совесть России.

В одном из документов, подписанных православными богословами и касающихся антисемитизма в России, читаем: “Мы глубоко радуемся духовному возрождению, которое переживает сегодня Русская Православная Церковь, и осознаем, какие трудные задачи стоят теперь

перед Ней". Отец Александр свою роль, и к тому же выдающуюся, в этом процессе уже сыграл. Мы сожалеем, что он не мог исполнить ее до конца. Веруя в общение святых, надеемся, что из другого уже мира он будет покровителем духовного возрождения России. Да сохранит и да благословит нас всех Господь своей милостью.

*прот. Г. Папроцки
Варшава*

**о. Александр Мень в своем кабинете
в церковном домике (1975г.)**

ПАМЯТИ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

К сожалению, мне не пришлось лично знать о. Александра. В его единственную недавнюю поездку на Запад, в Италию, он спешил домой, и, вопреки первоначальным планам, в Париж не заехал.

В связи с выставкой YMCA-PRESS и моим приездом в Москву, у нас уже была назначена встреча на субботу 15-го сентября у него в Новой Деревне, как пришло в Париж страшное известие о том, что в воскресенье 9-го о. Александр был зверски убит ранним утром, когда шел из дома на электричку — служить в своем приходе литургию. Так в дни, когда, казалось, жертв уже не должно быть, погиб насильственной, мученической смертью, на 54-м году жизни, священник, который войдет в историю русской Церкви XX в. как один из ее крупнейших апостолов-просветителей.*

О своем пути и служении о. Александр подробно рассказал в форме интервью, предназначавшегося западной печати на случай ареста и присланного им мне в середине 70-х годов (полный текст см. ниже).

В трудные годы брежневщины о. Александр сочетал в себе редкую смелость с разумной осторожностью. Он был слишком ревностным паствырем, чтобы пассивно выжидать лучших времен, но и слишком заботился о благе Церкви в целом, чтобы лезть на рожон.

Историк религии, библеист и апологет, он печатал, когда за это сажали в лагеря, свои книги на Западе, но предпочел обратиться не в эмигрантское православное издательство, а в католическое, рассчитывая быть такой международной вывеской более защищенным.

* В кратком слове на открытии выставки YMCA-PRESS в Москве я сравнил по значению о. Александра Меня с другим крупнейшим просветителем и апостолом наших дней, о. Александром Шмеманом. В кабинете о. А. Меня висела репродукция иконы св. Иоанна Богослова "Благое молчание", специально заказанной о. Александром Шмеманом и висевшей в его кабинете в Свято-Владимирской семинарии...

Во всем сколько-нибудь значительном в духовной и умственной жизни страны он принимал деятельное участие, но чаще всего анонимно, не выдвигаясь вперед. И Александр Солженицын, и Надежда Мандельштам, и сестра Иоанна Рейтлингер (называю только тех, о ком непосредственно знаю) многим ему обязаны. И в историческом письме о. Глеба Якунина и ныне покойного о. Николая Эшлимана, и в программном, хотя и спорном 97-м номере Вестника есть немалая доля его участия... А сколько десятков, даже сотен людей были лично им обращены ко Христу... И вместе с этой кипучей — в застойные времена — деятельностью, какое постоянство в пастырском служении на деревенском приходе, где он пробыл вторым священником более 20 лет (настоятелем он был назначен всего лишь за год до смерти). И среди простого народа он пользовался не меньшей любовью, чем среди интеллигенции...

В перестроечные годы проповедь о. Александра значительно расширилась: он стал, одним из первых, преподавать в школах, выступать регулярно по телевидению, писать в газетах. Одна из последних его работ: предисловие к “советскому” переизданию “Святых древней Руси” Г. Федотова... Все, кто посещал о. Александра, удивлялись, как хватает у него сил на все расширяющуюся и научную, и общественную, и пастырскую, и милосердную деятельность...

Каким темным силам понадобилось занести руку на столь явное явление добра и света? У отца Александра было много врагов, и не только среди еще недавно всемогущих, враждебных христианству властей придерживающих. По своему происхождению (из обращенной во время гонений еврейской семьи), по своему темпераменту, горячему и сильному, по широте культуры, о. Александр принадлежал к православным “соловьевского” типа, со вселенским кругозором. Его естественно заботила, как и апостола Павла, духовная судьба еврейского народа, еврейских братьев по крови, которую он не мыслил вне Христа, вне возвращения к христианству, не обязательно в византийско-русском обличии, а скорее к первым иудео-христианским общинам.

Он не мирился с разделениями в христианском мире, и в противовес тем, кто любит воздвигать перегородки до самого неба между своими же, искал тех основ в Слове Божием и в святости, которые нас соединяют, а не разъединяют с инославными. В его прицерковном кабинете под иконами стояли (стоят еще) изображения католических святых, таких несомненных, как св. Тереза-маленькая и Шарль де Фуко... Все это не могло не вызывать и зависти, и непонимания, а у фанатично настроенных людей и озлобления.

Кто бы ни был фактическим убийцей о. Александра, в его мученической кончине повинны все те, кто сектантской узостью, горделивой правотой прямо или косвенно разжигают чувства религиозной распри и ненависти, все те, кто не умеет понять универсальность христианского благовестия и смелые, пусть иногда и рискованные шаги в этом направлении.

Я начал с того, что не был лично знаком с о. Александром, но через общих друзей, через бесчисленных его духовных детей, а иногда и прямо (мы обменялись однажды звуковыми письмами-кассетами) наше общение длилось едва ли не целых двадцать лет. Незадолго до его трагической смерти оно оживилось: имя о. Александра Меня стояло в организационном комитете выставки YMCA-Press в Москве... Случайным образом о. Александр находился в Библиотеке Иностранный литературы в тот момент, когда, в пятницу 5-го сентября, к ней подъехал трейлер, привезший в Москву 40.000 имковских книг... И уже посмертно я получил от него письмо, которое привожу здесь целиком, так как в нем содержатся слова, похожие на духовное завещание: призыв к широте, терпимости и соблюдению евангельской заповеди любви.

Никита Струве

ПИСЬМО О. АЛЕКСАНДРА МЕНЯ
к Н. А. Струве

Дорогой Никита Алексеевич!

Очень ждем Вас. Благодарим за Ваши многолетние и самоотверженные труды. В самые трудные годы все же была возможность немного "питаться" от них.

Сейчас у нас, естественно, возникает церковн. плюрализм (правда не очень мирный). Кто смотрит в сторону старообрядчества, кто в сторону Зарубежн. церкви: есть, как положено, и правые и левые. Словом, когда наступила "весна", все оттаяло и явило свой лик. Трудно и печально то, что светский мир, который сейчас очень потянулся к Церкви, будет наблюдать все наши немощи (а он нас сильно идеализирует).

У нас зарегистрировано "Библейское общество" (и даже не одно). Готовится журнал библейский. Вот было бы хорошо получить от Вас и о. А. Князева хоть небольшой материал!

Хотелось бы, чтобы наши новоиспеченные идеологи поучились у Вас избегать крайностей. Но это самое трудное. Протестанты очень активны. Мы с ними сотрудничаем. Но хотелось бы не отставать от них (без конфронтации, а в мирном соревновании ради Слова).

Еще раз спасибо. Низкий поклон.

Ваш

о. А. Мень

Сретенская церковь в Новой Деревне

† Прот. Александр МЕНЬ

ИНТЕРВЬЮ НА СЛУЧАЙ АРЕСТА

Это интервью, взятое у меня корреспондентом И., я разрешаю распространять, публиковать и перепечатывать ТОЛЬКО, если будут получены достоверные сведения о моем аресте. Это требование категорическое и безусловное. Текст прошу хранить так, чтобы он не был доступен никому, кроме владельца.

Прот. Александр Мень

— Отец Александр, мне говорили, что ваши работы публиковали только за рубежом. Верно ли это?

— Нет. С 1959 г. главы из моих двух книг в виде отдельных статей печатались в нашем церковном органе, “Журнале Московской Патриархии”. Кроме того там были опубликованы мои очерки об апостолах и некоторых из отцов Церкви. Первые мои статьи за рубежом были помещены в “Stimme der Orthodoxie” и болгарском “Церковном Вестнике”. Всего за период с 1959 по 1966 г. вышло около 30 моих статей.

— А книг?

— Поскольку у нас почти не издают книг богословского содержания, мои книги долгое время существовали в рукописном виде. Своего имени на них я не ставил. Поэтому, когда они выходили за границей, издатели снабжали их псевдонимами.

— А почему вы предпочитали не ставить своего имени?

— Когда книга ходит по рукам, всегда есть вероятность, что ее опубликуют за границей. А появление книг с моим именем вызвало бы нежелательную реакцию и могло быть неправильно истолковано. Для меня важнее, чтобы люди могли читать мои книги, а сенсаций и лишних проблем я не ищу.

— *Какие книги были вами написаны за последнее время?*

— Первой книгой, которая получила широкое хождение, был очерк евангельской истории, предназначенный для читателя, незнакомого с Писанием. Эта книга, “Сын Человеческий”, была напечатана в Брюсселе в 1968 г. издательством “Жизнь с Богом” под псевдонимом А. Боголюбов. Другая книга, посвященная православному богослужению, тоже была рассчитана на начинающего читателя. Она вышла без имени автора в том же издательстве под названием “Небо на земле” (Брюссель, 1969). С 1960 года я работаю над шеститомной историей религии. Ее цель дать картину духовного развития дохристианского человечества. Сейчас, когда многие люди захвачены духовными поисками, мне казалось важным показать, как человек прошлого искал Бога. Книга эта называется “В поисках Пути, Истины и Жизни”.

Первый том — “Истоки религии” — (Брюссель, 1970, под псевдонимом Э. Светлов) посвящен вопросу о сущности и происхождении религии. Второй — “Магизм и Единобожие” — (Брюссель, 1971) излагает историю религии в древнейших цивилизациях. Третий — “У врат Молчания” — рассматривает китайскую и индийскую религии и философию. Четвертый — “Дионис, Логос, Судьба” — посвящен греческой религии и философии. Пятый — “Вестники Царства Божия” — повествует о библейских пророках. Сейчас я работаю над шестым томом — “На пороге Нового Завета”. Он обнимает последние три века до нашей эры. Той же теме, что и шеститомник, посвящена моя кандидатская работа “Элементы монотеизма в дохристианской религии и философии” (1967).

Книга “Небо на земле” является первой частью трилогии “Жизнь в Церкви”. Вторая ее часть — “Как читать Библию”, а третья — “Практическое руководство к молитве”.

Кроме этого я составляю объяснение к “Символу веры” в виде опыта катехизиса в картинках. Первая часть — “Откуда явилось все это?” (ed. Dehoniane, Неаполь, 1972); вторая — “Свет мира”, а третья, еще незаконченная — “Соль земли”.

— А помимо тех книг, над которыми вы сейчас работаете, у вас есть планы на будущее?

— В наше время трудно что-либо планировать, но если будет дана возможность и силы, я хотел бы написать книгу о проблеме зла. Материал к ней уже собран, и называться книга должна “Хаос и Логос“. Еще мне хотелось бы написать книгу о Евангелии и мифе, в основу которой ляжет мой очерк “Миф или действительность“, приложенный к “Сыну Человеческому“. О других планах я не буду говорить, ибо не знаю, смогу ли осуществить даже перечисленные замыслы.

— Скажите, отец Александр, что является для вас главным: служение священника или литературная работа?

— Я это не могу разделить. Все, о чем мне приходится писать, тесно связано с моей деятельностью как священника. В частности, в своих книгах я стараюсь помочь начинающим христианам, пытаясь раскрыть на современном языке основные аспекты евангельского жизнепонимания и учения. Наша дареволюционная литература, к сожалению, не всегда понятна нынешним читателям, а иностранные книги обращены к людям с психологией и опытом иными, нежели наши. Поэтому постоянно существует нужда в новых отечественных книгах. Особенно для тех, кто недавно вступил на путь веры.

— А сами вы всегда были верующим или пережили обращение позднее?

— Каждый человек должен пережить нечто подобное “обращению“. Даже если он с детства был воспитан в вере.

— Ваши родители были верующими?

— Отец мой всю жизнь чуждался всякой религии. Он был инженером, всецело погруженным в свою работу, и духовные проблемы волновали его мало. Но мать моя и ее сестра крестились в сознательном возрасте и меня вос-

питали в православии. Кроме них в своем религиозном становлении я многим обязан духовным детям отцов Мечевых, а также одной монахине из Загорска и своему духовнику о. Н. Голубцову. Эти люди научили меня, как должен вестись диалог Церкви с миром.

— *А где прошла большая часть вашей жизни?*

— Я родился в Москве в 1935 г. и там закончил школу. С 1953 г. по 1955 г. я жил и учился близ Москвы, затем — три года в Сибири. С 1964 г. я с женой, дочерью и сыном живу под Загорском. С этим городом преп. Сергия у меня было много связано, начиная с того дня, когда меня там крестили ребенком.

— *Вы там получили богословское образование?*

— Да. Я окончил Московскую Духовную Академию в Загорске, но семинарию — в Ленинграде. Учился я заочно, уже служа на приходе. А до этого, с 1953 по 1958 г., я изучал биологию в Московском Пушном институте и Иркутском Сельскохозяйственном.

— *Вы хотели стать биологом?*

— Я очень люблю эту область науки и решил прежде поступления в семинарию поработать некоторое время в ней. Священник всегда только выигрывает, если проходит путь “светской” жизни до посвящения. Но Бог судил иначе. Из-за моих убеждений меня не допустили до государственных экзаменов. А через месяц я уже был рукоположен (1 июня 1958 г.).

— *Как же вас посвятили без духовного образования?*

— Я со школьных лет изучал богословие, пел, читал и прислуживал в храме. Так что ко времени рукоположения я уже получил необходимую начальную подготовку. Митр. Николай счел возможным принять меня без экзаменов. Рукоположен дьяконом я был арх. Макарием, а в 1960 г. иереем еп. Стефаном.

— Давно ли вы стали писать?

— Очень давно, почти с первых школьных лет. Первые большие книги, посвященные церковной и библейской истории, я написал будучи студентом. Теперь я смотрю на них лишь как на “трамплин” для дальнейшей работы. “Сына Человеческого” я написал в 1958 г., а через год была, как я уже говорил, опубликована моя первая статья. С тех пор я пишу постоянно, используя те урывки времени, которые остаются после приходской работы.

— Кто из богословов и писателей оказал на вас наибольшее влияние?

— На первом месте я должен назвать Вл. Соловьева. Хотя многие его воззрения я не разделял, но он был моим настоящим учителем. А уже после него я изучал труды представителей русской религиозной философии. Бердяеву, Флоренскому, Булгакову, Франку, Лосскому и др. я очень многим обязан. Из западных авторов в начале моих занятий наибольшее влияние на меня оказали европейские философы докантовского периода, а также Бергсон и Кр. Доусон. Впоследствии, познакомившись с трудами Тейяра де Шардена, я обнаружил в его идеях много для меня близкого. Среди отцов Церкви излюбленными остаются Апологеты, Климент Александрийский и Григорий Богослов.

— Много ли храмов вам пришлось сменить? Мы слышали, что вас подвергали преследованиям. Верно ли это?

— Я служил всего в четырех храмах. (В одном — дьяконом, в трех — священником). По нынешним временам это немного. Служил я всегда под Москвой. Некоторые неприятности у меня действительно бывали. В частности, нападки в прессе, обыски и слежка. Но прямым преследованиям я до сих пор не подвергался.

— *А почему? Ведь говорят, что всем активным священникам у вас приходится нелегко.*

— Я не могу вам ничего определенного ответить. Ведь это не от меня зависело. Но может быть здесь сыграло роль то, что я приобрел некоторую известность в заграничных церковных кругах. Кроме того, я старался не выходить в своей деятельности за чисто церковные рамки.

— *Вы что же, противник демократического движения?*

— Этот термин слишком туманный. Вообще я, разумеется, уважаю всякую честность и смелость. Но считаю, что мне лично хватает моего непосредственного дела. Кроме того, я убежден, что свобода должна вырастать из духовной глубины человека. Никакие внешние перемены не дадут ничего радикально нового, если люди не переживут свободу и уважение к чужим мнениям в собственном опыте. К сожалению, многие из тех, кто называл себя “демократами”, по психологии своей были скорее диктаторами.

— *Верите ли вы в будущность православия в России?*

— Безусловно. Но мне кажется, что мы не должны “плыть по течению”, а честно и вдумчиво решать все проблемы, которые ставит перед нами время. Конечно, условия сейчас сложные, но тем не менее трудно отказатьься от мысли, что кое-что в нашей церковной практике, канонах и богословии должно быть пересмотрено и углублено. Это не мое только мнение: его разделяет немало епископов, священников и мирян в нашей Церкви.

— *А как вы расцениваете работы о. С. Желудкова?*

— Я высоко ценю его стиль и мне близко его желание критически переосмыслить наше наследие. Но его крайних взглядов я никогда не разделял, как и взглядов церковных консерваторов. Мне думается, что верный путь лежит, как всегда, где-то посередине.

— *А как вы относитесь к Солженицыну?*

— Я не политик. Но хочу надеяться, что когда утихнут страсти, связанные со “злой днём”, его огромная роль будет оценена даже его противниками. Что касается религиозных мотивов в его творчестве, то для меня это — знамение времени. Думаю, это далеко не случайно, что выдающиеся русские писатели нашего столетия, такие, как Солженицын, Пастернак, Булгаков, Максимов и др., обращаются к христианству, к его учению и этике.

— *Каково должно быть, по вашему мнению, отношение христианства к современности?*

— Я не сочувствую попыткам создать “секулярное христианство”, которые кое-где предпринимаются на Западе. Путь компромисса, связанный с именем еп. Робинсона и др. “модернистов”, ничего “модерного” не содержит. Все это очень наивно, поверхностно. Просто люди заворожены и оглушенны “духом века сего”. Это далеко не ново и пройдет, как всякая мода. С другой стороны, я не могу смотреть на Церковь как на реликт прошлого. Христианин в современном мире — в этих словах заключена целая программа. Мы должны быть людьми современными, в хорошем смысле слова, и не страдать ностальгией прошлого, но при этом оставаться настоящими христианами по духу, взглядам и жизни. Это трудно. Но это — почетная задача, возложенная Богом на нынешние поколения.

— *Не думаете ли вы, что техническая цивилизация угрожает христианству?*

— Она угрожает не христианству, а людям вообще. Евангелие же, как и во все века, остается вечным призывом Христа к нам. Церковь основана не людьми. Тот, кто ее основал, предсказывал наступление трудных дней борьбы. Но Он — Победитель “мира”, и в этом для нас залог надежды. Камень, на котором стоит Церковь, не может быть сдвинут. То, что Христос поставил перед миром как задачу, не в состоянии осуществить какая-либо одна или несколько цивилизаций. Они проходят чередой,

лишь частично реализуя евангельский идеал. Поэтому я думаю, что история Церкви только начинается. Мы еще дети, несмотря на века, прошедшие со дня Пятидесятницы. Впрочем, что такое для Бога и истории эти 2000 лет?

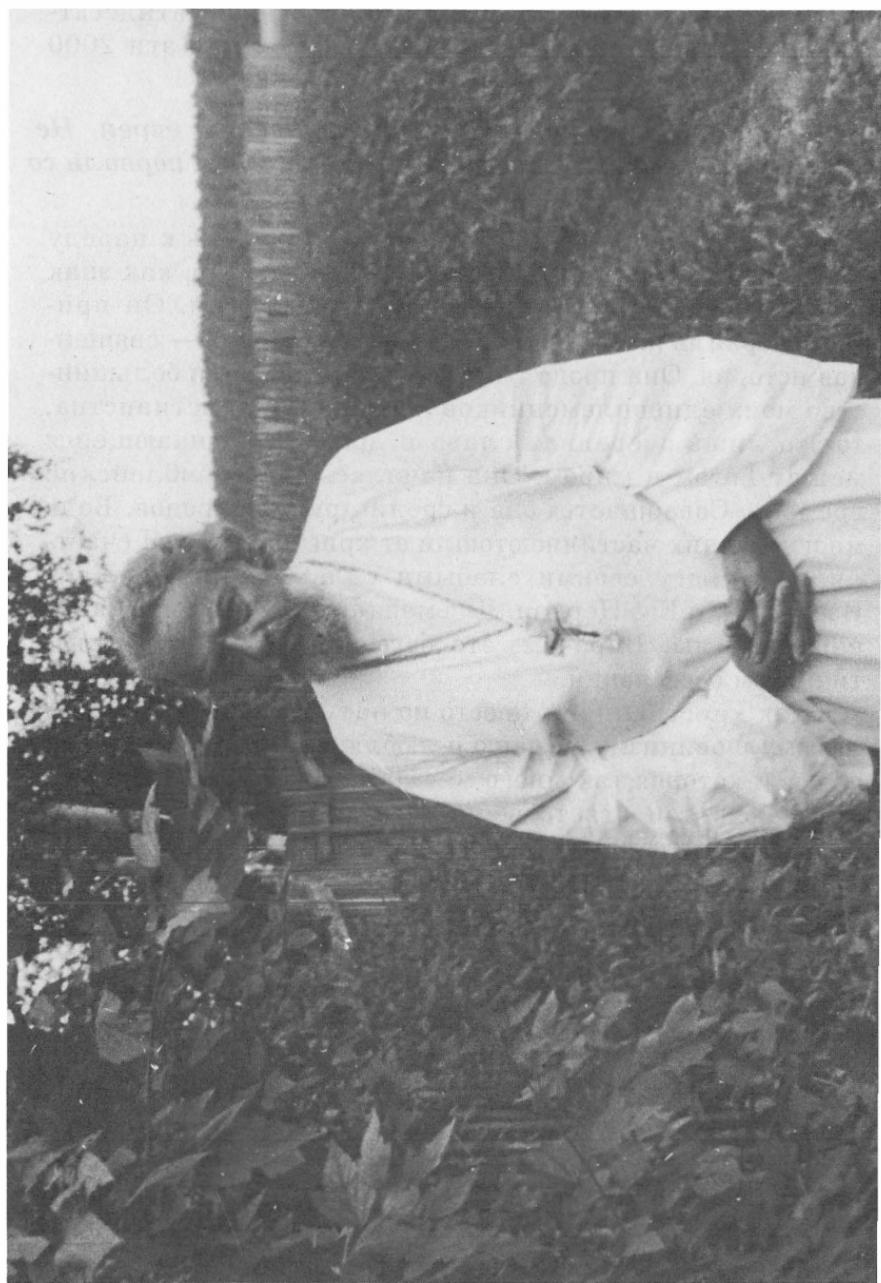
— Я слышал, что вы по происхождению еврей. Не считаете ли вы, что, являясь христианином, вы порвали со своим народом?

— Ни в какой мере. Свою принадлежность к народу Божию я воспринимаю как незаслуженный дар, как знак дополнительной ответственности перед Богом. Он призвал Израиль на служение Себе, и его история — священная история. Она продолжается и поныне. Если большинство моих единоплеменников не приняли христианства, то это лишь очередная глава в драме, совершающейся между Богом и миром. Она началась еще в библейские времена. Совершается она и среди других народов. Ведь многие из них частично отошли от христианства. Я счастлив, что могу своими слабыми силами служить Богу Израилеву и Его Церкви. Для меня Ветхий и Новый Завет неразделимы. Впрочем, это бесспорный тезис в христианском богословии.

Как христианин, и просто по натуре, я глубоко чужд любому шовинизму. Я ценю и люблю культуру, в которой вырос и которая так много мне дала, но ни на минуту не забываю о той ответственности и призвании, которые возлагает на меня принадлежность к Израилю.

— А как вы в качестве православного относитесь к другим исповеданиям?

— Отношение мое сложилось не сразу. Но путем долгих размышлений, контактов и исследований я пришел к убеждению, что Церковь по существу единица и разделили христиан главным образом их ограниченность, узость, грехи. Этот печальный факт стал одной из главных причин кризисов в христианстве. Только на путях братского единения и уважения к многообразным формам церковной жизни можем мы надеяться вновь обрести силу, мир и благословение Божие.

о. Александр Мень

ВЫСТАВКА ИЗДАТЕЛЬСТВА YMCA-PRESS В МОСКВЕ

В Москве с 17-го сентября по 6-е октября проходила выставка издательства YMCA-PRESS, на которой, почти без исключений, экспонировались все книги — около 500 — выпущенные издательством за 70 лет его существования. Инициатором выставки было издательство "Книжная Палата", организатором стала Библиотека Иностранной литературы, которую поддержало еще одно из крупнейших московских издательств — "Художественная литература".

По приглашению устроителей, в Москву приехал директор издательства Н. А. Струве. Данная им перед открытием пресс-конференция московской печатью освещалась широко и доброжелательно. Никита Алексеевич прочел также две лекции — "Веховцы в общественной жизни эмиграции" и "О Полночных стихах Анны Ахматовой", — собравшие большое количество слушателей, кроме того — ответил на вопросы присутствовавших на вечере-встрече, устроенном обществом "Радонеж", и неоднократно выступал с показом книг по телевидению.

После торжественного открытия выставка начала свою будничную жизнь. От YMCA-PRESS приехало в разное время, чередуясь, четверо сотрудников.

До поездки в Москву представление о предстоящем создавалось скорее идеально-отвлеченное, относилось оно более к содержанию выпущенных книг, чем к книге-предмету, который подлежит показу и может быть интересен с этой стороны. Расставили их до нашего приезда, так что выставка, подготовка которой в Париже потребовала немало хлопот, и для нас оказалась как бы новостью, к которой надо было приспособиться и привыкнуть. Мы думали, что разместимся в здании Библиотеки Иностранной литературы, о котором знали, что оно сравнительно новое и, как все новые здания, довольно безличное, способное вместить что угодно. Оказалось лучше — ради

YMCA-PRESS потеснился Отдел редкой книги, который расположен не в главном здании, а в двухэтажном особняке рядом: вместо безличных стен нас ждал олушевленный и доброжелательный старый московский дом.

Другая наша забота-представление домосковского периода — кто придет на выставку и чем она его порадует? Какое, действительно, утешение в том, чтобы разглядывать книги, которые ни в руки взять, ни почитать? А ведь так и есть — стоят вдоль стен стеклянные шкафы, посередине небольшого зала две круглые и тоже стеклянные «сырницы». Под одним колпаком — весь Бердяев, под другим — весь Солженицын. На шкафах — фотографические портреты известнейших эмигрантских авторов, корифеев русского религиозного возрождения. Кто читал и знает — прекрасно, можно посмотреть, поговорить. И, конечно, немало приходило людей сведущих, даже специалистов, что неудивительно для выставки такого рода. Но ведь известны трудности распространения книг в СССР, по причине которых не все желаемое можно найти. Кроме того, за последние годы YMCA-PRESS выпущено довольно много новых названий, и если автор — не религиозный философ, не Солженицын, не классик русской литературы, то можно с уверенностью сказать, что знаком он немногим. Это относится, скажем, к сериям ВМБ и ИНРИ. Вот почему нам необыкновенно счастливой показалась мысль одного из сотрудников библиотеки устроить при выставке читальный зал, который и работал все три недели. Но все же читательский интерес пре-восходил наши возможности — мы не могли, например, вынуть из-под стекла ни «Путь», ни «Новый Град», ни первые номера «Вестника», полистать которые нашлось немало охотников. Эти издания существовали в единственном выставочном экземпляре.

И третьего заранее нельзя было в точности предвидеть — как и кому будут проданы те 40 тысяч экземпляров книг, которые необычайных размеров грузовик привез за несколько дней до выставки из Парижа в Москву. Этими книгами распоряжались уже не мы, а отдел комплектования Библиотеки Иностранной литературы. В главном здании, в первом этаже, устроили «магазин» — маленькое

помещение, где сразу превратились в страстотерпцев занятые продажей – непривычным делом – сотрудники библиотеки. Спрос много превышал предложение. Уже в день открытия выстроилась внушительная очередь. На следующий день точно так же ждали возможности купить книги (продавалось всего несколько названий) сотрудники издательств «Книжная палата» и «Художественная литература», учреждений–строителей. Нам, имеющим принципиальную возможность купить любую книгу, смотреть на эти очереди, ясно, было неловко. Возникало чувство – которое не хочу называть парадоксальным, а иного слова не нахожу, – что, привезя книги, мы увеличили московский дефицит. Конечно, логика такого вывода не допускает, а все же. На третий день решили, что прежде всего надо распределять книги по заявкам, которых накопилось уже очень много, а продажу в магазине, по количеству названий, свести до минимума. И другого выхода действительно не было. Ведь и количество экземпляров каждой книги было ограничено, и деятели черного рынка осадили здание библиотеки не замедлив. А этого уж во всяком случае нам хотелось избежать, хотя понимали, что полной удачи тут ждать не приходится. И действительно, купленные у нас книги не втридорога, а в десять и двадцать раз дороже на черном рынке все-таки продавались. Кстати, предварительные цены в рублях, поставленные нами, оргкомитет нашел слишком низкими, их чуть повысили. Некоторые сочувствующие с отчаянием спрашивали, не сошли ли мы с ума. По их мнению, очередь повышением цен была бы ликвидирована, да и вообще не должна хорошая книга стоить слишком дешево... Для нас, однако, важна была хотя бы относительная доступность книг.

Мы приняли участие в рассмотрении заявок – от библиотек, приходов, редакций, их было свыше 250, – стараясь по совести раздать наше скучное богатство. Ко времени отъезда последнего сотрудника YMCA-PRESS работа эта далеко еще не была закончена...

По предварительной договоренности часть денег от продажи пойдет на восстановление недавно переданного Церкви Валаамского монастыря. Временный читальный

зал решено было, на вырученные средства, превратить в постоянный: таким образом, книги YMCA-PRESS будут бесперебойно доступны всем, кто ими действительно интересуется.

Выставка получила приглашение от ряда других городов (в частности, Риги, Киева, Твери, Тифлиса, Ленинграда). Первой намечена выставка в Ленинграде в начале 1991 г.

H. A.

Многоуважаемый Никита Алексеевич!

В № 141 “Вестника РХД“ опубликовано письмо Г. Кривошеина (стр. 264), в котором ставится под сомнение авторство статьи “Образ Христа в творениях св. Иоанна Златоуста“, появившейся в № 139 журнала.

Так как публикация данной статьи, с Вашей доброжелательной помощью, — дело моих рук, то со всей определенностью должен заявить, что ее автором является священник Анатолий Жураковский. То, что в более раннем издании (кажется, Джорданвильского монастыря) она приписана прот. Александру Глаголеву — ошибка. Статья эта не принадлежит о. Александру, о чем мне неоднократно указывали его прямые родственники. Они же свидетельствовали о написании ее о. Анатолием, авторство которого подтверждено и его духовными детьми, в частности, О. В. Михеевой и В. В. Опацкой.

Предполагаю, что во время Второй мировой войны список с нее был вывезен на Запад и ошибочно приписан о. Александру Глаголеву.

Можно также обратиться к анализу стилистики, слишком разной у обоих авторов—священномучеников, чтобы еще раз убедиться: текст этот написан о. Анатолием.

Во всех списках статьи, которые я встречал (также и в устных свидетельствах) имелась приписка, что она написана в Дарнице, на даче у Опацких, где часто гостили о. Анатолий и где никогда не бывал о. Александр.

По понятным причинам, я не имел возможности своевременно ответить на письмо господина Кривошеина.

Пользуясь случаем, хочу также сделать здесь заявление о том, что книга “Священник Анатолий Жураковский. Материалы к житию“, вышедшая в 1984 г. в издательстве YMCA–Press, собрана и составлена мною. Собственно, я являюсь ее редактором, автором преди-

словия к ней, двух пояснительных текстов и комментариев.

К сожалению, в типографское издание вкraлись досадные ошибки: в предисловии, в подписях под фотографиями.

В 1986 г. при моем аресте имковская книга была изъята, и следователи дали ей следующую аннотацию: "клеветническая". Долгое время я добивался, в частности, ее возврата и уже в 1990 г. получил из киевской прокуратуры сообщение, из которого видно, что книга предана огню. И это уже в самое последнее, перестроенное, время.

К сожалению, та же участь постигла и записи, примыкающие к работе над биографией о. Анатолия, а именно — рассказ о его духовном собрате, священномученике о. Евгении Лукьянине (во всяком случае, в 1986 г. аттестовав эту запись как "идейно-вредную", киевская прокуратура ее и поныне не отдает).

С уважением и благодарностью

Проценко Павел Григорьевич
июль 1990 г. Электросталь. Моск. обл.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции — Н. Струве 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Святой благоверный вел. кн. Александр Невский

— Монахиня Елена 7

К истории освидетельствования мощей св. Александра Невского (из записей С. П. Каблукова) 42

■ Памяти сестры Иоанны Рейтлингер

Отрывки воспоминаний об о. Сергии Булгакове

— с. Иоанна Рейтлингер 51

Автобиография — с. Иоанна Рейтлингер 84

Памяти инокини Иоанны — Д. Баранов 105

Еще раз о “Научной картине мира” — А. Паршин 117

■ Об А. А. Мейере (1875–1939)

Воспоминания слушательницы курсов Лесгафта 139

Отдельные высказывания на различные темы — А. Мейер 141

Из воспоминаний дочери — Л. Дмитриева 147

Два письма о. Павла Флоренского Н.Н. Глубоковскому
(Публикация А. Кипарисова) 174

Последние дни В.В. Розанова — Н. Кипарисов 180

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Три стихотворения — Сергей Стратановский 185

Стихи — Петр Вегин 187

Стихи — Ольга Ермолаева 191

Памяти Юрия Селиверстова (стихи) — В. Никитин 195

О “Полночных стихах” — <i>H. Струве</i>	197
“Последний народоволец”: новый штрих к портрету Л.А. Каннегисера (1898–1918) — <i>И. Мартынов</i>	205

СУДЬБЫ РОССИИ

■ Проблемы Церкви в эмиграции

Русская православная Церковь сегодня и новый патриарх — <i>Д. Поспеловский</i>	211
Зачем углублять раскол? — Заявление православной Церкви в Америке (прот. <i>Родион Кондратик</i>).....	229
Нужно ли канонизировать Николая II? — архиеп. <i>Иоанн Шаховской</i> (письмо 1981 г.).....	233
Письма С.Л. Франка к кн. Г.Н. Трубецкому (публ. <i>H. Струве</i>).....	242
Письмо И.А. Лаговского к С.Л. Франку	252

■ Мученики и исповедники XX столетия

Новое свидетельство о гибели митр. Киевского Владимира	257
И.А. Лаговский (1889–1941) — <i>Т. Милютина</i>	263
Не сломить клевете силы духа: памяти К.И. Крав- ченка — <i>H. Фельдман–Кравченок</i>	270

■ Памяти о. Александра Меня

Отец А. Мень — прот. <i>Г. Папроцки</i>	287
Памяти о. Ал. Меня — <i>H. Струве</i>	294
Письмо о. Александра Меня к Н.А. Струве	297
Интервью на случай ареста — прот. <i>А. Мень</i>	298

Выставка издательства YMCA-Press в Москве — <i>Н.А.</i>	307
<i>Письмо в редакцию</i>	311

SOMMAIRE

<i>Editorial</i> — N. Struve	3
------------------------------------	---

THEOLOGIE - PHILOSOPHIE

<i>Saint Alexandre de la Néva</i> — Sœur Elena	7
<i>Invention des reliques de saint Alexandre en 1917</i> (extrait du Journal de S. Kabloukov)	42
■ Sœur Jeanne Reitlinger (1898-1988)	
<i>Le Père Serge Boulgakov</i> — Sœur Jeanne Reitlinger	51
<i>Autobiographie</i> — Sœur Jeanne Reitlinger	84
<i>In Memoriam Sœur Jeanne Reitlinger</i> — D. Baranov	105
<i>La "représentation scientifique du monde"</i> (à propos d'un article de V. Trostnikov) — A. Parchine	117
■ Alexandre Meyer (1875-1939)	
<i>Les conférences d'A. Meyer à l'institution Lesgaf</i>	139
<i>Pensées et aphorismes</i> — Alexandre Meyer	141
<i>A. Meyer, mon père</i> — D. Dmitrieva	147
<i>Lettres du P. Paul Florenski</i> à N. Gloubokovski	174
<i>Les derniers jours de V. Rozanov</i> — N. Kiparissov	180

LITTERATURE ET VIE

<i>Poésies</i> — S. Stratanovski, P. Vaghine, O. Ermolaeva	185
<i>A la mémoire de Ju. Seliverstov</i> (poème) — V. Nikitine	195
<i>Les "Poèmes de minuit" d'Akhmatova</i> — N. Struve	197
<i>Le poète Léonide Kannegisser</i> (1898-1918) — I. Martynov	205

DESTINEES DE LA RUSSIE

■ L'“Eglise russe hors-frontières“ et la Russie

<i>L'Eglise russe et le nouveau patriarche</i> — D. Pospelovski	211
<i>A quoi bon aggraver le schisme?</i> — Communiqué de l'Eglise orthodoxe d'Amérique (P. Rodion Kondratik)	229
<i>Faut-il canoniser Nicolas II?</i> — Archevêque Jean Shakovskoi (lettre de 1981)	233
<i>Lettres de S. Frank au prince G. Troubetskoi (1926-29)</i>	242
<i>Lettre d'Ivan Lagovski à S. Frank (1926)</i>	252

■ Martyrs de la foi du XX siècle

<i>Nouveaux témoignages sur l'assassinat de Mgr Vladimir, métropolite de Kiev († 1918)</i>	257
<i>Le destin tragique d'un chrétien engagé : Ivan Lagovski (1889-1941)</i> — T. Milioutina	263
<i>A la mémoire de K. Kravtchenok</i> — N. Feldman-Kravtchenok	270

■ In Memoriam P. Alexandre Men (1935-1990)

<i>Le P. Alexandre Men</i> — Père G. Paprocki	287
<i>A la mémoire du P. Alexandre Men</i> — N. Struve	294
<i>Lettre du P. Alexandre à N. Struve</i>	297
<i>Interview du Père A. Men (1978)</i>	298

<i>L'exposition des éditions "YMCA-Press" à Moscou</i> — N.A....	307
<i>Lettre à l'éditeur</i> — P. Protsenko	311

Издательство «YMCA-Press»

11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, France

“

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ — «И.Н.Р.И» —

(Серия под ред. А. Солженицына)

Цена во
фпр. фпр.

т. 1	ЛЕОНТОВИЧ В. История либерализма в России. 1980, 560 стр.	150.-
т. 2	НЕЗАВИСИМОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в 1918 г.	(распродано)
т. 3	НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КОММУ- НИЗМУ В РОССИИ. Урал и Прикамье (Ноябрь 1917–январь 1919). 1982, 602 стр.	150.-
т. 4	КАТКОВ Г. Февральская революция. 1984, 426 стр.	150.-
т. 5	ФЕЛЬШТИНСКИЙ Ю. Большевики и левые эсеры. 1985, 290 стр.	120.-
т. 6	КАТКОВ Г. Дело Корнилова. 1987, 252 стр.	100.-
т. 7	ТОЛСТОЙ-МИЛОСЛАВСКИЙ Н. Жертвы Ялты. 1988, 532 стр.	150.-
т. 8	ХОФФМАНН Й. История Власовской армии. 1990, 380 стр.	120.-

Издательство « YMCA-Press »

“ВСЕРОССИЙСКАЯ МЕМУАРНАЯ БИБЛИОТЕКА”

“В.М.Б.” — “Наше недавнее” — “В.М.Б.”

(Серия под ред. А. Солженицына)

т. 1	ВОЛКОВ-МУРОМЦЕВ Н. Юность от Вязьмы до Феодосии. 1984, 426 стр.	100.-
т. 2	КРИВОШЕИНА Н. Четыре трети нашей жизни. (распродано)	
т. 3	ХРЕПТОВИЧ-БУТЕНЕВА О. Перелом. 1984, 236 стр.	100.-
т. 4	ГЕРАСИМОВ А. На лезвии с террористами. 1985, 208 стр.	100.-
т. 5	САЙН-ВИТГЕНШТЕЙН Е.Н., кн. Дневник 1914-1918. 1986, 300 стр.	120.-
т. 6	ЧЕРОН Ф. Немецкий плен и советское освобождение. + ЛУГИН Н. Полглотка свободы. 1987, 300 стр.	100.-
т. 7	ПАЛИЙ П. В немецком плену. + ВАЩЕНКО Н. Из жизни военнопленного 1942-1945. 1987, 300 стр.	100.-
т. 8	ОБОЛЕНСКИЙ В. Моя жизнь, мои современники. 1988, 754 стр.	150.-
т. 9	ПАЛИБИН Н. Записки советского адвоката. 1988, 210 стр.	100.-
т. 10	ТРУБЕЦКОЙ С.Е., кн. Минувшее. 1989, 308 стр.	100.-
т. 11	ОКУНЕВ Н.П. Дневник москвича (1917-1924). 597 стр., 1990	120.-

Книжный магазин «Les Editeurs Réunis»
11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, France

Большой выбор книг, издававшихся на Западе и в Советском Союзе

А. Д. САХАРОВ

том 1

ВОСПОМИНАНИЯ

945 стр. Цена: 216.- фр.

том 2

ГОРЬКИЙ, МОСКВА, ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ

288 стр. (34 фотографий) Цена: 120.- фр.

Издательство «YMCA-Press»

11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, France

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ?

(Посильные соображения)

52 стр.

Цена: 35.- фр.

* *

*

А.В. КАРТАШЕВ — Н.А. СТРУВЕ

70 ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВА «YMCA-PRESS» (1920–1990)

40 стр. (30 фотографий)

Цена: 27.- фр.

* *

*

ПИСЬМА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

К АРИАДНЕ БЕРГ (1934–1939)

Подготовка текста, переводы и комментарий

Н.А. Струве

190 стр. (25 фотографий)

Цена: 90.- фр.

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Издание РСХД — YMCA-Press

ВНИМАНИЕ !

С 1990 г. открывается подписка в СССР
с прямой пересылкой из Парижа.

Подписная плата : 36 рублей в год (за 3 выпуска)

Представитель „ВЕСТНИКА“ в СССР :

Богословский А. Н.
Проспект Мира, д. 110/2, кв. 291,
129626 Москва.

■ ■ ■

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА» на Западе

в Америке (West) :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA

в Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal, P.Q. H2L 2R7

в Англии :

«Aid to the Russian Christians», P.O. Box 200, Bromley, Kent, BR1 1QF

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнаниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лице России, в напоминании о страданиях русского народа.

